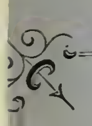
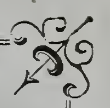

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

РОССІЯ

ПО

РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

И

УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ

Д. Семеновъ.

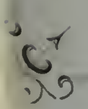
ТОМЪ III.

КАВКАЗЪ и УРАЛЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1866.

КНИГОПРОДАВЦЕМЪ М. О. ВОЛЬФОМЪ

ИЗДАНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Исторія Юлія Цезаря. Сочиненіе императора Наполеона III. Переводъ М. М. Стасюлевича. Сочиненіе это будетъ состоять изъ 3 большихъ томовъ въ 8 д. л. съ атласомъ картъ и плановъ. Томъ 1-й вышелъ изъ печати. Томъ 2-й переводится. Подписная цѣна на изданіе безъ картъ за всѣ 3 тома 12 р. съ пересылкою; съ картами 27 р. съ пересылкою.

Маколей. Полное собраніе сочиненій. Переведено, подъ редакціею Тиблена, Н. Чернышевскимъ, Ф. Резенеромъ, Думшинымъ и др. Иллюстрированное изданіе съ 200 портретами. 16 т. въ 8 д. л., изъ которыхъ 15 томовъ текста; томъ 16-й заключаетъ портреты. Цѣна полному сочиненію въ переплетѣ 25 р. Каждый изъ 15 томовъ текста продается отдѣльно по 1 р. 50 к. Цѣна 16-го тома, то есть портретовъ, 6 р. с.

Милль. Система логики. Съ 5-го дополненнаго лондонскаго изданія переведено, подъ редакціею П. Л. Лаврова, Ф. Резенеромъ. 2 тома въ 8 д. л. Подписная цѣна 7 р. 50 к.

Циммерманъ. Міръ до сотворенія человѣка. Общепонятное изложеніе первоначальнаго состоянія нашей планеты, описаніе разныхъ періодовъ развитія земной коры, ея растительности и явленій, до новѣйшихъ временъ. Переводъ д-ра Ольхина. Второе исправленное изданіе. 1 т. въ 8 д. л. съ 194 политипажами. Ц. 3 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 4 р.

—— Человѣкъ. Таинственныя явленія нравственной и физической его природы. Популярное изложеніе по новѣйшимъ изслѣдованіямъ естествознанія и исторіи. Переводъ д-ра Гиршгорна. 2 т. въ 8 д. л. съ 150 политипажами. Ц. 5 р.

Фохтъ. Человѣкъ, мѣсто его въ мірозданіи и исторіи земли. Переводъ д-ра Кашина. 1 т. въ 8 д. л. съ 128 политипажами. Ц. 2 р.

Россмеслеръ. Вода. Изложеніе для образованныхъ читателей и читательницъ. Переводъ Андреянова и Яблонскаго. 1 т. въ 8 д. л., съ 87 хромолитографированными таблицами и 47 политипажами. Ц. 4 р.

Шлейденъ. Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія. Переводъ д-ра П. Ольхина. 1 т. въ 8 д. л. съ 16 рисунками и 5 раскрашенными картинами. Ц. 3 р.

Мюллеръ. Міръ растеній. Опытъ космической ботаники. Переведено подъ редакціею Ф. Резенера. 1 т. въ 8 д. л., съ 300 политипажами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к. Въ коленкоровомъ переплетѣ 4 р.

Дарвинъ. Ученіе о происхожденіи видовъ въ царствѣ растеній и животныхъ, примѣненное къ исторіи міротворенія. Изложено и объяснено

Ф. Ролле. 1 т. въ 8 д. л., съ политипажами и портретомъ Дарвина по фотографіи Бюхнера. Ц. 2 р.

Мазіусъ. Картины растительности. Переводъ Ф. Резенера. 1 т. въ 8 д. л. въ красивомъ переплетѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Фохтъ. Чтенія о мнимополезныхъ и мнимовредныхъ животныхъ. Переводъ П. Ольхина. 1 т. въ 12 д. л. съ 60 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Молешоттъ. Естествознаніе и медицина. Рѣчь, читанная 28 ноября 1864 г. при открытіи новаго курса лекцій физіологіи. 1 т. въ 16 д. л. Ц. 50 к.

Вейсбахъ. Теоретическая и практическая механика. Перевели съ 3-го нѣмецкаго изданія. І. Стебницкій, Н. Соколовъ и П. Усовъ. 3 тома въ 6-ти книгахъ, каждый томъ отъ 1200 до 2000 стр. печати въ 12 д. л. съ 700 до 1000 политипажей. Ц. полному изданію 25 р. Сверхъ того издано дополненіе къ 1-му тому по новому изданію нѣмецкаго оригинала, которому цѣна 1 р.

Вегнеръ. Эллада. Картины древней Греціи. Ея религія, могущество и просвѣщеніе. Переводъ П. Евстафьева. 1 т. въ 8 д. л. съ 234 политипажами. Ц. 3 р. 50 к. Въ коленкоровомъ переплетѣ 4 р.

— Римъ. Начало, распространеніе и паденіе всемірной монархіи римлянъ. Переводъ П. Евстафьева. 2 т. въ 8 д. л. съ 500 политипажами. Ц. 8 р. Въ коленкоровомъ переплетѣ 9 р.

Пѣсни Беранже. Переводы Василія Курочкина. Изданіе второе, великолѣпно иллюстрированное картинами на стали, исправленное и умноженное вновь переведенными пѣснями. 1 т. въ 8 д. л. на веленевой бумагѣ съ приложеніемъ 12 гравюръ на стали. Ц. 5 р.; въ богатомъ оригинальномъ парижскомъ переплетѣ 6 р.

Мицкевичъ. Конрадъ Валленродъ. Гражина. Двѣ поэмы. Переводъ В. Бенедиктова. 1 т. въ 8 д. л. съ 80 иллюстраціями И. Тысевича. Ц. 2 р. 50 к. То же изданіе на веленевой бумагѣ, въ парижскомъ мозаиковомъ переплетѣ, 5 р.

Картинныя Галлереи Европы. Собраніе замѣчательныхъ произведеній живописи различныхъ школъ Европы. Съ текстомъ А. Андреева. 3 тома въ 4 д. л., въ каждомъ по 49 гравюръ на стали, 12 портретовъ художниковъ, 12 политипажей и 30 листовъ текста. Цѣна каждому тому 7 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 8 р. 50 к. Всѣ 3 тома уступаются за 20 р., въ переплетѣ за 25 р.

Историческіе очерки изъ современныхъ европейскихъ писателей. 1 т. въ 8 д. л. Ц. 2 р.

Философія и наука. Очерки изъ современныхъ европейскихъ писателей. 1 т. въ 8 д. л. Ц. 2 р.

Даль. Полное собраніе сочиненій. 8 томовъ въ 12 д. л. Ц. 10 р.

Скавронскій. Воля. Два романа изъ быта бѣглыхъ. Т. І. Бѣглые въ Новороссіи. Т. II. Бѣглые воротились. 2 т. въ 12 д. л. Ц. 2 р. 50 к.

Дмитріевъ. Недалекое прошлое. Повѣсти и разсказы. 1 т. въ 8 д. л. Ц. 2 р.

Милюковъ. Путевыя впечатлѣнія на сѣверѣ и югѣ. 1 т. въ 8 д. л. Ц. 2 р.

—— На улицѣ и еще кое-гдѣ. Листки изъ памятной книжки. 1 т. въ 16 д. л. Ц. 1 р. 25 к.

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

ТОМЪ III.

КАВКАЗЪ и УРАЛЪ.

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

Semenov, Dmitrii Dmitrievich

РОССІЯ

по

РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

и

УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ

Д. СЕМЕНОВЪ.

ТОМЪ III.

КАВКАЗЪ и УРАЛЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1866.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.
(Спб., Караванная, № 24.)

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

КАВКАЗЪ.

УРАЛЪ.

IV. КАВКАЗЪ.

1. Историческій очеркъ.

Кавказъ не только для насъ, русскихъ, но и для другихъ, болѣе отдаленныхъ народовъ, даже древнихъ, всегда былъ заколдованною страною, куда влекла ихъ какая-то магическая сила. Кавказъ — обѣтованная страна для рыцарскихъ стремленій, страна, полная историческихъ преданій и поэзіи, полная цвѣтущей жизни и величія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пепелищъ, руинъ, гробницъ. Развалины храмовъ, мраморные обломки статуй, колоннъ и другіе остатки роскошнаго зодчества, находимые во многихъ мѣстностяхъ Кавказа, свидѣтельствуютъ, что здѣсь когда-то были распространены образованіе и утонченность нравовъ жителей. Имя Кавказа связано съ миѳологіею древнихъ грековъ сказаніемъ о Прометеѣ, прикованномъ къ скалѣ горы Эльбрусъ. Самая древняя исторія грековъ разсказываетъ о такъ называемомъ походѣ *аргонавтовъ* въ Колхиду и Лазику (нынѣшняя Мингрелія и Гурія, по р. Ріону), для похищенія золотаго руна. Очевидно, что богатство этой страны и открытыя нами въ 1864 г. золотоносныя розсыпи были извѣстны и древнимъ грекамъ, которые здѣсь завели колоніи, прославившіяся своею торговлею; колонія ихъ Діоскуріасъ, какъ сказываютъ, была сборнымъ мѣстомъ для трехъ сотъ различныхъ націй. Здѣсь же, по берегамъ Чернаго моря, изъ этихъ колоній образовалось знаменитое Понтійское царство, которое, въ свою очередь, подпало подъ власть

римлянъ, не смотря на упорную защиту славнаго Понтійскаго царя Митридата. Здѣсь по рр. Курѣ и Ріону лежалъ торговый путь изъ Европы въ Азію, обогатившій въ средніе вѣка генуэзцевъ и венеціанцевъ. Торгъ здѣсь производился не только товарами, богатыми естественными произведеніями, но и рабами: много перевезено съ Кавказа плѣнительныхъ красавицъ въ гаремы турецкихъ султановъ и пашей и другихъ мусульманскихъ властелиновъ. Эти красавицы оказали значительное вліяніе на улучшеніе татарской и монгольской расы.

Въ средніе вѣка Кавказъ служилъ мостомъ, по которому проходили разныя полчища изъ Азіи въ Европу, таковы: готфы, аланы, хазары, гунны, авары, монголы, аравитяне, татары. Воинственный духъ, необыкновенная стойкость туземцевъ, съ одной стороны, и дикая, неприступная мѣстность горной природы, чаща непроходимыхъ дебрей и громадныя скалы — съ другой стороны, служили преградою, о которую, какъ о каменную стѣну, разбивались волны незваныхъ полчищъ, оставляя лишь неглубокіе слѣды своего насилія. Только аравитяне, одушевленные пламеннымъ фанатизмомъ ученія Магомета, послѣ кровавыхъ и упорныхъ войнъ, успѣли наложить на кавказскія племена печать своего владычества болѣе прочно. Судя же по сходству языка бо́льшей части кавказскихъ племенъ съ языками персидскимъ, татарскимъ и турецкимъ, надо полагать, что татары, персы и турки играли также немаловажную роль въ судьбѣ кавказскихъ горцевъ, и что племенное смѣшеніе между тѣми и другими было весьма значительно. Но окончательное вліяніе на судьбу Кавказа суждено имѣть болѣе сильному и могущественному сосѣду — Россіи.

Такимъ образомъ, туземныя кавказскія племена то смѣшивались съ пришельцами, то, дорожа болѣе всего своею свободою и независимостью, скрывались въ горныхъ ущеліяхъ и въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ и сохранили свою первобытную національность въ бо́льшей или меньшей чистотѣ. Изъ смѣшенія нѣсколькихъ племенъ образовались новыя разновидности, которыя, въ свою очередь, подвергались новымъ измѣненіямъ, то

удаляясь въ горы, то подчиняясь вліянію сильныхъ народовъ. Вотъ откуда произошло такое необыкновенное множество племенъ и нарѣчій, которыя мы нынче находимъ на Кавказѣ. Не даромъ Кавказъ называютъ «жерломъ народовъ» и «скопищемъ племенъ».

Изъ коренныхъ обитателей Кавказа пользуются историческою извѣстностью собственно только грузины и армяне, какъ народы, имѣющіе свою письменность и достигшіе значительнаго гражданскаго развитія еще до владычества Россіи. Исторія же другихъ, такъ называемыхъ горскихъ племенъ, еще далеко не разработана. Хотя о нихъ много писали и древніе и новѣйшіе историки и этнографы, но всѣ, сообщаемыя ими свѣдѣнія, или отрывочны и неточны, или просто сомнительны и сбивчивы.

Огромное Армянское царство занимало въ древнія времена значительную часть Кавказа. Хотя Арменія находилась въ зависимости сначала отъ Ассиріянъ, а потомъ отъ Александра Македонскаго, но уже въ 428 г. до Р. X. сдѣлалась сильнымъ государствомъ, границы котораго, опираясь на оба моря, Каспійское и Черное, простирались съ одной стороны до Тигра и Евфрата, а съ другой до р. Куры. Впрочемъ, существованіе Арменіи, какъ самостоятельнаго царства, было непродолжительно и прерывалось по временамъ то иностраннымъ владычествомъ, то внутренними раздорами: она часто подпадала подъ власть то аравитянъ, то монголовъ и татаръ, то, наконецъ, турковъ и персовъ, которые постоянно разоряли эту страну. Съ конца XI в. армяне массами стали переселяться въ разныя страны. Они основали многочисленныя колоніи въ Астрахани, Крыму, Молдавіи, Польшѣ и въ другихъ мѣстахъ, но на Кавказѣ ихъ несравненно больше, чѣмъ въ остальной Россіи.

Въ началѣ XVIII ст. кавказскіе армяне, находившіеся подъ властію Персіи, пользуясь внутренними раздорами въ этой странѣ и полагаясь на свою значительную численность (ихъ было до 200,000, а татаръ и персовъ почти на половину меньше), а также на помощь со стороны Россіи, дѣлали было попытки к возстановленію своей независимости. Но тщетны были ихъ у

лія: не обладая достаточными матеріальными средствами и не получая извнѣ поддержки, послѣ семилѣтней борьбы, должны были смириться. Страна была опустошена въ конецъ.

Принявъ христіанство въ IV в., армяне, не смотря ни на какія гоненія, и по настоящее время слѣдуютъ ученію своей національной церкви и упорно держатся ея обрядовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (отъ 3 до 4 т.) исповѣдуютъ католическую вѣру. Хотя армяне имѣютъ свою письменность и литературу, но народный ихъ языкъ постоянно бѣднѣетъ и искажается примѣсью словъ, заимствованныхъ у персовъ, турковъ, грузинъ, русскихъ и др. народовъ, съ которыми они имѣютъ постоянныя сношенія. Сами себя армяне называютъ *Гаи*, а страну свою *Гайастанъ*, вѣроятно по имени перваго своего царя Гайка. Армянъ, вообще, никто не любитъ, потому что они отличаются особенною скрытностію и корыстолюбіемъ; ихъ двуличность и пронырливость вошли въ поговорку. Порча нравовъ армянъ — неизбѣжное слѣдствіе ихъ рабскаго политическаго состоянія въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подъ гнетомъ деспотизма восточныхъ властелиновъ.

Въ сосѣдствѣ съ Арменіею, на сѣверѣ отъ Куры, обитали два другіе народа, *Албанцы* и *Иберійцы*. Они отдѣлялись другъ отъ друга р. Арагвою. Первые жили по лѣвую сторону, а вторые— по правую. О царствѣ Албанскомъ упоминаютъ многіе древніе писатели. Извѣстный греческій географъ Страбонъ, между прочимъ, говоритъ, что въ Албаніи обитало до 26 народовъ. Но, вообще, всѣ свѣдѣнія не только объ этихъ народахъ, но даже о самой границѣ сказаннаго царства, до того неточны и сбивчивы, что нѣкоторые писатели смѣшивали албанцевъ съ аланами, а самую Албанію помѣщали въ Дагестанѣ, между тѣмъ какъ по новѣйшимъ, болѣе точнымъ изслѣдованіямъ, оказалось очевиднымъ, что то и другое совершенно невѣрно. Съ достовѣрностью можно сказать только то, что албанцы сперва находились подъ вдастію римлянъ, какъ это видно изъ біографіи римскаго полководца Помпея, а потомъ, также какъ и армяне, подчинились власти татаръ, турковъ и персовъ. Гораздо болѣе

достовѣрна исторія западныхъ сосѣдей албанцевъ—иберійцевъ, или нынѣшнихъ грузинъ (составляющихъ преобладающую массу населенія въ губ. Тифлисской и Кутаисской). Грузины, по своему происхожденію, принадлежатъ къ кавказской расѣ и имѣютъ большее или меньшее сходство съ горцами. Они, также какъ и эти послѣдніе, воинственны, вспыльчивы и честолюбивы, и въ этомъ отношеніи весьма рѣзко отличаются отъ слишкомъ разсчетливыхъ армянъ. Грузины говорятъ совершенно особымъ языкомъ, впрочемъ, не вездѣ одинаковымъ: языкъ этотъ дѣлится на слѣдующія нарѣчія: кахетинское, имеретинское, мингрельское, гурійское, и собственно грузинское или картлійское. Грузины извѣстны у разныхъ писателей подъ разными именами: то лазовъ, то мингрельцевъ, то кахетинцевъ, то георгіянъ, то карталинцевъ, и еще подъ другими именами, менѣе употребительными *).

Историческую извѣстность, какъ самостоятельное государство, Грузія пріобрѣтаетъ уже въ началѣ IV в. до Р. Х., когда въ царствованіе династіи Фарназавской была изобрѣтена азбука Но на судьбу этой страны, не говоря уже о римлянахъ, татарахъ и другихъ древнихъ и средневѣковыхъ завоевателяхъ, сильное вліяніе имѣли турки и персы. Вообще, политическое существованіе Грузіи не имѣло прочныхъ основаній: внѣшніе враги и внутренніе раздоры постоянно разрывали по частямъ ломкія государственныя пружины. «Много есть поэзіи, говоритъ *Пл. Іосселіанъ*, въ кровавой исторіи Кавказа; грузинъ читаетъ ее со слезами. Она описываетъ вѣками исчисляемыя бѣдствія, дро-

*) Впрочемъ, всѣ эти названія обусловливаются или временемъ, или мѣстомъ. Лазикою или Колхидою (нынѣшняя Гурія) называлась въ древности страна, прилегавшая къ Черному морю и Фазису (Ріону); названіе Грузіи или Георгіи возникло уже въ средніе вѣка. Кахетія, славящаяся своими виноградниками — собственно, сѣверо-восточная часть Грузіи (древняя Албанія), Мингрелія — западная, у Чернаго моря. Сами себя грузины называютъ *Картли*, считая себя потомками Картлоса, внука Ноя; отсюда произошло и названіе Карталиніи.

бленіе царствъ на царства, междоусобія между царями и князьями, возстанія племенъ на племена, родовъ на роды, замки феодаловъ, какъ прибѣжище грабежей, дворы вельможъ, какъ вертепы самовластнаго тиранства, передъ которымъ униженно преклоняли колѣна и народъ, и духовенство, и самое дворянство». Впрочемъ, исторія Грузіи представляетъ и нѣсколько свѣтлыхъ сторонъ; объ нихъ по крайней мѣрѣ говоритъ, какъ о минувшей славѣ и величія этой страны, ея довольно богатая литература. Въ ней упоминаются имена духовныхъ просвѣтителей (въ V и VI в.) и доблестныхъ царей, изъ которыхъ болѣе всего замѣчательны: *Вахтангъ Гургасланъ* (446 — 499), завоевавшій Мингрелію, Абхазію, побѣдившій печенѣговъ и завладѣвшій даже Эрзерумомъ; царица *Тамара* (1184 — 1212), побѣдившая армянъ, турковъ, персіянъ и распространившая свою власть надъ лезгинами, впрочемъ, только на краткое время. Но какова бы ни была слава царей, Грузія все-таки клонилась къ упадку: въ 1259 г. Имеретія отдѣляется отъ Карталиніи; затѣмъ, начиная съ XVI в., Россія пріобрѣтаетъ сильное вліяніе на дѣла Грузіи, и ея цари начинаютъ отдаваться въ подданство русскимъ царямъ. Хотя подданство это было непрочно, въ видѣ покровительства; хотя впослѣдствіи Карталинія и Кахетія соединились въ лицѣ одного владѣтеля, Георгія XIII, но это уже былъ послѣдній грузинскій царь; послѣ смерти котораго обѣ эти страны окончательно вошли въ составъ Россійской имперіи, въ 1801 г. Вскорѣ, и именно черезъ 10 лѣтъ, была присоединена къ Россіи и Имеретія.

Такимъ образомъ, Россія стала твердою ногою въ Закавказьѣ; но она не могла бы достигнуть этого, еслибы раньше не укрѣпилась въ сѣверномъ Кавказѣ. Судя по русскимъ лѣтописямъ, еще при первыхъ князьяхъ Рюриковичахъ, Русь входила въ нѣкоторыя сношенія съ Кавказомъ, то дружественныя, то враждебныя. Владѣнія Мстислава Ярославича (Тмутараканское княжество) отдѣлялись отъ земли горцевъ только р. Кубанью. Изяславъ I былъ женатъ на княжнѣ Абазинской, а Георгій, сынъ Андрея Боголюбскаго — на грузинской царевнѣ Тамарѣ. Очень

вѣроятно, что упоминаемые въ древней лѣтописи *Косоги* и *Яссы*, которыхъ облагали данью Святославъ, Мстиславъ и Ростиславъ (1016 — 1065), были нынѣшніе черкесы и осетинцы. Съ другой стороны, арабскіе писатели повѣствуютъ, что въ X в. русскіе князья производили набѣги на восточный Кавказъ и разорили нѣсколько городовъ по Каспійскому морю (въ Дагестанѣ).

Но каковы бы ни были отношенія древней Руси къ Кавказу, послѣ этихъ кратковременныхъ успѣховъ, всякая связь между этими странами окончательно прервалась на долгое время, и даже о Тмутараканскомъ княжествѣ русскія лѣтописи, съ самаго начала XI в., не говорятъ уже ни слова. Сначала кочевья половцевъ по степямъ Дона, а потомъ владычество татаръ уничтожили всѣ плоды русскаго оружія на Кавказѣ.

Только въ половинѣ XVI в., при Іоаннѣ Грозномъ, Россія начинаетъ распространять свою власть на Кавказѣ болѣе или менѣе прочно. Послѣ завоеванія Астрахани, владѣнія Россіи стали расширяться все дальше и дальше на югъ: сперва на счетъ ногаііцевъ, кочевавшихъ между Каспійскимъ моремъ, Дономъ и Волгою, а потомъ кабардинцевъ, обратившихся къ покровительству московскаго царя, чтобы избавиться отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, которые были въ то время еще сильны. Въ 1561 г. Іоаннъ сочетался бракомъ съ черкесскою княжною Маріею Темрюковною; это еще болѣе сблизило Россію съ горцами. Въ 1567 г. уже была основана первая крѣпость *Терки*, при устьѣ Терека *). Затѣмъ, въ 1587 г., оружіе было перенесено дальше на югъ, за Терекъ, къ берегамъ р. *Койсу*, гдѣ и заложено второе укрѣпленіе, не смотря на сопротивленіе шамхала Тарковскаго.

Послѣ Іоанна Грознаго русскія владѣнія расширялись постепенно все дальше и дальше, все ближе и ближе, шагъ за шагомъ, къ неприступному Кавказскому хребту. Горцы то подчинялись власти, большею частью изъ страха, то опять воз-

---

*) Крѣпость эта впослѣдствіи упразднена.

ставали съ оружіемъ въ рукахъ; такимъ образомъ, мы постоянно то пріобрѣтали новые пункты, то теряли неожиданно пріобрѣтенное. Успѣху нашего оружія мѣшали разныя причины: съ одной стороны — весьма неудобная для военныхъ дѣйствій мѣстность и обманчивая надежда на видимую покорность горцевъ, а съ другой — наши вѣчные враги сосѣди персы и турки, съ которыми мы боролись иногда и почти безполезно. Владѣнія персовъ — по Каспійскому морю (г. Дербентъ, Куба, Баку и др.), турковъ—по Черному морю (Анапа, Сухумъ-Кале, Редутъ-Кале, Поти и др.) переходили нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки; такъ напр. Дербентъ *), завоеванный еще Петромъ Великимъ, по крайней мѣрѣ шесть разъ находился въ рукахъ русскихъ и шесть разъ возвращался къ персамъ, пока, наконецъ, Россія не восторжествовала окончательно надъ своими врагами-соперниками и не заставила ихъ отказаться навсегда отъ всѣхъ своихъ кавказскихъ владѣній.

Независимо отъ затрудненій, неразрывно связанныхъ съ мѣстными условіями страны, успѣхи русскаго оружія замедляли необыкновенная храбрость горцевъ и ихъ фанатическихъ предводителей, между которыми первое мѣсто занимаетъ Шамиль. Шамиль родился въ с. Гимрахъ (въ Дагестанѣ) въ 1799 г. Онъ былъ сынъ бѣднаго пастуха. Не смотря на такое низкое происхожденіе, онъ достигъ степени *имама*, т. е. верховнаго владыки надъ многими кавказскими племенами, и около двадцати пяти лѣтъ боролся съ нами съ необыкновеннымъ мужествомъ и находчивостью.

Еще задолго до Шамиля, а именно въ 1785 г., началъ волновать Чечню лжепророкъ Шейхъ-Мансуръ. Впрочемъ, успѣхъ его былъ непродолжителенъ: черезъ пять лѣтъ онъ уже былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь. Затѣмъ, въ двадцатыхъ годахъ, появился въ с. Гимрахъ (въ Дагестанѣ) новый фанатикъ, мулла, магометъ или магома, прозванный *Кази-*

*) Этотъ городъ, по своему населенію, еще и теперь можетъ назваться персидскимъ.

муллою, и объявившій себя избранникомъ пророка, и сталъ проповѣдовать *казаватъ*, т. е. священную войну противъ гяуровъ, или, собственно говоря, противъ русскихъ. Послѣ того появился еще другой подобный же лжепророкъ, хотя не столь восторженный какъ Кази-Мулла, но за то не менѣе отчаянный авантюристъ, *Гамзатъ-бекъ*. Оба они стремились къ тому, чтобы поддержать искаженный и падавшій на Кавказѣ исламизмъ. Въ основаніе этого обновленнаго ученія положенъ былъ *Шарріатъ*, т. е. та часть корана, въ которой излагаются правила, предписываемыя всѣмъ правовѣрнымъ для руководствованія въ жизни. Исполнители шарріата называются *улемами, кадіями*; *муфтіями* и *муллами*. Они обязаны не только проповѣдовать магометанамъ о добродѣтеляхъ и совершать по пятницамъ и въ праздники обряды, но и рѣшать споры, тяжбы и опредѣлять наказанія за преступленія. Немногіе избранные, которые, не довольствуясь знаніемъ шарріата, еще углубляются въ изученіе другихъ двухъ частей корана (тариката и хакикята) и, забывъ о мірскихъ суетахъ, проводятъ дни и ночи на молитвѣ и отличаются восторженною любовью къ Богу,—называются по-арабски *мюршидами* или *мюридами*. *Имамомъ* собственно называется глава духовныхъ, но съ этимъ титуломъ стали соединять и понятіе о верховной власти. Такимъ образомъ, Кази-Мулла и Гамзатъ-Бекъ, присвоивъ себѣ титулъ имама и проповѣдуя шарріатъ, имѣли въ виду и политическую цѣль: во имя этого ученія они старались собрать разрозненныя массы горцевъ въ одно стройное общество, связанное одними вѣрованіями и одними законами, общество, въ основаніи котораго положено было, притомъ, равенство всѣхъ членовъ, — что, конечно, не могло не понравиться тѣмъ бѣднякамъ, которые находились подъ гнетомъ или владѣтельныхъ князей, или просто дворянъ *).

---

*) Безъ сомнѣнія, первые поселенцы Кавказа не признавали надъ собою ничьей власти, кромѣ старшихъ въ родѣ. Но потомъ, когда пришлось защищаться отъ набѣговъ пришельцевъ и опытъ показалъ необходимость единства въ дѣйствіяхъ многихъ семействъ или колѣнъ, выбирались на-

Слѣдовательно, эта политическая система была и хорошо обдуманная и, въ сущности своей, гуманная. По этому Кази-Мулла и Гамзатъ-Бекъ, хотя и встрѣтили сопротивленіе со стороны приверженцевъ адата (суда старшинъ) и дворянскаго сословія, все-таки имѣли значительный успѣхъ, въ особенности въ Дагестанѣ, гдѣ были избиты аварскіе ханы, а также въ Чечнѣ. Впрочемъ, оба они, одинъ за другимъ, погибли. Кази-Мулла на полѣ сраженія съ русскими, а Гамзатъ-Бекъ въ мечети, отъ кинжала горца. Но начатое ими дѣло не погибло. Наслѣдникомъ ихъ явился Шамиль, одинъ если не изъ самыхъ ревностныхъ ихъ учениковъ, то одинъ изъ самыхъ честолюбивыхъ горцевъ, когда-либо замышлявшихъ возстановить независимость края.

Шамиль, уже видѣвшій собственными глазами промахи своихъ предшественниковъ, умудренный жизненнымъ опытомъ, притомъ одаренный необыкновенною силою воли и ума, продолжалъ это опасное и трудное дѣло съ неутомимою послѣдовательностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ должною осторожностью.

Не надо думать, что Шамиль могъ такъ долго сопротивляться Россіи одною силою шарріата и религіознаго фанатизма горцевъ. Этотъ фанатизмъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время значительно ослабъ. Шамиль могъ такъ долго держаться потому, что, съ одной стороны, онъ занималъ неприступныя гористыя

чальниками лица, отличавшіяся необыкновеннымъ мужествомъ и силою характера. Эти временные начальники не только удержали власть за собою пожизненно, но и передали своему потомству. Такимъ образомъ, образовались княжескіе и дворянскіе роды, подъ разными наименованіями и съ разными правами. Прочіе туземцы составили классъ свободныхъ гражданъ, а изъ плѣнниковъ образовался классъ рабовъ. Съ распространеніемъ власти аравитянъ на Кавказѣ появились намѣстники багдадскихъ халифовъ—абассиды, которые считали себя прямыми потомками Магомета, и присвоивъ себѣ разные владѣтельные титулы, какъ-то: *шамхаловъ*, *валіевъ*, *хановъ*, *умцїевъ* и др., уже безцеремонно-деспотически прибрали въ свои руки неограниченную власть надъ покореннымъ народомъ.

Конечно, они встрѣтили упорное сопротивленіе; но многія общества все-таки подчинились ихъ власти и до сихъ поръ управляются особыми владѣтелями, независимыми другъ отъ друга.

мѣстности, а съ другой — потому, что у него были и пушки, и довольно организованное войско.

Повиновеніе ему горцевъ много зависѣло также отъ хитро-придуманнаго административнаго управленія страною. Онъ окружилъ себя испытанными приверженцами, большею частію изъ бѣднаго класса — бездомниками, назвавъ ихъ *мюридами;* отсюда и вся система владычества Шамиля называется *мюридизмомъ.* Около имама постоянно было нѣсколько сотъ мюридовъ, которые заботились о его безопасности и исполняли его распоряженія. Всѣ земли, признававшія власть Шамиля, были раздѣлены на округи (около 1,000 дворовъ). Округами управляли *наибы*, назначавшіеся самимъ имамомъ; они соединяли въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть. Эти округи, или наибства, раздѣлялись на участки, которыми управляли такъ называемые *мазуны*, при помощи муллы, разбиравшаго гражданскія дѣла по шарріату. Въ отдѣльныхъ же селеніяхъ дѣла рѣшались муллами и кадіями (судьями), а также на мірскихъ сходкахъ по адату, который, впрочемъ, стали, по возможности, выводить изъ употребленія. За правильнымъ и точнымъ исполненіемъ шарріата и личныхъ распоряженій Шамиля наблюдали особые мюриды. Но, не смотря на всю эту правильную администрацію, говорятъ, что Шамиль не полагался даже на своихъ мюридовъ и употреблялъ шпіоновъ. Притомъ, не смотря на наблюденіе за дѣятельностію наибовъ и муллъ, совершалось съ ихъ стороны много несправедливостей и притѣсненій, которыя, какъ само собою разумѣется, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого ученія, по которому глава народа соединяетъ въ одномъ своемъ лицѣ духовную власть со свѣтскою. Все это было причиною, что нѣкоторыя селенія переходили на нашу сторону при первомъ удобномъ случаѣ.

Еще въ тридцатыхъ годахъ послѣ разбитія и гибели Гамзатъ-Бека, Шамиль, въ свою очередь, тоже потерпѣлъ нѣсколько пораженій болѣе или менѣе чувствительныхъ, и почти весь Дагестанъ, служившій главнымъ оплотомъ мюридизма, былъ покоренъ: дѣло кавказскаго имама, повидимому, могло считаться

проиграннымъ. Послѣ взятія, въ 1839 году, *Ахульго,* самъ Шамиль едва избѣгнулъ плѣна и долженъ былъ выдать русскимъ своего сына аманатомъ (заложникомъ). Въ томъ же году была усмирена и Чечня. Но зимою съ 1839 на 1840 годъ она опять неожиданно возмутилась еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Кстати явился къ нимъ изъ Дагестана Шамиль, какъ защитникъ ихъ жизни и свободы. Чечня была самымъ удобнымъ мѣстомъ для борьбы съ русскими: длинные ряды горъ, скалы, непроходимые овраги и лѣса со всѣхъ сторонъ преграждаютъ путь стройному шествію войска. Вотъ одна изъ картинъ этой кровавой драмы. «Чуть войско кое-какъ выбралось на открытое мѣсто, поляну — непріятеля какъ будто вовсе не существуетъ: но едва отрядъ вступаетъ въ лѣсъ, начинается перестрѣлка въ боковыхъ цѣпяхъ и въ арріергардѣ. Чѣмъ мѣстность пересѣченнѣе, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ перестрѣлка становится сильнѣе, и, наконецъ, сливается въ одинъ неумолкаемый гулъ, а непріятеля все нѣтъ: видѣнъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ, и все это снова исчезаетъ. Когда же цѣпь наша ослабѣетъ, или какая-нибудь часть разстроится отъ потерь, какъ будто изъ земли выростаютъ сотни шашекъ и кинжаловъ и съ гикомъ кидаются на нее. Если встрѣтятъ отпоръ, стойкость, все по-прежнему исчезаетъ за пнями и деревьями — и снова открывается убійственный огонь. Этотъ маневръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ лѣса: и горе, если отрядъ прежде этого разстроится или солдаты упадутъ духомъ: чеченцы, какъ тигры, быстры и кровожадны — и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить окончательное истребленіе.»

Горцевъ собиралось въ одну массу иногда до 10 тысячъ и даже 20 т. И наши войска иногда гибли цѣлыми сотнями. Шамиль всегда умѣлъ выбрать главнымъ пунктомъ своихъ дѣйствій такую мѣстность, которую, повидимому, не было физической возможности взять приступомъ. Таковы были сначала селенія *Дарго,* а потомъ *Веденъ* (въ Чечнѣ) и *Гунибъ* (въ Дагестанѣ). Эти имена неразлучны съ геройскими подвигами Кавказской арміи, подвигами, стоившими неимовѣрныхъ усилій и громадныхъ

жертвъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, наши войска должны были дѣлать огромныя просѣки (шириною отъ 300 до 900 саженъ) и пролагать пути подъ непріятельскимъ огнемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проводились такъ называемыя военныя линіи, состоящія изъ длиннаго ряда укрѣпленій и редутовъ. Горцы, изъявившіе покорность, выселялись на долины и такимъ образомъ разрывали связь съ своими соплеменниками и уменьшали число нашихъ противниковъ. Многія мѣста, преимущественно по Кубани и Тереку, были заселены казаками, которые и здѣсь, какъ и въ Сибири, служили передовою русскою колонизаціею Кавказскаго края. Только такими административными мѣрами и неутомимыми трудами и самопожертвованіемъ нашего войска могли пасть одна за другою такія твердыни, какъ Дарго (въ 1845 г.) и наконецъ Ведень и Гунибъ (въ 1859 г.). Только огромныя массы войска, закаленнаго во многихъ битвахъ, и систематически обдуманный планъ дѣйствій могли сдѣлать всѣ извороты Шамиля тщетными. Многіе преданные ему горцы, истомленные безполезною борьбою и тягостнымъ гнетомъ мюридизма, еще до окончательнаго его паденія, стали переходить на сторону Россіи. И самъ Шамиль, нѣсколько разъ спасавшійся чудеснымъ образомъ отъ неминуемой, повидимому, гибели, и этимъ самымъ возбуждавшій энтузіазмъ въ суевѣрныхъ горцахъ, и этотъ могучій имамъ, наконецъ, вмѣстѣ съ взятіемъ Гуниба, отдался въ руки нашего главнокомандующаго военно-плѣннымъ. Послѣ этого, не только Чечня, Дагестанъ, но вскорѣ и весь западный Кавказъ поступили въ подданство Россіи, такъ что въ 1864 г. были уже совсѣмъ прекращены въ этомъ краѣ военныя дѣйствія. Теперь намъ предстоитъ другой подвигъ, хотя не столь славный и громкій, но болѣе плодотворный, какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ, — подвигъ на поприщѣ мирнаго гражданскаго устройства.

2. Вершины и проходы.

(По Риттеру.)

Кавказъ первая гористая страна, которая отличается европейскимъ своимъ построеніемъ, въ истинномъ смыслѣ слова, свойственнымъ одной лишь Европѣ. Это обширная страна, съ цѣлою системою альпійскихъ высотъ и горныхъ цѣпей, достигающихъ предѣловъ вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь нѣтъ ни дѣйствующихъ вулкановъ, какъ въ американскихъ цѣпяхъ, ни плоскогорій, свойственныхъ азіятскимъ горнымъ странамъ.

Южная половина Кавказскаго перешейка представляетъ собою альпійскій ландшафтъ; сѣверная часть, напротивъ, низменна и представляетъ кавказскія степи безъ всякихъ возвышенностей. Вдоль длиннѣйшей діагонали кавказскаго перешейка простирается и высочайшая горная цѣпь, собственно высокій кавказскій хребетъ отъ юго-востока къ сѣверу-западу.

Будучи прорѣзанъ продольными долинами, образуемыми четырьмя горными потоками: Ріономъ (Phasis), Курой (Koros), Терекомъ (Diri), и Кубанью (Hypanis), хребетъ этотъ является намъ въ видѣ огромной горной цѣпи. Цѣпь имѣетъ въ длину болѣе 1,000 верстъ. На востокѣ, вдоль западнаго берега Каспійскаго моря, горная цѣпь имѣетъ въ ширину 350 верстъ; на западѣ же, ближе къ Черному морю, она значительно суживается. Въ этомъ отношеніи кавказскій хребетъ представляетъ замѣчательное сходство съ европейскими альпійскими горами, ширина которыхъ также значительно увеличивается отъ запада къ востоку. Вся кавказская горная страна занимаетъ пространство 4,000 кв. миль, а высокая кавказская цѣпь около 2,300 миль. Посрединѣ, тамъ, гдѣ подымаются высокія вершины Эльбруса и Казбека, цѣпь, повидимому, имѣетъ наименьшую ширину около 100 верстъ, отъ сѣверной до южной своей отлогости. Это общій законъ построенія всѣхъ высокихъ горныхъ цѣпей: тамъ, гдѣ онѣ болѣе всего возвышаются, онѣ въ то же

время болѣе всего суживаются; тамъ же, гдѣ онѣ представляютъ наибольшую ширину, высота ихъ уменьшается. Измѣреніе высочайшихъ вершинъ даетъ: для вершины Казбека 14,400 футовъ, а для Эльбруса 16,854 фута надъ уровнемъ моря.

Казбекъ, при южной отлогости котораго находится Грузія, древняя Иберія, не возвышается на водораздѣльной линіи, но немного сѣвернѣе. При южной подошвѣ его истекаетъ Терекъ, направляющійся къ сѣверу, по дикой, глубокой альпійской долинѣ, наполненной каменьими обломками. Глинистые сланцы и порфировые утесы Казбека образуютъ иногда пещеры, и отлогости ихъ покрыты снѣжными полями и ледниками; послѣдніе обрушаются иногда на сѣверѣ въ видѣ страшныхъ лавинъ, разрушающихъ цѣлыя деревни и укрѣпленія и запруживающихъ долину Терека каменными обломками.

Обѣ колоссальныя вершины, Эльбрусъ и Казбекъ, на разстояніи 175 верстъ другъ отъ друга, занимаютъ среднюю четверть высокаго Кавказа. Здѣсь именно цѣпь имѣетъ наименьшую ширину и наиболѣе разорвана и расчленена глубокими долинами и поэтому удобопроходима. По этой причинѣ цѣпь въ этомъ мѣстѣ наиболѣе доступна и представляетъ лучшую дорогу поперекъ горной цѣпи съ сѣвера на югъ, вдоль восточной отлогости Казбека. На этой средней четверти высокаго Кавказа берутъ начала свои всѣ главныя рѣки. Къ сѣверу три большіе степные потока представляютъ удивительную правильность: Терекъ и Кубань текутъ къ востоку и западу; между обоими течетъ Кума, вдоль сѣверной отлогости средняго Кавказа, и беретъ начало свое на группѣ Бешъ-Тау. Всѣ три рѣки на сѣверѣ образуютъ быстрые водопады; но потомъ, едва достигнувъ плоской степной почвы, у сѣверныхъ предгорій вдругъ поворачиваютъ подъ прямымъ угломъ къ востоку и западу и потомъ съ едва замѣтнымъ паденіемъ текутъ къ противоположнымъ морямъ.

Бешъ-Тау (татарское слово, означающее пятигоріе) образуетъ группу горъ, простирающуюся на 100 верстъ по прямой линіи на сѣверъ отъ высокаго Эльбруса: группа эта имѣетъ

среднюю высоту 4,000 ф. и образуетъ какъ бы передовыя Альпы. Она отличается обиліемъ минеральныхъ ключей, ручьевъ и рѣкъ и превосходными пастбищами, подобными тѣмъ, какія встрѣчаемъ мы на швейцарскихъ переднихъ Альпахъ; окрестности Бешъ-Тау также весьма плодородны. Бешъ-Тау былъ знаменитъ уже у древнихъ. Птоломей называетъ эту страну τά Ἱππιχά, Агатемеръ Hippici montes — предгоріе, изобилующее лошадьми. И нынѣ на этихъ горахъ абадзехами и черкесами разводятся лучшія лошади. Въ средніе вѣка на этихъ предгоріяхъ находимъ мы временныя стоянки и главные лагери переселяющихся народовъ. Отсюда многочисленной ихъ конницѣ представлялось обширное поле для добычи и завоеваній. Прежде на Бешъ-Тау находился главный лагерь скиѳскихъ и сарматскихъ ордъ, а впослѣдствіи лагерь готѳовъ, гунновъ, алановъ, мадьяръ, татаръ, турецкихъ и монгольскихъ племенъ. И теперь еще встрѣчаются развалины столицъ древнихъ предводителей кочующихъ народовъ, именно: на сѣверо-восточной сторонѣ Бешъ-Тау и на болотистыхъ низменностяхъ Кумы. Ближе къ сѣверной отлогости Бешъ-Тау, на Кумѣ, находится Георгіевскъ, построенный русскими въ 1771 году.

Въ настоящее время мѣстность эта пріобрѣла еще болѣе важное значеніе тѣмъ, что господствуетъ надъ сѣвернымъ концемъ главной дороги чрезъ Кавказъ. Это такъ называемый *Владикавказскій проходъ* или Кавказскія ворота, который ведетъ въ Грузію и Тифлисъ. Проходъ этотъ не имѣетъ древняго названія, ибо мѣстность эта неизвѣстна была древнимъ. Ни одинъ историческій народъ не перешелъ черезъ середину Кавказа до самаго XIII вѣка, когда по ней проходили монголы. Кавказскія врата—Владикавказъ, получили названіе свое отъ горнаго укрѣпленія у сѣвернаго входа въ ущелье, построеннаго въ 1785 году. Этотъ горный проходъ, удобный для ѣзды въ экипажахъ, проложенъ былъ въ пять лѣтъ въ царствованіе Александра I и напоминаетъ собою дорогу чрезъ Симплонъ. Многіе утесы нужно было взрывать порохомъ. Множество скалъ и холмовъ были выровнены и много построено было мостовъ. Теперь тамъ воз-

двигнуты укрѣпленія, села и посты, составляющіе непрерывную укрѣпленную линію поперекъ всего Кавказа, подъ защитою которой каждую недѣлю проходитъ караванъ, сопровождаемый военнымъ конвоемъ. Отъ Моздока до Тифлиса путь этотъ совершаютъ въ девять или десять дней, форсированнымъ маршемъ, да кромѣ того потребно еще нѣсколько дней на отдыхъ и на выдержаніе карантина. Изъ Моздока караваны, послѣ 36 часовъ, пути по предгоріямъ, на третій день достигаютъ первыхъ дикихъ горныхъ ущелій Владикавказа. Горныя вершины покрыты сообщающимися между собою укрѣпленіями, а внутри глубокаго ущелья заложенъ городъ, въ которомъ находится гарнизонъ. Это мѣсто, у сѣверной подошвы высокой горной цѣпи, составляетъ ключь ко всему проходу. Послѣ четырехъ дней пути, 40 верстъ далѣе, чрезъ дикое ущелье, повсюду занятое укрѣпленіями и шанцами для удержанія нападеній горцевъ, чрезъ галерею, взорванную внутри утеса, достигаютъ крѣпости Даріала. Крѣпость эта находится на крутой вершинѣ; узкое ущелье здѣсь не имѣетъ даже ста футовъ въ ширину. Крѣпость Даріалъ (Dar — ворота) въ прежнее время служила самымъ сѣвернымъ пограничнымъ укрѣпленіемъ Грузіи и имѣла тогда бо́льшее значеніе, чѣмъ теперь, что доказываютъ намъ нѣсколько развалинъ, водопроводовъ и т. п. Горный проходъ, чрезъ глубокую долину Терека, вдоль дикихъ скалистыхъ стѣнъ, ведетъ все выше и выше въ гору къ подошвѣ Казбека, до Зміинды. Эта кавказская горная деревня лежитъ на 4,955 фут. надъ уровнемъ моря. Здѣсь сѣются еще рожь и ячмень, а жатва бываетъ въ началѣ сентября. На этой высотѣ повсюду проявляется самая дикая альпійская природа. Терекъ окоймленъ скалами съ отвѣсными порфировыми стѣнами; рѣчная долина наполнена обрушившимися каменными глыбами и мусоромъ. Горные потоки ниспадаютъ въ долину каскадами; лѣса, встрѣчающіеся въ болѣе низменныхъ частяхъ Кавказа, на горныхъ вершинахъ попадаются рѣже. Городовъ, деревень вовсе болѣе не встрѣчаемъ, а повсюду лишь крѣпости, хижины и каменныя зданія. На эти горныя вершины мало-по-малу оттѣснены были

кавказскія племена, вслѣдствіе болѣе и болѣе увеличивающагося народонаселенія у подошвы горъ. Здѣсь мы видимъ охоту, войну, междоусобія и хищничество — печальныя послѣдствія войны. Жилище каждаго отдѣльнаго семейства, каждаго князька, представляетъ отдѣльное горное укрѣпленіе; каждое изъ нихъ имѣетъ свою сторожевую башню, свои подземные ходы. Сакли построены изъ каменныхъ плитъ и окружены просторными террасами и всякаго рода околицами. Всѣ эти жилища построены на трудно-доступныхъ мѣстахъ, подобно германскимъ рыцарскимъ зáмкамъ; каждое изъ нихъ назначено для многочисленной семьи. Жилища эти встрѣчаются вообще у всѣхъ, даже у самыхъ разноплеменныхъ народовъ Кавказа; архитектура ихъ обусловливалась одинаковыми почти потребностями. Они подымаются все выше и выше, разсѣяны по дикимъ утесистымъ вершинамъ и достигаютъ предѣла вѣчнаго снѣга. Такъ, замѣчательное осетинское племя живетъ на снѣжныхъ вершинахъ Казбека на высотѣ 9,886 футовъ.

Начиная съ деревни Зминды, вмѣсто густыхъ лѣсовъ, встрѣчаются первыя, маленькія березовыя рощи, кустарникъ и низменные лѣса съ альпійскими пастбищами. На высотѣ 2,100 ф. подъ снѣжной линіей древесныя растенія принимаютъ уже видъ малорослаго кустарника, какъ напримѣръ верескъ, Pinus Mughus, рододендронъ, брусника, породы рубусъ (ежевика), но высокоствольныхъ деревъ нѣтъ. Промежъ нихъ красуется роскошнѣйшій луговой коверъ съ ароматическими травами. Непосредственно подъ линіею вѣчныхъ снѣговъ растутъ одни лишаи и мхи, потомъ главное мѣсто занимаютъ травы, образующія прекраснѣйшій коверъ, а мѣстами начинается прелестная альпійская флора. Высокій Казбекъ съ снѣжными своими полями, ледниками и неприступными осетинскими саклями, остается къ западу отъ проложенной горной дороги. Послѣдняя простирается далѣе, прямо на югъ и близъ прохода къ Каменному Кресту переходитъ черезъ Кавказскую водораздѣльную линію (Кайшауръ, отсюда Кайшаурскія врата). Здѣсь высшая точка горнаго прохода; кругомъ виднѣются разорванныя и нагія скалистыя вер-

шины. Отсюда дорога спускается въ долину Арагвы (Araxes) и мимо Анамура идетъ до Тифлиса и рѣки Куры. До самаго Анамура идетъ опасный и крутой путь по скаламъ длиною въ 40 верстъ. Близъ Анамура попадаются первые кусты, первый лѣсъ, гдѣ растутъ каштаны, кленъ, платаны и растенія, свойственныя южнымъ странамъ. Еще глубже начинаются фруктовыя деревья: яблоня, груша, вишня. Возлѣ укрѣпленія Рагаспиры являются первые виноградники, которыхъ мы у сѣверной подошвы горъ не встрѣчаемъ. Отсюда начинается чисто азіятская обработанная почва Грузіи, Альбаніи и Иберіи древнихъ, открытая для римскаго міра Помпеемъ послѣ войны съ Митридатомъ.

Другой главный проходъ чрезъ Кавказскія горы — *Дербентскій,* длиною 210 верстъ, получилъ названіе свое отъ города Дербента, находящагося посрединѣ его. Это, собственно говоря, не горный проходъ, а прибрежное ущелье на сѣверной персидской границѣ. Этотъ прибрежный путь (подобно дорогѣ, ведущей изъ Ниццы въ Марсель, вдоль нижней отлогости приморскихъ Альповъ) простирается отъ сѣвера къ югу, у восточной отлогости Кавказа, вдоль Каспійскаго моря и представляетъ единственное сообщеніе между нижней долиной Куры и сѣверной степной долиной Терека, между дельтами, образуемыми Курой и Терекомъ. На концахъ его находятся низменныя болотистыя мѣста. Сотни самыхъ быстрыхъ горныхъ потоковъ, стремящихся на востокъ, осенью и весною, во время таянія снѣговъ и въ дождливое время дѣлаютъ проходъ этотъ совершенно непроходимымъ. Наименьшая ширина его лежитъ подъ 41° 52′ сѣв. шир., у прибрежнаго города Дербента, этого древняго сѣвернаго персидскаго укрѣпленія. Въ этомъ мѣстѣ древніе персидскіе цари воздвигли огромную пограничную стѣну, простирающуюся съ вершины скалистыхъ отлогостей до самаго моря. Эта знаменитая кавказская стѣна ограничивала Персію къ сѣверу и преграждала собою дорогу вдоль морскаго берега. Стѣна окончена была въ царствованіе Сассанидовъ, въ третьемъ и четвертомъ вѣкѣ. Она напоминаетъ собою китайскую стѣну и

играетъ на востокѣ ту же самую роль, какъ высокая цѣпь Кавказа на западѣ. Такимъ способомъ думали защитить Персію отъ нападенія сѣверныхъ народовъ, и это дѣйствительно удавалось до VII или VIII вѣка. Стѣна оставалась неприступною во время переселенія народовъ, и поэтому огромныя народныя волны разлились по Европѣ. Походъ Петра Великаго въ Дербентъ и сѣверную Персію (1721—1723) вновь открылъ эти врата европейцамъ, и съ того времени Дербентъ находится подъ владычествомъ Россіи. И теперь еще виднѣются остатки двойной кавказской стѣны, спускающейся съ горы, подобно двумъ рукавамъ, между которыми и построенъ Дербентъ. Обѣ стѣны примыкали къ берегу и въ видѣ гаваней продолжались на нѣкоторое пространство въ самое море; между ними построена гавань для кораблей. Отъ желѣзныхъ воротъ, запиравшихъ древнія стѣны, городъ получилъ названіе Дуръ или Деръ, по-турецки — ворота, желѣзныя врата; у аравитянъ, во времена калифовъ, назывались они Бабъ-аль-Абави — врата вратъ, porta portarum. Городъ этотъ въ то время составлялъ границу владѣній аравитянъ на сѣверѣ, имѣлъ религіозное значеніе, какъ граница между вѣрующими и невѣрными, и поэтому назывался Магометъ-Дербентъ — великія врата вѣрующихъ. Со стороны этихъ вратъ, какъ гласитъ восточное преданіе, придетъ гибель для азіятскихъ магометанъ.

Всѣ другія горныя дороги, ведущія чрезъ вершины Кавказа, почти что недоступны и извѣстны однимъ хищническимъ горнымъ племенамъ.

Мы разсмотрѣли однѣ лишь главныя черты Кавказскихъ горъ. Присовокупимъ еще нѣсколько замѣчаній касательно жителей, населяющихъ европейскую сторону этихъ горъ.

Относительно исторіи человѣчества, особенно же для европейскихъ народовъ и для исторіи языковъ, кавказскіе народы представляютъ обширный и неисчерпаемый предметъ для наблюденій и изслѣдованій. Остатки древнихъ народовъ земнаго шара спаслись на вершинѣ высокихъ горъ, какъ-бы на обломки и развалины древней земной коры. Если хотятъ изслѣдовать

первобытныя породы, то должно искать слѣдовъ ихъ на высокихъ горахъ; въ особенности это оказывается справедливымъ на Кавказѣ, лежащемъ между двумя морями, находящемся посреди низменности и плоскогорія, на порогѣ двухъ частей свѣта, и принадлежащемъ двумъ народамъ. Оказывается, что именно Кавказъ долженъ былъ сдѣлаться спасительнымъ островомъ для столь многихъ кочующихъ народовъ, унесенныхъ общимъ народнымъ потокомъ, нахлынувшимъ изъ Азіи въ Европу, претерпѣвшихъ здѣсь кораблекрушеніе и, за немногими остатками, погибшихъ исторически. Но, кромѣ этихъ остатковъ древнихъ народовъ, Кавказъ долженъ же былъ имѣть и первобытныхъ, туземныхъ своихъ жителей, вышедшихъ изъ высокой Азіи, этой колыбели рода человѣческаго. Народы эти должны были поселиться тамъ весьма рано, прежде чѣмъ населена была Европа, какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ этомъ и древнее преданіе. Но вслѣдъ за этими первобытными переселенцами, непрерывно подвигались двоякимъ путемъ новыя народныя массы съ южнаго и сѣвернаго береговъ Каспійскаго моря. Народы эти, испытавъ различныя судьбины, должны были постоянно встрѣчаться на Кавказѣ. Двѣ великія народныя тропы: дорога малоазіятская, съ юга Кавказскихъ горъ, ведущая во Фракію и Грецію, и дорога Сарматская, между Ураломъ и Кавказомъ, чрезъ Волгу и Донъ — обѣ вели къ подошвѣ всемірной горной цѣпи Такимъ образомъ между туземными жителями Кавказа вмѣстилось безконечное множество послѣдующихъ племенъ, путемъ мирнымъ или враждебнымъ, цѣлыми массами, поколѣніями, отраслями и колоніями. Вотъ почему на столь незначительномъ пространствѣ встрѣчаемъ мы столько разнородныхъ племенъ, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ земной поверхности мы этого не видимъ. Къ этимъ этнографическимъ особенностямъ Кавказа присоединяется еще и то обстоятельство, что онъ, находясь между великими всемірными монархіями: между Персіей, Парфіею, Римомъ, Византіей, Аравіей, Монголіей, Турціей и Россіей, никогда вполнѣ покоренъ не былъ, а поэтому туземцы никогда не подвергались преобразующему вліянію культуры въ

продолженіе тысячелѣтій въ той же мѣрѣ, какъ это вездѣ бываетъ. Поэтому Кавказъ представляетъ разнообразіе и такія особенности относительно этнографическихъ явленій, какихъ не представляетъ намъ ни одна высокая горная цѣпь на земномъ шарѣ. Уже отъ древнихъ не укрылась эта особенность Кавказа: стоитъ, напримѣръ, прочесть Страбоново описаніе тамошнихъ горныхъ племенъ. Царь Понтійскій, Митридатъ, говорилъ на двадцати языкахъ кавказскихъ горныхъ племенъ, которыя онъ желалъ привлечь на свою сторону. Римляне для торговыхъ своихъ сношеній съ Діоскуріасомъ, нуждались въ 70 переводчикахъ, а по Плинію (VI, 5) даже въ 130; нѣкоторые писатели принимаютъ круглымъ счетомъ 300 кавказскихъ племенъ. Арабскій географъ X-го вѣка, Эбнъ-Гаукалъ, утверждаетъ, что на одномъ лишь горномъ хребтѣ близъ Дербента, описываемаго имъ, подъ названіемъ Адейба, говорятъ на 70 различныхъ языкахъ. Какъ ни неопредѣленны, ни преувеличены и ни неправдоподобны такого рода показанія, но все-таки фактъ остается вѣрнымъ, и въ настоящее время между горными племенами Кавказа можно указать на семь совершенно различныхъ коренныхъ языковъ, раздѣляющихся на 80 различныхъ отраслей и нарѣчій. Народы же, подобно населеннымъ ими долинамъ, распадаются на безчисленныя племена и маленькіе народы, имѣющіе каждый свои особенные нравы, свои гражданскія и военныя учрежденія. Всѣ они имѣютъ весьма различныя черты лица, тѣлесное развитіе и различныя религіи, имѣютъ свою собственную, мало еще изслѣдованную исторію. Въ физическомъ отношеніи они представляютъ большое различіе, начиная отъ весьма красивой идеальной формы черкеса и грузина до грубыхъ монгольскихъ типовъ. Между ними встрѣчаются язычники, огнепоклонники, евреи, христіане и магометане. Изученіе кавказскихъ племенъ и ихъ языковъ представляло всегда важный предметъ для изслѣдованія, и многіе путешественники, ученыя общества и разныя академіи занимались этимъ предметомъ. Тѣмъ не менѣе остается желать дальнѣйшихъ наблюденій и болѣе основательныхъ изслѣдованій.

3. Природа и человѣкъ на Кавказѣ.

На всемъ земномъ шарѣ найдется немного мѣстъ, которыя бы имѣли такое счастливое географическое положеніе, какъ Кавказскій перешеекъ, и соединяли бы въ себѣ столько благопріятныхъ условій для развитія промышлености и торговли, самой обширной. Два міра: Европа и Азія, могутъ назначить себѣ мѣсто свиданія на этомъ перешейкѣ. Его омываютъ два моря: одно — дорога въ Европу, другое — въ среднюю Азію. Громадный хребетъ горъ раздѣляетъ край на двѣ половины, которыя должны быть различны и по климату, и по естественнымъ произведеніямъ. Климатъ горъ долженъ быть отличенъ, какъ отъ климата тѣхъ странъ, гдѣ горы защищаютъ ихъ своею гигантскою стѣной съ сѣвера и находятся подъ вліяніемъ лучей южнаго солнца, такъ и отъ климата равнинъ и степей, лежащихъ на сѣверъ отъ горной цѣпи и открытыхъ холодному вѣтру. Южная граница Закавказскаго края находится подъ одними градусами съ Римомъ и Неаполемъ; слѣдовательно, здѣсь растутъ, или могутъ расти, лавровое, апельсинное, лимонное и абрикосовое деревья, виноградъ, хлопчатая бумага и шелковица. Въ горахъ должны находиться долины съ умѣреннымъ климатомъ, съ роскошными травами, лѣсами, минералами и всѣмъ богатствомъ горъ. Сѣверная половина Кавказа служитъ продолженіемъ равнины и степей плодоносной южной Россіи. Естественныя произведенія этихъ равнинъ также не могутъ быть одинаковы съ тѣми, которыя находятся въ горной полосѣ. Жители горъ богаты лѣсомъ и бѣдны хлѣбопашенными полями; имъ нуженъ хлѣбъ и скотъ, которымъ богаты степные поселенцы, въ свою очередь нуждающіеся во многихъ произведеніяхъ горъ. Сосѣдство самое счастливое, самое выгодное для обѣихъ сторонъ! Здѣсь по необходимости и по указанію природы, должна развиться дѣятельная живая торговля; а торговля

всегда бывала началомъ просвѣщенія и великаго гражданскаго значенія народовъ.

Не даромъ греки, а потомъ венеціанцы и генуезцы, заводили колоніи на кавказскихъ берегахъ: колоніи эти славились богатствомъ, черезъ нихъ шла дорога изъ Европы въ Азію. Открытіе морскаго пути кругомъ Африки, вѣроятно, не навсегда прекратило это сообщеніе: въ наше время, съ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ, при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, оно должно возобновиться, потому что дорога въ Бухарію и Индію, чрезъ Кавказскій перешеекъ, несравненно короче дороги вокругъ Африки и удобнѣе дороги черезъ Суэсъ....

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на природу Кавказскаго края и на его жителей, чтобы яснѣе видѣть его силы и средства, видѣть какое значеніе должно имѣть покореніе Кавказа. Осмотримъ Кавказъ по эту сторону горъ и самыя горы. Половина Кавказа состоитъ изъ двухъ странъ совершенно противоположнаго характера — изъ непрерывной равнины и полосы непрерывныхъ горъ. Начиная съ границъ Саратовской губерніи и Земли Войска Донскаго, до окрестностей главнаго Кавказскаго хребта, край представляетъ равнину, только изрѣдка пересѣкаемую невысокими горными цѣпями, не превышающими горъ средней Россіи. Равнина эта раздѣляется на двѣ полосы, различныя между собою по своей природѣ; первая полоса, начинающаяся съ сѣверныхъ границъ, доходитъ къ югу до рѣкъ Кубани, Лабы, Малки и Терека, простираясь по теченію ихъ до береговъ морей. Все это огромное пространство представляетъ степь въ полномъ значеніи слова; ровная плоскость пересѣкается лишь рѣдкими возвышеніями или глубокими балками (оврагами). Лѣсу здѣсь нѣтъ, только небольшія рощи находятся въ окрестностяхъ Ставрополя и по берегамъ рѣки Кумы; бывшіе лѣса вырублены давно на постройку станицъ и для удаленія горцевъ. Вода — тоже рѣдкость въ этой степи; пять или шесть небольшихъ рѣчекъ: Егорлыкъ, Ташла, Мамайка и пр., тихо пробѣгающія по равнинѣ, мѣстами пересыхаютъ лѣтомъ, и многіе изъ жителей довольствуются водой, сохраняемою въ запру-

женныхъ съ весны балкахъ. На сѣверной границѣ находятся озера, но вода въ нихъ соленая или дурная. Только одна значительная рѣка, Кума, протекаетъ по степи: по ней растутъ небольшіе лѣса, по ней населено много станицъ; но и эта рѣка, истощенная сухостью почвы и воздуха, не оживляемая притоками, умираетъ въ камышахъ и пескахъ, не дойдя до моря. Вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ и недостатка водъ, дожди здѣсь рѣдки, засуха — бичъ степи. Почва земли, состоящая изъ глинистаго легкаго чернозема, суха, тверда, но плодородна, и при дождяхъ даетъ хлѣбъ и травы въ изобиліи *).

Климатъ этой полосы близокъ къ климату Екатеринославской и Херсонской губерній, а мѣстами даже нѣсколько суровѣе; зимою здѣсь бываетъ больше 20^0 мороза, съ вьюгами и мятелями, и санный путь держится съ декабря до начала марта; лѣто знойно и постоянно; воздухъ, не освѣжаемый присутствіемъ лѣсовъ и воды, нагрѣвается слишкомъ до 30^0 тепла, изсушая траву въ степи до того, что она распадается пылью, и при поднявшемся вѣтрѣ несется облакомъ на далекое пространство. Въ Кавказской области могутъ быть всѣ произрастенія южной Россіи: пирамидальная тополь, каштанъ, грецкій орѣхъ; въ оставшихся лѣсахъ и рощахъ находятся: дубъ, чинаръ, вязъ, боярышникъ, колючій кустарникъ и плодовыя деревья: груша, тернъ, черносливъ, яблоки, черешня и орѣшникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, къ югу, растетъ и вызрѣваетъ въ садахъ виноградникъ, лозы котораго закрываются на зиму только соломою.

По ручьямъ и рѣчкамъ разсѣяно рѣдкое населеніе области. У сѣверныхъ границъ кочуютъ калмыки съ своими стадами овецъ, рогатаго скота и табунами тощихъ лошадей; осѣдлые жители состоятъ изъ линейныхъ казаковъ, крестьянъ собственниковъ и ногайцевъ; на юговостокѣ, ближе къ берегамъ Ка-

*) За исключеніемъ солончаковъ, встрѣчающихся въ сѣверной части, и каменистаго и песчанаго грунта въ окрестностяхъ горныхъ возвышенностей.

спійскаго моря, живутъ полукочевые кара-ногайцы. Промышленость находится здѣсь только на первой ступени развитія; бѣдное хлѣбопашество и бѣдное скотоводство составляютъ единственный промыселъ жителей, какъ русскихъ, такъ и азіятцевъ. Ногайцы пашутъ землю и имѣютъ скотъ только для собственной потребности. Русскіе, по трудности сбыта хлѣба, тоже имѣютъ самую незначительную запашку. «Земля велика и обильна», но жители дремлютъ въ патріархальномъ довольствѣ, и степь остается нетронутымъ матерьяломъ, глыбой мрамора, ожидающей руки мастера...

По мѣрѣ приближенія къ югу, край теряетъ характеръ степи. Съ окрестностей Георгіевска и Пятигорска мѣстность становится живѣе; отдѣльныя рощи и небольшіе лѣса разнообразятъ виды; невысокія горныя цѣпи, ручьи и рѣчки встрѣчаются чаще; климатъ умѣреннѣе. Почва земли становится разнообразна; въ окрестностяхъ горныхъ цѣпей преобладаетъ каменистый и песчаный грунтъ; мѣстами попадается иловатый грунтъ и мѣстами толстый слой превосходнаго чернозема; дожди перепадаютъ чаще, пшеница и всякій хлѣбъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ полосъ по окрестностямъ горныхъ цѣпей, родится здѣсь превосходно; народонаселеніе становится гуще; жизни и движенія больше. По военно-грузинской дорогѣ находятся многолюдныя станицы, бывшія даже городами: Александровская, Георгіевская, Екатериноградская, и въ сорока верстахъ отъ дороги находится Пятигорскъ, съ неисчислимымъ богатствомъ своихъ минеральныхъ водъ. Въ сосѣдствѣ съ русскими станицами разсѣяны аулы ногайцевъ, простираясь верстъ на триста отъ окрестностей Ставрополя, почти до самаго главнаго хребта горъ. Отъ Георгіевска къ югу начинается Кабарда, гдѣ, вмѣстѣ съ кабардинцами, живетъ и племя абазинцевъ.

Вторая полоса Кавказской равнины простирается по подножію главнаго хребта, начиная съ прибрежья Чернаго моря, до береговъ Каспійскаго и представляетъ обширную долину, защищаемую съ сѣвера множествомъ невысокихъ горныхъ отроговъ, идущихъ то параллельно съ главнымъ хребтомъ, то по

теченію большихъ рѣкъ: Лабы, Малки, Терека, Сунжи, въ разныхъ направленіяхъ. Долина эта, въ восемьсотъ верстъ длины, мѣстами очень узка, не шире тридцати и сорока верстъ. Природа щедро надѣлила ее своими дарами; плодородная почва роскошныя травы и теплый климатъ ея напоминаютъ prairie *) Миссисипи. Кавказская степь превращается здѣсь въ неизмѣримый паркъ, обнесенный, вмѣсто ограды, съ юга Кавказскимъ хребтомъ, съ сѣвера большими рѣками, съ востока и запада двумя морями. Съ горъ сбѣгаютъ въ эту долину большія рѣки и сотни малыхъ ручьевъ и рѣчекъ, освѣжающихъ теплый воздухъ; лѣса, рощи и отдѣльныя группы деревъ, между которыми встрѣчаются столѣтніе дубы и чинары, украшаютъ мѣстность; задній фонъ составляетъ линія горъ, съ вѣчно-снѣговыми вершинами, съ базальтовыми и гранитными громадами и безконечными лѣсами по своимъ отрогамъ.

Климатъ этой полосы близокъ къ климату южныхъ береговъ Крыма; но зима, вслѣдствіе близости снѣговыхъ горъ, нѣсколько суровѣе; на высокихъ плоскостяхъ и здѣсь бываетъ до 20° мороза. Лѣса наполнены фруктовыми деревьями, яблонями, черносливомъ, шелковицею, виноградникомъ; мѣстами встрѣчается дикій хлопчатый кустарникъ; въ садахъ, на вольномъ воздухѣ, растутъ абрикосы, персики (закрываемые на зиму соломой), черешня, превосходныя груши, бергамоты. Почва земли состоитъ преимущественно изъ глинистаго или чистаго чернозема, съ примѣсью камня въ окрестностяхъ горъ, и пахана только въ немногихъ мѣстахъ; все остальное восьмисотъ-верстное пространство новь, вѣроятно нетронутая съ сотворенія міра. Отъ присутствія снѣговыхъ горъ, лѣсовъ и обильныхъ водъ, дожди здѣсь часты, и всѣ роды хлѣба даютъ неслыханные у насъ урожаи; травы лучшихъ сортовъ выростаютъ мѣстами въ человѣческій ростъ.

---

*) Такъ французы называютъ необозримыя травянистыя степи Миссисипи.

Народонаселенiе этой полосы нѣсколько гуще, чѣмъ въ первой, но сравнительно съ пространствомъ, оно еще очень слабо. Линейные казаки ближайшихъ къ горамъ станицъ владѣютъ землею безъ счета десятинъ, и горцамъ, выселяющимся на наши границы, земля назначается тоже не десятинами, но пространствами, *отъ такого-то мѣста до другаго;* если бы половина населенiя *) горъ сошла вдругъ въ эту долину, то и тогда земли достало бы всѣмъ надолго.

Населенiе этой полосы разнообразно; линейные **) казаки поселены большими станицами на Терекѣ, Сунжѣ, Малкѣ, Кубани и Лабѣ; небольшое число армянъ и грузинъ живутъ по городамъ, въ Кизлярѣ, Моздокѣ и Владикавказѣ; на лѣвомъ флангѣ находятся чеченцы, занимая бо́льшую его половину; рядомъ съ ними осетины, кабардинцы, абазинцы, ногайцы и проч.

Не смотря на нѣсколько городовъ и большихъ крѣпостей, находящихся въ этой полосѣ, не смотря на щедрую природу края, промышленость и торговля здѣсь еще слабѣе, нежели въ первой полосѣ. Неумолкавшая война и набѣги горцевъ отнимали руки и у хлѣбопашца, и у промышленника, и у купца. Казаки заняты были службой и часто не имѣли времени ни вспахать землю, ни убрать хлѣбъ; они ограничивались добыванiемъ только необходимаго; ремесла ихъ заключались въ приготовленiи оружiя и обмундировкѣ; лошадей разводили для походовъ противъ непрiятеля. Туземцы этой полосы, за исключенiемъ кабардинцевъ и ногайцевъ, совершенные дикари, едва умѣющiе пахать землю.

Третья полоса — горная, занимаемая во всю ширину и длину Кавказскимъ хребтомъ. О ней нѣтъ возможности сказать что-нибудь общее; здѣсь безконечное разнообразiе природы, ея

---

*) Если положить длину этой долины ровно въ 800 верстъ, а ширину въ 50, то въ ней будетъ 40 тыс. кв. верстъ; всѣхъ же горцевъ, по послѣднему исчисленiю, полагаютъ до 1 милл. 500 тыс. душъ.

**) Крестьянъ здѣсь нѣтъ.

произведенiй и жителей. Въ горахъ на каждомъ шагу другой климатъ, другая природа и другое населенiе. Низменныя долины и широкiя ущелья, защищаемыя отъ ближайшихъ снѣговыхъ горъ гигантскими стѣнами утесовъ, наслаждаются теплымъ климатомъ Грузiи; въ пяти верстахъ, на высокой плоскости, климатъ нашихъ сѣверныхъ губернiй; еще выше встрѣчаемъ природу Сибири, съ зимними стужами, мятелями и глубокими снѣгами. Также разнообразна почва земли, съ своими произведенiями, то каменистая, болотистая и тощая, то песчаная или покрытая плодороднымъ слоемъ чернозема, то состоящая изъ валуновъ, нанесенныхъ горными потоками, или камней, набросанныхъ обвалами. На днѣ тѣсныхъ ущелiй и по ребрамъ стремнинъ, мѣстами, нѣтъ никакой растительности, не растетъ даже трава; туда заглядываетъ солнце только на три, на четыре часа въ день. По выходѣ изъ этихъ ущелiй, верстъ черезъ пять, шесть, встрѣчаются долины Швейцарiи съ роскошной травой и цвѣтами, украшенныя рощами пирамидальныхъ тополей, дубовъ и чинаръ, между которыми стремятся съ горъ сотни ручьевъ и шумятъ водопады.

Горный хребетъ тянется пятью грядами, расположенными совершенно правильно и симметрично. Сѣверная, крайняя гряда состоитъ вся изъ низшихъ горъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ; параллельно съ нею идетъ гряда горъ высшихъ, базальтовыхъ, гранитныхъ, шиферныхъ, крутыхъ и обрывистыхъ, съ тощею растительностью; въ срединѣ возвышаются вѣчно-снѣговыя горы; по другую сторону ихъ опять тянется гряда горъ гранитныхъ и шиферныхъ, и потомъ низшiя, лѣсистыя, составляющiя сѣверную границу Закавказскаго края пятью исполинскими стѣнами. Между грядами, правильно идущими съ сѣверо-запада на юго-востокъ, встрѣчаются сотни отдѣльныхъ горъ, расположенныхъ по всѣмъ направленiямъ и образующихъ безчисленныя ущелья, долины и возвышенныя плоскости. Эти промежуточныя горы, дикiя и скалистыя или покрытыя лѣсомъ, производятъ безконечное разнообразiе климата и природы горныхъ мѣстъ: онѣ то запираютъ выходъ холодному горному воз-

духу, то защищаютъ отъ него низменныя мѣста, то выставляютъ ихъ на полуденное солнце.

Раздвинувшаяся степь какъ будто потѣснила горы и сжала ихъ. Море, покрывавшее въ первобытное время Россію, удаляясь къ югу, сдвигало къ Кавказу землю, песокъ и камни, которые должны были остановиться на волканическихъ возвышеніяхъ Кавказа. На югѣ, въ Закавказскомъ краѣ, горы раскинулись шире, заняли всю западную его сторону и соединились съ отраслями Тавра.

На всемъ пространствѣ, на 1,200 верстахъ, занимаемыхъ Кавказскими горами, сколько извѣстно, нѣтъ ни одной большой долины, ни одного сколько-нибудь значительнаго озера, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, Шотландіи и другихъ горныхъ странахъ: такъ тѣсно сдвинуты Кавказскія горы! А между тѣмъ, Швейцарія только уголокъ кавказской горной области, и высота главныхъ вершинъ ея достигаетъ высоты только второстепенныхъ кавказскихъ горъ.

Эту сжатость кавказскихъ горъ должно считать причиной того, что онѣ не даютъ начала ни одной значительной судоходной рѣкѣ, не смотря на свое большое протяженіе и высоту снѣговыхъ вершинъ, тогда какъ изъ горъ Швейцаріи вытекаютъ Рона, Рейнъ и пр. Терекъ и Кубань, самыя большія рѣки Кавказской области, судоходны только въ немногихъ мѣстахъ, а лѣтомъ на нихъ образуется множество бродовъ; устья ихъ мелки и занесены пескомъ, валунами и иломъ.

Въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ горы распространились шире, Ріонъ, Кура и Араксъ могутъ быть судоходны на большихъ разстояніяхъ.

Естественныя богатства горъ намъ далеко неизвѣстны. Можетъ быть, со временемъ, тамъ найдутся и серебряные, и золотые рудники, и драгоцѣнные камни; признаки разныхъ рудъ и преданія о нихъ существуютъ между горцами издавна, и во многихъ мѣстахъ присутствіе свинцовыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ уже доказано. Нѣкоторые изъ жителей льютъ пули изъ своей мѣди и своего свинца; а преданія о золотомъ рунѣ

Колхиды, нынѣшней Мингреліи и Имеретіи, невольно возбуждаютъ большія надежды на ископаемыя богатства Кавказскихъ горъ.

Присутствіе сѣрнаго колчедана въ окрестностяхъ Эльбруса доказывается тѣмъ, что многіе горцы дѣлаютъ порохъ изъ своей сѣры. Гранитъ, превосходный зеленый и красный порфиръ разноцвѣтный мраморъ и горный хрусталь въ изобиліи. Множество источниковъ минеральной воды, разныхъ свойствъ, находится въ горахъ. Нефтяные колодцы неисчерпаемы въ Бакинскомъ уѣздѣ; въ Чечнѣ и во многихъ мѣстахъ пріиски каменнаго угля тоже обѣщаютъ богатство.

Растительное царство горной полосы, можетъ быть, не такъ разнообразно, но не менѣе богато. Лѣсъ тянется по сѣверному и южному склонамъ главнаго хребта всего на 2,400 верстъ въ длину и на десятки верстъ въ ширину: на вершинахъ горъ растетъ сосна, ель, лиственица; ниже ихъ дубъ, чинаръ, разные роды тополя, орѣшникъ; въ долинахъ множество фруктовыхъ деревъ южной полосы Россіи, плодовыхъ кустарниковъ и роскошныхъ цвѣтовъ; мѣстами, въ теплыхъ долинахъ, встрѣчается дикій виноградникъ, хлопчатое и оливковое дерево. На южномъ склонѣ главнаго хребта, въ нагорной Мингреліи, находится родъ чайнаго кустарника. Извѣстный путешественникъ Дюбуа, видѣвшій только самую малую часть Кавказскихъ горъ, удивляется богатству ихъ растительнаго царства. По берегамъ Каспійскаго моря татары съ успѣхомъ разводятъ марену и шафранъ: по Черному морю, въ Абхазіи, климатъ еще теплѣе, воздухъ влажнѣе и мягче, растительность изумляетъ своей силой и роскошью; но здѣсь все находится въ дикомъ состояніи — и жители, и природа.

Въ горныхъ долинахъ можетъ расти пшеница, сарачинское пшено; но жители сѣютъ только просо и немного ячменя и кукурузы.

Къ этому должно прибавить богатство пушныхъ звѣрей, хотя богатство это самое непрочное и непродолжительное. Въ настоящее время, при маломъ населеніи горъ, куницы, черно-

бурыя лисицы, бѣлки, выдры, медвѣди, черные и бурые, населяютъ лѣса и ущелья, а въ нѣкоторыхъ, особенно глухихъ мѣстахъ, водятся даже бобры. Барсы и гіены часто посѣщаютъ горы, и нерѣдко въ долинахъ является, съ береговъ Аракса, огромный царскій тигръ. Волки, шакалы, лисицы, олени, разныхъ породъ дикія козы, кабаны и зайцы, водятся здѣсь въ страшномъ количествѣ; на вершинахъ каменистыхъ утесовъ живетъ туръ, кавказскій дикій козелъ; по сторонамъ Эльбруса попадаются животныя прежняго времени — зубры. Особенное богатство всякаго рода дичи находится въ камышахъ, по устьямъ Кубани, Кумы и Терека.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ представленъ не счетъ, а только оглавленіе богатствъ Кавказскихъ горъ; но, кажется, довольно и того для убѣжденія, что природа не отказала ихъ неселенію въ средствахъ дойти до высокой степени благосостоянія, и если многія горныя мѣста Шотландіи и Швейцаріи славятся богатствомъ своихъ жителей, то чего же можно ожидать отъ природы Кавказскихъ горъ?...

Также богата и разнообразна натура жителя этого благословеннаго края. Всѣ, знающіе Кавказъ, согласны, что вообще населеніе горъ и линіи, какъ русское, такъ и туземное, состоитъ изъ народа, замѣчательно способнаго и бодраго. Нельзя не любоваться, смотря на дѣятельность, трудолюбіе и проворство линейныхъ казаковъ; русская натура проявила въ нихъ многія свои хорошія стороны; и самое переселеніе, и жизнь вблизи непріятеля, и вся эта новая среда развила въ казакѣ—переселенцѣ энергію, пробудила отъ сна силы духа и много образовала его. Не смотря на недостатокъ времени и на то, что часто въ рабочую пору казакъ отрывается отъ пашни и скачетъ на сборное мѣсто для предупрежденія набѣга, хозяйство его не хуже, чѣмъ у крестьянина — собственника. По малому числу городовъ на линіи и отсутствію мануфактурныхъ товаровъ, казакъ долженъ изготовить для себя все самъ: и соху, и борону, и телѣгу, и холстину, и кожу; даже оружіе — кинжалъ, шашку и ружье — онъ дѣлаетъ самъ или передѣлываетъ

изъ стараго; на базарахъ всего этого мало; заниматься выдѣлкою этихъ предметовъ въ значительномъ количествѣ, на продажу, никому нѣтъ времени. И надобно прибавить, что все, сдѣланное казакомъ, очень хорошо, по крайней мѣрѣ, прочно, чисто, исправно. Много нужно смѣтливости, проворства, даже энергіи, чтобы умѣть такъ извернуться, какъ иногда приходится линейнымъ казакамъ.

Въ нѣкоторыхъ племенахъ туземцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ мы давно знаемъ, особенно въ кабардинцахъ, нельзя не видѣтъ готовности и склонности принять всякое полезное нововведеніе. Просвѣщеніе проникало къ нимъ и укоренялось съ низшихъ ступеней и потому шло очень медленно. Они учились хозяйству у стоявшихъ на квартирахъ солдатъ и у линейныхъ казаковъ, и усвоили себѣ что́ могли. Кабардинцы и абазинцы стали сѣять разный хлѣбъ, вмѣсто одного своего проса; иные завели даже плуги; сакли и усадьбы ихъ улучшились, и вообще все хозяйство многихъ кабардинцевъ стало приближаться къ русскому. Это замѣчательная черта въ поклонникахъ исламизма, упорно отвергающихъ все, что́ происходитъ отъ невѣрныхъ.

Кавказскія племена на столько умны, что не могутъ навсегда остаться слѣпыми фанатиками; ученіе Магомета, не смотря на проповѣдь имамовъ и ихъ миссіонеровъ, пустило неглубокіе корни въ горахъ, даже въ самой Чечнѣ и Дагестанѣ, гдѣ постоянно больше тридцати лѣтъ пребывали имамы. Природа не обдѣлила горцевъ душевными качествами; сквозь кору дикости и крайней степени невѣжества почти въ каждомъ горцѣ можно видѣть прямой и живой умъ; въ жизни хищнической можно замѣтить присутствіе чувства и даже гуманной души. Это хищничество только наростъ, пріобрѣтенный воспитаніемъ, обстоятельствами и всѣмъ образомъ жизни; въ натурѣ же горца много ума и чувства, много мужества и силы характера; при извѣстныхъ условіяхъ, качества эти должны были, конечно, образовать того хищнаго, смѣлаго и ловкаго горца, какимъ мы видимъ и знаемъ его давно. Но, оторванный отъ

своего міра и воспитанный въ мірѣ европейскомъ, горецъ представляетъ намъ человѣка способнаго, энергическаго, съ умомъ и чувствомъ. Честолюбіе и славолюбіе, говоря о горцахъ вообще, составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ ихъ характера и были едва ли не главною причиной враждебныхъ отношеній ихъ къ Россіи, ихъ безразсчетныхъ набѣговъ и мужественнаго сопротивленія страшной силѣ. Не для одного грабежа, не изъ корысти только собиралась партія въ набѣгъ, или одинъ хищникъ подстрѣливалъ изъ-за куста путешественника,— нѣтъ, предводители партій, въ сильныхъ рѣчахъ, говорили объ отцахъ и дѣдахъ, со славой воевавшихъ съ гяурами, о подвигахъ ихъ братьевъ, оставившихъ головы на русской землѣ, о томъ, что́ разскажутъ о нихъ въ аулахъ сосѣднихъ племенъ старики и красавицы. Великій поэтъ, только заглянувъ на Кавказъ, подмѣтилъ эту черту характера горцевъ.

Почему такъ долго держались противъ насъ чеченцы, терпѣли и голодъ, и крайнюю нужду, умирали и посылали дѣтей на смерть? Намъ кажется, не изъ одной покорности Шамилю и его проповѣдникамъ, не изъ слѣпой ненависти къ гяурамъ, не изъ жажды грабежа, какъ думаютъ многіе,—нѣтъ, изъ желанія независимости, по естественному побужденію народа, отстаивающаго свою свободу, изъ чести и славы. Мусульманской нетерпимости и ненависти къ гяурамъ, которую имъ старались внушить имамы, положительно нѣтъ между горцами. Мы для нихъ гяуры только потому, что, вынужденные ихъ безпокойнымъ сосѣдствомъ, пошли на нихъ войною. Между племенами средины горъ многіе имѣютъ очень слабое понятіе объ ученіи Магомета; есть чистые идолопоклонники, и есть не имѣющіе никакой религіи и готовые принять ученіе Христово. Обращеніе осетинъ въ христіанскую вѣру не представляло никогда затрудненій, и шло бы очень успѣшно при бо́льшемъ усердіи нашихъ проповѣдниковъ.

Натура горца богата и полна; самое нѣжное и тонкое чувство пробивается иногда сквозь грубую оболочку, наросшую на племенахъ горъ въ теченіе десятковъ вѣковъ. Чувство изящ-

наго и поэзіи не только не чуждо ему, но, напротивъ, составляетъ принадлежность его природы и, можно сказать, въ замѣчательной степени. Горецъ изященъ въ своей оборванной черкескѣ, въ косматой шапкѣ и буркѣ; онъ стоитъ и ходитъ ловко и живописно, говоритъ безъ жестовъ и интонацій европейскаго простолюдина; манеры его просты и часто безупречны. Многія издѣлія горцевъ отличаются изяществомъ вкуса; превосходная работа галуновъ, выдѣлка сафьяна и кожи, конская сбруя и разныя украшенія на оружіи, все совершенство этихъ издѣлій—не плоды образованія и развитія, но единственно слѣдствіе натуры горца. Все это дѣлается со вкусомъ и стараніемъ не изъ разсчета, не на продажу, но для удовлетворенія собственнаго чувства. Стоитъ сравнить работу горца съ работою нашихъ крестьянъ, или даже нашихъ городскихъ мастеровыхъ, чтобы убѣдиться въ дарованіяхъ горцевъ.

Послѣ перваго знакомства, мирные, обрусѣвшіе горцы покажутся людьми слишкомъ практическими, слишкомъ положительными, разсчетливыми, даже жадными къ прибыли; но такое заключеніе будетъ ошибочно; натура ихъ, какъ я сказалъ, богата и полна. Горцы съ жадностью слушаютъ и легко перенимаютъ мотивы музыки, и русской народной, и европейской. Россини, Моцартъ и Беллини могутъ заставить горца простоять на мѣстѣ неподвижно цѣлый часъ. Они не турки и не китайцы, которымъ больше нравится настройка музыкальныхъ инструментовъ, нежели сама музыка. Поэзія ихъ пѣсень, похоронныхъ, предсмертныхъ, воинственныхъ и страдныхъ, извѣстна намъ по нѣкоторымъ переводамъ; а увлеченіе, съ которымъ они предаются всякому чувству, дружбѣ, любви, мщенію, даже чувству къ своему коню, показываетъ вовсе не разсчетливую и исключительно положительную натуру. Нельзя не упомянуть и общей горцамъ черты: уваженія и вниманія къ гостю, который считается у нихъ особою священною, требующею заботы и попеченія.

Все сказанное относится ко всѣмъ племенамъ горъ вообще, и хотя горы населены множествомъ племенъ, совершенно раз-

личныхъ между собою и по происхожденію, и по языку, но общихъ физическихъ и нравственныхъ чертъ между ними много. Это происходитъ отъ одинаковыхъ условій мѣстности, климата и вообще всей природы горъ, также какъ и отъ однихъ и тѣхъ же условій ихъ быта и жизни. Кавказъ издавна былъ большою дорогою для народовъ, проходившихъ изъ Азіи въ Европу, и обратно, и, вѣроятно, каждый изъ этихъ народовъ оставилъ здѣсь часть своего кочевавшаго населенія; слѣды ихъ незамѣтны теперь никому; но можно быть увѣрену, что какое-нибудь племя горъ оставлено здѣсь скиѳами, другое — половцами, хозарами, болгарами, гуннами или монголами. Можетъ быть близкое знакомство укажетъ намъ разницу въ характерѣ и всей натурѣ чеченца, кабардинца и шапсуга, но теперь мы знаемъ только общія сходныя черты: иныя изъ этихъ племенъ болѣе способны принять гражданственность, другія менѣе, но отъ всѣхъ можно ожидать многаго на поприщѣ промышлености и торговли. Когда жители увѣрены будутъ въ безопасности лицъ и собственности, и когда усядутся на своихъ мѣстахъ, тогда малѣйшая помощь быстро подвинетъ впередъ кавказское населеніе.

4. Черкесы *).

Происхожденіе черкесовъ до сихъ поръ еще не опредѣлено съ точностію. Вѣрно только то, что они въ прежнее время составляли могущественный народъ, господствовавшій не только на Кавказскомъ перешейкѣ, но также и на Крымскомъ полуостровѣ. Доказательствомъ этому могутъ служить названія многихъ рѣкъ, озеръ, мѣстечекъ, сохранившіяся тамъ до настоящаго времени. Сами черкесы называютъ себя адиге, что́ значитъ благородные. Что же касается до слова черкесъ, то оно должно быть новѣйшаго происхожденія, а именно турецкаго или персидскаго, и значитъ—перерѣзывающій дорогу, а также разбойникъ.

*) Черкесы обитаютъ вдоль главной цѣпи Кавказскаго хребта отъ Чернаго моря до верховья р. Кубани.

По наружности черкесы принадлежатъ къ самымъ красивымъ народамъ не только Кавказа, но и всего свѣта. Они, бо́льшею частію, средняго роста, стройнаго тѣлосложенія, широкоплечи, съ тонкою таліею. Орлиный носъ, огненные глаза, роскошная черная борода составляютъ характеристическую особенность въ физіономіи каждаго черкеса благороднаго происхожденія. Правда, что подобная красота встрѣчается также и между простымъ народомъ, но это уже исключеніе. Есть, впрочемъ, двѣ черты, принадлежащія одинаково какъ высшему, такъ и низшему сословію, а именно: легкая, скорая походка и горделивая осанка. Наружность черкеса много выигрываетъ отъ его простаго, но, въ то же время, изящнаго костюма. Черкесскій костюмъ состоитъ, во-первыхъ, изъ бешмета, то есть, короткаго ваточнаго кафтана изъ шелковой или бумажной матеріи, застегнутаго на крючки, съ низкимъ стоячимъ воротникомъ, съ длинными, узкими рукавами, оканчивающимися маншетами. Сверхъ бешмета надѣвается черкеска. Это тоже кафтанъ, только не шелковый, а непремѣнно суконный, и отличается отъ бешмета тѣмъ, что застегивается только у таліи, не имѣетъ воротника и на груди украшенъ кожаными красными, или черными патронташами. Талія перетягивается кожанымъ чернымъ ремнемъ съ серебряными пуговками и пряжками. На ноги надѣваются суконные гамаши, перевитые узкими полосами изъ яркаго сукна. Они доходятъ только до колѣнъ, покрытыхъ наколѣнниками. Вмѣсто сапоговъ, черкесы употребляютъ башмаки безъ подошвъ изъ краснаго, или желтаго сафьяна, а сверху ихъ надѣваютъ еще родъ нашихъ галошъ изъ телячьей шкуры. Необходимую принадлежность черкесскаго костюма составляетъ также бурка, защищающая отъ дождя и холода. Это — большой мѣховой плащъ, набрасываемый на плечи, обыкновенно шерстью вверхъ. Голова черкеса покрыта низенькою, остроконечною суконною шапкою, опушенною густымъ бараньимъ мѣхомъ. Особенное вниманіе обращаютъ черкесы на оружіе, заботясь, чтобы оно было и хорошо и красиво. Оружіе черкеса состоитъ изъ кинжала и небольшаго ножа, обоюду-

остраго, привѣшенныхъ къ кушаку. Кромѣ этого, съ боку, на черномъ узкомъ ремнѣ, украшенномъ серебряными бляшками, виситъ кривая сабля, называемая шашкою, а изъ-за спины выглядываетъ винтовка, спрятанная въ мѣховой чахолъ. Ко всему этому надо еще прибавить длинные, турецкіе пистолеты и джерридъ — небольшое копье, съ удивительною ловкостью бросаемое черкесами въ непріятеля. Все это оружіе украшено золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнными каменьями.

Одежда черкешенокъ очень проста. Она состоитъ изъ шелковой сорочки, большею частію голубаго цвѣта, вышитой золотомъ и серебромъ и подпоясанной лентою. Кромѣ того, чтобы сдѣлать талію какъ можно стройнѣе и тоньше, онѣ еще дѣвочками прямо на тѣло надѣваютъ широкій кожаный поясъ и носятъ до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ за мужъ. Нарядъ замужнихъ женщинъ отличается отъ дѣвичьяго бѣлымъ кисейнымъ покрываломъ, прикрѣпляемымъ на головѣ и доходящимъ почти до пятокъ.

Въ характерѣ черкесовъ ясно высказываются черты, принадлежащія вообще всѣмъ необразованнымъ народамъ. Мстительность прежде всего характеризуетъ черкеса. По его понятію, каждая капля пролитой крови должна быть отмщена, и эта обязанность, переходя отъ одного родственника къ другому, бываетъ часто причиною страшной ненависти не только между семействами, но даже между цѣлыми округами и ведетъ къ постоянной, кровавой враждѣ. Существуетъ между черкесами обыкновеніе, по которому убійца платитъ семейству убитаго извѣстную сумму денегъ и, такимъ образомъ, выкупаетъ себя изъ опасности терпѣть мщеніе; но такія сдѣлки заключаются очень рѣдко и еще рѣже исполняются. Есть, впрочемъ, одно средство спасти себя отъ мести со стороны родственниковъ убитаго: оно заключается въ томъ, что черкесъ крадетъ ребенка изъ дома своего кровнаго врага, воспитываетъ его и потомъ передаетъ законному отцу. Тогда примиряются между собою враги, и мѣсто прежней ненависти занимаетъ самая искренняя дружба.

Путешественники, знакомые съ черкесами, въ своихъ отзывахъ о характерѣ этого народа часто противорѣчатъ одинъ другому. Одни, напримѣръ, не хотятъ видѣть въ нихъ ничего хорошаго и клеймятъ именемъ разбойниковъ; другіе же, напротивъ, приходятъ въ восторгъ отъ ихъ рыцарской храбрости и удивляются ихъ горячей привязанности къ свободѣ и отечеству. Вся эта разноголосица, разумѣется, зависитъ отъ личнаго взгляда путешественниковъ, которые, впрочемъ, единогласно признаютъ черкесовъ народомъ гостепріимнымъ и почтительнымъ въ отношеніи къ старшимъ. Гостепріимство для черкеса составляетъ самую священную обязанность. Каждый странникъ, будь онъ бѣденъ или богатъ, знатенъ или нѣтъ, вездѣ принятъ съ искреннимъ радушіемъ. Вся семья выходитъ ему навстрѣчу, его сажаютъ на первое мѣсто, и хозяинъ дома головою отвѣчаетъ за безопасность гостя, до тѣхъ поръ, пока онъ находится подъ его кровлею. Эта похвальная черта характера черкесовъ прекрасно очерчена Пушкинымъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ,
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонный
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.“

Уваженіе къ старшимъ соблюдается черкесами также съ удивительной строгостію и у нѣкоторыхъ племенъ доведено до того, что младшій братъ встаетъ при входѣ старшаго, молчитъ, когда говоритъ кто-нибудь изъ старшихъ, и имѣетъ право высказывать свое мнѣніе только по требованію другихъ.

Итакъ, мстительность, гостепріимство, уваженіе къ старшимъ и любовь къ свободѣ составляютъ главныя характеристическія особенности черкесовъ. Теперь обратимъ вниманіе на ихъ семейную и общественную жизнь. Живутъ черкесы въ деревянныхъ, обмазанныхъ глиною домикахъ, выстроенныхъ амфитеатромъ по склонамъ горъ. Нѣсколько такихъ домиковъ составляютъ деревню, или аулъ. Въ каждомъ аулѣ есть непремѣнно родъ цитадели, въ которую обыкновенно укрываются жители для защиты отъ непріятеля. Домъ начальника деревни отличается отъ прочихъ только бо́льшимъ пространствомъ и лучшимъ убранствомъ. Стѣны комнатъ увѣшаны оружіемъ всякаго рода, а на полу, покрытомъ соломенными плетенками, разставлены диваны, украшенные дорогими коврами.

Главное богатство черкесовъ состоитъ въ стадахъ рогатаго скота, барановъ и овецъ. На земледѣліе они мало обращаютъ вниманія; что же касается до торговли и промышлености, то онѣ всегда были на низкой степени развитія. Въ прежнее время, то есть до начала войны съ русскими, черкесы вели съ турками значительный торгъ невольницами, въ замѣнъ которыхъ получали шелковыя и другія матеріи, порохъ, пули, оружіе, табакъ и соль. Въ послѣднихъ предметахъ они нуждаются до сихъ поръ, и вымѣниваютъ ихъ у турокъ или у русскихъ на шерсть, кожи, сало, воскъ и на разныя серебряныя бездѣлушки, приготовляемыя ими съ большимъ искусствомъ и вкусомъ. Науки и искусство находятся у черкесовъ въ такомъ пренебреженіи, что у нихъ нѣтъ даже письменности. Только поэзія и, неразлучная ея спутница, музыка нашли себѣ пріютъ у этого народа. Характеръ черкесскихъ пѣсень довольно однообразенъ. Въ нихъ, большею частію, разсказывается о подвигахъ и славной смерти какого-нибудь героя.

Въ семейной жизни черкесовъ заслуживаютъ вниманіе брачные обряды. При выборѣ невѣсты всегда обращается вниманіе на ея происхожденіе. Ни одинъ знатный черкесъ не рѣшится взять себѣ въ подруги дѣвушку низшаго класса. Когда выборъ сдѣланъ, тогда женихъ обращается къ родителямъ не-

вѣсты и предлагаетъ имъ за дочь выкупъ, состоящій изъ денегъ, лошадей, быковъ или барановъ. Плата за дѣвушку тѣмъ дороже, чѣмъ женихъ богаче. Если же требованія родителей велики, а женихъ бѣденъ, то онъ устраиваетъ у себя праздникъ, на который приглашаются родственники и друзья. Каждый изъ приглашенныхъ, по принятому обычаю, обязанъ подарить чѣмъ можетъ жениха, и онъ, такимъ образомъ, собираетъ сумму, необходимую для пріобрѣтенія невѣсты. По заключеніи окончательнаго договора, женихъ получаетъ право взять себѣ въ супруги выбранную имъ дѣвушку, но для этого долженъ непремѣнно похитить ее изъ дома родителей. Это похищеніе, впрочемъ, не больше, какъ принятая формальность. Женихъ съ своими пріятелями или слугами пробирается въ комнату, гдѣ находится невѣста, одѣтая въ лучшую одежду и окутанная съ ногъ до головы, въ бѣлую чадру. Дѣвушка противится похищенію. На крикъ ея являются братья или ближайшіе родственники и начинаютъ борьбу съ похитителемъ. Побѣда всегда остается на сторонѣ послѣдняго. Онъ отбиваетъ, наконецъ, свою добычу, вскакиваетъ на коня и летитъ стрѣлою домой. Въ брачномъ обрядѣ каждое племя придерживается своихъ обычаевъ. У черкесовъ, признающихъ исламъ, онъ ограничивается тѣмъ, что мулла прочитываетъ только нѣсколько стиховъ изъ корана. Потомъ молодой четѣ приносятся поздравленія и подарки, а затѣмъ начинается пиршество, на которомъ главную роль играетъ буза, довольно крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ меда и проса. Послѣ этого начинаются воинскія забавы, оканчивающіяся нерѣдко смертію кого-нибудь изъ участвующихъ. Когда молодые охотники до борьбы утомятся, тогда на хромой лошади является паяцъ, одѣтый въ пеструю одежду, и забавляетъ гостей различными штуками. Съ закатомъ солнца начинаются танцы. Какой-нибудь старикъ беретъ инструментъ, похожій на балалайку, и затягиваетъ пѣсню въ честь новобрачныхъ. Молодые мужчины и дѣвушки отдѣляются отъ прочихъ гостей, становятся въ два ряда, одинъ противъ другаго, и, ударяя въ ладоши подъ звуки музыки, то

подаются впередъ, то опять уходятъ назадъ. Это только вступленіе въ танцы. Наконецъ выходитъ одинъ изъ мужчинъ, и, выбравъ дѣвушку, начинаетъ танецъ. Вотъ они разошлись въ разныя стороны и остановились. Граціозная танцорка своими выразительными глазками подзываетъ къ себѣ своего кавалера. Вотъ онъ уже близко къ ней, хочетъ взять ее за руку; но она уклоняется и, отлетѣвъ отъ него на значительное пространство, останавливается и опять манитъ къ себѣ. Еще попытка со стороны танцора и опять обманъ. Этимъ только и ограничивается танецъ. Утомилась одна пара—на ея мѣсто является другая, потомъ третья и т. д., пока всѣ натѣшатся досыта.

Отношенія между супругами довольно оригинальны. Самыя обыкновенныя выраженія взаимной привязанности, какъ, напримѣръ, поцѣлуй, или просто пожатіе руки, въ присутствіи посторонняго человѣка считаются предосудительными. Держа себя въ такомъ отдаленіи отъ жены, черкесъ не позволяетъ также никому, не только изъ постороннихъ, но даже изъ родственниковъ, выразить къ ней какое-нибудь вниманіе. Вопросъ о здоровьѣ хозяйки дома серіозно оскорбляетъ каждаго черкеса. Хотя коранъ допускаетъ многоженство, однако, оно между черкесами принадлежитъ къ очень рѣдкимъ явленіямъ, такъ же точно, какъ и расторженіе брака. Это даетъ поводъ къ заключенію, что черкешенка пользуется значительнымъ уваженіемъ, особенно, если подумать еще о томъ, что она одна имѣетъ силу спасти кого бы то ни было отъ врага и смерти. Для этого ей стоитъ только принять преслѣдуемаго подъ кровлю своего дома, и онъ можетъ считать себя внѣ всякой опасности. Появленіе женщины прекращаетъ самый ожесточенный споръ; въ присутствіи ея никогда не прольется кровь, и потому нерѣдко случается, что женщины, бросаясь въ толпу сражающихся, заставляютъ ихъ положить оружіе. При всемъ этомъ, однако, мужъ считается неограниченнымъ властителемъ жены и имѣетъ даже право жизни и смерти надъ нею.

Богатые родители никогда не занимаются воспитаніемъ своихъ дѣтей, а поручаютъ исполненіе этой обязанности воспи-

тателю. Такое обыкновеніе существуетъ на томъ основаніи, что ребенокъ, оставшійся въ родномъ домѣ, разумѣется, будетъ пользоваться постоянно ласками родителей, особенно матери: а эта сдѣлаетъ его изнѣженнымъ и лишитъ возможности быть настоящимъ мужчиною. При выборѣ аталыка, или воспитателя, обращается большое вниманіе на его физическія и нравственныя достоинства. Онъ долженъ быть храбръ, краснорѣчивъ, хорошій наѣздникъ и искусно владѣть оружіемъ. Принявъ подъ свое попеченіе ребенка почти съ первыхъ дней его жизни, аталыкъ остается при немъ до времени совершеннаго возмужанія. Ѣзда верхомъ, фехтованіе, стрѣльба въ цѣль и тому подобныя упражненія составляютъ главный предметъ занятій воспитанника. Развитіе ловкости и хитрости — главная задача воспитателя, и онъ, для лучшаго упражненія этихъ способностей, нерѣдко приказываетъ своему питомцу отправиться въ ближайшій аулъ и украсть лошадь, барана или корову. По нашему взгляду, такого рода поступки недостойны благороднаго человѣка, а черкесъ смотритъ на это другими глазами и не нахвалится своимъ воспитанникомъ, если тому удастся ловко исполнить данное порученіе. Что касается до умственнаго образованія, то на него немного употребляется времени. Вся забота аталыка ограничивается только тѣмъ, чтобы научить своего воспитанника говорить краснорѣчиво и убѣдительно. Это принесетъ ему пользу впослѣдствіи, когда онъ будетъ уже засѣдать въ народныхъ собраніяхъ и подавать голосъ. Поэтому нерѣдко можно встрѣтить черкеса, неумѣющаго ни читать, ни писать, но въ то же время очень краснорѣчиваго. Послѣдняя услуга аталыка своему воспитаннику заключается въ выборѣ для него невѣсты. Возвращеніе молодаго черкеса въ родительскій домъ соединяется всегда съ особенными празднествами. Аталыка объявляютъ торжественно самымъ близкимъ родственникомъ семьи и дарятъ оружіемъ, лошадьми и другими предметами. Къ своему бывшему воспитаннику онъ остается всегда очень близкимъ человѣкомъ, да и воспитанникъ, естественно,

чувствуетъ къ нему гораздо болѣе привязанности, чѣмъ къ прочимъ своимъ родственникамъ, не исключая даже и отца.

Религіозныя вѣрованія черкесовъ представляютъ удивительную смѣсь христіанства, ислама и язычества. Христіанская религія начала распространяться между черкесами съ VIII столѣтія и оставалась господствующею до появленія знаменитаго шейха Мансура, игравшаго здѣсь въ послѣднюю половину прошлаго столѣтія такую же роль, какую въ послѣднее время разыгрывалъ Шамиль въ Дагестанѣ. Имя шейха Мансура въ первый разъ упоминается въ 1785 г. Этотъ фанатическій апостолъ, памятный до сихъ поръ всѣмъ послѣдователямъ Магомета отъ Чернаго моря до Каспійскаго, полагаютъ, былъ орудіемъ турокъ, желавшихъ распространить магометанскую религію между народами Кавказа и, такимъ образомъ, возбудить ихъ къ войнѣ съ русскими. Въ 1791 году, при осадѣ крѣпости Анапы, Мансуръ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и кончилъ свое существованіе. Вліяніе его было до такой степени значительно, что всѣ князья и знатные, съ большею частію своихъ подданныхъ, приняли магометанскую религію, и только незначительная часть населенія осталась вѣрною своимъ языческимъ богамъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ слѣдующіе:

1) *Шибле* — богъ грома и войны, юпитеръ черкесовъ-язычниковъ. Ему молятся воины передъ отправленіемъ на битву и приносятъ въ жертву лучшихъ овецъ изъ стада, въ случаѣ успѣшнаго предпріятія. Буря, поднявшаяся передъ сраженіемъ, служитъ предвѣстникомъ побѣды, какъ знакъ благословенія, ниспосылаемаго богомъ-громовержцемъ. Уваженіе къ этому богу выражается во многомъ. Такъ, напримѣръ, каждое дерево, разрушенное молніею, становится священнымъ, и подъ его вѣтвями можетъ считать себя безопаснымъ отъ преслѣдованія самый закоренѣлый изъ преступниковъ. На этомъ же основаніи человѣкъ, убитый молніею, считается святымъ и предается погребенію съ особенными почестями.

2) *Сеосересъ*, или *Сосерешъ* — богъ воды и вѣтра. Ему повинуются море и облака, по его велѣнію образуются и низвергаются съ горъ лавины и бываютъ причиною страшныхъ несчастій. Земледѣлецъ испрашиваетъ у этого бога благодѣтельнаго дождя, и къ нему же обращается каждый, желающій благополучнаго путешествія своему родственнику. Сосерешу приносятъ жертву, бросая ее въ рѣку, текущую въ море — жилище морскаго бога, и, по свисту вѣтра или движенію облаковъ, стараются узнать, исполнится ли желаніе, или нѣтъ.

3) *Секутха* — богъ путешествующихъ. Онъ хранитъ всѣхъ странниковъ, особенно же предпринявшихъ путешествіе съ святою цѣлью. Домъ, принявшій странника, будетъ награжденъ божествомъ.

4) *Меситха* — богъ лѣсовъ. Ему посвящены многія рощи, гдѣ живутъ также и другія божества. Эти рощи священны для каждаго черкеса-язычника и имѣютъ для него такое же значеніе, какое для древнихъ грековъ и римлянъ имѣли ихъ храмы. Преступникъ, скрывшійся въ одну изъ такихъ рощей, считаетъ себя совершенно безопаснымъ. Здѣсь, подъ священными дубами, собираются старшины на судъ или на совѣтъ о мирѣ, войнѣ и другихъ важныхъ дѣлахъ.

5) *Ахинъ* — богъ рогатаго скота — пользуется, кажется, наибольшимъ почетомъ между черкесами. Въ честь его ежегодно приносятъ въ жертву корову, закалаемую въ священной рощѣ, куда собираются всѣ окрестные жители и пляшутъ подъ священными деревьями, распѣвая религіозные гимны. Нѣкоторые увѣряютъ, что жертвенная корова въ день праздника выходитъ изъ хлѣва, сама отправляется въ священную рощу и мычаньемъ подаетъ знакъ о приближеніи минуты своего закланія.

Кромѣ этихъ и многихъ второстепенныхъ боговъ, языческіе черкесы признаютъ еще Высочайшее Существо и видятъ въ немъ творца міра и вседержителя.

Говоря о религіозныхъ вѣрованіяхъ языческихъ черкесовъ, нельзя не замѣтить, что у нихъ никогда не приносились чело-

вѣческія жертвы. За то, суевѣріе развито у черкесовъ въ сильнѣйшей степени. Не говоря уже о томъ, что черкесы вѣрятъ всякаго рода гаданьямъ, они убѣждены также, что люди, находящіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ злымъ духомъ, могутъ принимать на себя образъ волковъ, собакъ, кошекъ и другихъ животныхъ. Эти оборотни, главная причина всѣхъ несчастій, въ одну весеннюю ночь собираются вмѣстѣ на какую-то гору и тамъ разъѣзжаютъ на различныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ.

Сказать что-нибудь опредѣленное объ управленіи и судопроизводствѣ черкесовъ довольно трудно. Письменныхъ законовъ не существуетъ; они замѣняются древними обычаями, представляющими довольно большое разнообразіе. Въ судьи выбираются обыкновенно старшіе и болѣе почетные между жителями деревни, и ихъ приговору подчиняются всѣ безропотно. За нѣкоторыя преступленія, впрочемъ, налагаются опредѣленныя наказанія. Такъ, напримѣръ, черкесъ благороднаго происхожденія, убившій случайно или намѣренно человѣка, принадлежащаго къ низшему сословію, обязанъ заплатить девять рабовъ, что, однако, не избавляетъ его отъ мести со стороны родственниковъ убитаго. Пойманный въ воровствѣ обязанъ лично возвратить похищенное законному владѣтелю; а это для каждаго черкеса самое жестокое наказаніе. Онъ самъ рекомендуетъ себя воромъ, и, что самое главное, неискуснымъ; а это постыдно для черкеса.

Всѣ черкесы дѣлятся на три сословія: князей, благородныхъ и простыхъ воиновъ. Число духовныхъ очень незначительно, и потому они не составляютъ особаго сословія, а причисляются къ благороднымъ. Рабы, то есть военноплѣнные и перебѣжчики, составляютъ тоже особенный классъ, на который возлагается обработываніе полей и исполненіе различныхъ обязанностей въ домахъ знатныхъ. Князья и благородные или уздени, владѣютъ значительными участками земли, которые они отдаютъ въ ленное владѣніе и за это получаютъ ежегодно отъ своихъ вассаловъ опредѣленную подать, состоящую изъ хлѣба и скота.

Этимъ, впрочемъ, и ограничиваются ихъ преимущества. Въ дѣлахъ же внутренняго управленія они не пользуются особенною властію и безъ согласія народа не могутъ предпринять ничего важнаго.

5. Общественный бытъ чеченцевъ *).

Чечня, усѣянная, кромѣ сѣверной части, высокими горами покрытыми густымъ, вѣковымъ лѣсомъ, изрытая пропастями и оврагами, представляетъ глазамъ наблюдателя величественную картину — дикую мѣстность, особенно въ южной части, близъ горъ Сулой-лама, Нахчи-лама и Тансута-дага, замѣчательныхъ по своей возвышенности и неприступности.

Въ водѣ, какъ и въ горахъ, Чечня также не имѣетъ недостатка. Она изрѣзана на всемъ своемъ пространствѣ множествомъ рѣкъ и ручьевъ, шумно стремящихся, по большей части, въ ущельяхъ, съ юга на сѣверъ. Между рѣками замѣчательны: Терекъ, Сунджа, Аргунъ и другія. Кромѣ всѣхъ этихъ рѣкъ, Чечня славится еще множествомъ горныхъ источниковъ и ключей, имѣющихъ цѣлебную силу; впрочемъ, они не пользуются между ея обитателями никакимъ уваженіемъ и остаются для насъ мало извѣстными.

Климатъ въ Чечнѣ здоровый, такъ какъ она вся, особенно въ южныхъ частяхъ, покрыта высокими горами, на которыхъ снѣгъ лежитъ въ продолженіе цѣлаго лѣта и тѣмъ умѣряетъ жары; но зимы бываютъ довольно суровы.

По разсказамъ старожиловъ, чеченцы заняли нынѣшнюю землю назадъ тому около двухъ столѣтій.

Страна ихъ представляла всѣ удобства, потребныя для жизни, и, полная дѣвственныхъ силъ, всегда вознаграждала легкій трудъ человѣка. Юное общество, отдѣленное отъ прилегавшихъ къ нему владѣній вѣковыми лѣсами и быстрыми рѣками, непримѣтно расло и плодилось, не тревожимое ни кабардин-

---

*) Чеченцы живутъ по сю сторону Кавказскаго хребта между Кубанью и Аксаемъ къ в. отъ черкесовъ.

цами, ни кумыками, ни лезгинами, едва знавшими о его существованіи. Однимъ словомъ, чеченцы, первые обитатели этой пространной и плородной земли, удовлетворявшей вполнѣ ихъ ограниченнымъ требованіямъ, пользовались и кормились ею какъ Божьимъ даромъ, не имѣя совершенно никакого понятія о личной поземельной собственности. Земля у нихъ, какъ вода и воздухъ, принадлежала всякому, и тотъ владѣлъ ею, кто хотѣлъ только ее обработывать. Чѣмъ больше увеличивалась семья, тѣмъ болѣе занимала она мѣста. Когда же двѣ сосѣднія семьи размножались до нѣсколькихъ сотъ домовъ, такъ что ихъ владѣнія стали соприкасаться между собою, то онѣ, съѣзжаясь съ своими плугами на пашняхъ, по необходимости должны были положить границу между двумя смежными землями. Но эти родовыя владѣнія не раздроблялись между членами одного родства, а оставались по-прежнему общею нераздѣльною собственностію цѣлаго родства, составляющаго отдѣльное общество и называемаго *тохумомъ*. Каждый годъ, когда настаетъ время пахать, всѣ родственники собираются на свои поля и дѣлятъ ихъ на столько равныхъ участковъ, сколько домовъ считается въ тохумѣ: потомъ уже жребій распредѣляетъ эти участки между членами семьи. Получившій, такимъ образомъ, свой годовой участокъ дѣлается полнымъ хозяиномъ но цѣлый годъ, обработываетъ его самъ, или отдаетъ другому на извѣстныхъ условіяхъ, или, наконецъ, оставляетъ необработаннымъ, смотря по своему желанію. Относительно же мѣстъ, занятыхъ лѣсами, у чеченцевъ существуетъ особое право, и они не раздѣляются между ними на участки, потому что лѣсъ у нихъ не считается народнымъ богатствомъ, такъ какъ его очень много и ему не знаютъ цѣны. Каждый пришлецъ или туземецъ имѣетъ полное право вырубить себѣ участокъ лѣса и поселиться на расчищенной имъ землѣ, и тогда приготовленное и воздѣланное его трудомъ мѣсто становится уже частною неотъемлемою собственностію.

Всѣ принадлежащіе къ чеченскому племени составляютъ одинъ общій классъ вольныхъ людей, безъ подраздѣленій на

князей, дворянъ и т. п. «Мы всѣ уздени»—говорятъ чеченцы. Принимая слова *уздень* (*езюданъ*—отъ себя) въ собственномъ смыслѣ, будетъ значить, что чеченцы—люди, зависящіе сами отъ себя. Но въ массѣ народонаселенія, до покоренія Россіею, былъ въ Чечнѣ, какъ и у другихъ горцевъ, немногочисленный классъ личныхъ рабовъ, называвшихся *іессирами* и *лаями* и состоявшихъ изъ военноплѣнныхъ, которыхъ обыкновенно освобождали за выкупъ и съ которыми обращались какъ у насъ съ крѣпостными дворовыми людьми, съ бо́льшимъ или меньшимъ стѣсненіемъ личной свободы, смотря по характеру владѣльца.

До Шамиля каждый тохумъ, каждая деревня управлялись отдѣльно, не вмѣшиваясь въ дѣла сосѣдей. Старшій въ родѣ выбирался обыкновенно въ посредники или судьи въ ссорахъ между родственниками. Въ большихъ деревняхъ, гдѣ жило нѣсколько тохумовъ, каждый выбиралъ своего старика, и ссоры уже разбирались всѣми стариками вмѣстѣ. Впрочемъ, кругъ ихъ дѣйствій былъ очень ограниченъ и власть почти ничтожна. Кто желалъ—приходилъ къ нимъ судиться, но кто хотѣлъ лично отыскивать свое право, преслѣдовалъ самъ своего врага и дѣлалъ съ нимъ расправу, минуя стариковъ; рѣшенія послѣднихъ были не обязательны, и поэтому исполненіе ихъ, въ большей части случаевъ, зависѣло отъ воли тяжущихся. Судъ стариковъ, лишенный всякихъ понудительныхъ средствъ, тѣмъ не менѣе однако же былъ постоянно уважаемъ чеченцами и сохранился до самаго водворенія Шамиля. Врожденное чувство нѣкоторой подчиненности, какъ необходимое условіе всякаго общества, было оплотомъ, ограждавшимъ эту слабую гражданскую власть отъ разрушительныхъ порывовъ духа необузданной вольницы полудикаго народа. Чеченецъ, убѣгая всякаго ограниченія своей воли, какъ нестерпимой узды, невольно покорялся превосходству ума и опытности и часто исполнялъ добровольно приговоръ стариковъ, осудившихъ его. Важныя дѣла, касавшіяся до цѣлой деревни, рѣшались на мірскихъ сходкахъ, на которыя сбѣгались всѣ жители. Правилъ же для этихъ народныхъ собраній вовсе не существовало. Приходилъ всякій,

кто хотѣлъ, говорилъ, что зналъ: толкамъ, крику и шуму не было конца. Случалось часто, что споръ кончался жестокой дракой; деревня вся дѣлилась на двѣ враждующія партіи, и одержавшіе верхъ выгоняли безжалостно побѣжденныхъ, которые шли селиться на новыхъ мѣстахъ. Вотъ какъ безпорядочно сзывался народъ на эти чеченскія вѣча: кто-нибудь изъ жителей, задумавъ потолковать о важномъ дѣлѣ, взлѣзалъ на кровлю мечети и оттуда сзывалъ народъ, какъ муэззины призываютъ правовѣрныхъ на молитву. Праздные сбѣгались на его голосъ, за ними поспѣшало все мужское населеніе деревни, и такимъ образомъ, на площади, предъ мечетью, составлялась мірская сходка. Когда сдѣланное предложеніе не было достойно вниманія,—толпа скоро расходилась, безъ негодованія на нарушителя общественнаго покоя, потому что для чеченца всякая новость, всякій шумъ занимательны, а сходить на площадь изъ-за пустяковъ, для людей, проводящихъ цѣлый день безъ дѣла—ничего не значитъ. Такимъ образомъ судъ старшинъ или такъ-называемый судъ по адату и мірскія сходки составляли долгое время въ Чечнѣ единственную основу всего общественнаго благоустройства.

Судъ по адату основывается на нѣкоторыхъ общепринятыхъ правилахъ, установленныхъ обычаемъ и освященныхъ временемъ. Адатъ можно назвать первымъ звеномъ соединенія людей въ общество, переходомъ человѣка отъ дикаго состоянія къ общественной жизни. Но эти правила, созданныя человѣкомъ въ состояніи его младенчества, далеко не ограждаютъ общество отъ своеволія и насилія отдѣльныхъ его членовъ. Правосудіе, основанное на адатѣ, весьма шатко уже и потому, что рѣшенія стариковъ-судей, какъ мы уже видѣли, не поддерживаются никакою исполнительною властью. И поэтому-то, всѣ личныя обиды и важнѣйшія преступленія, какъ-то: убійство, насиліе—у горцевъ никогда не судятся. По недостатку порядка и правильной организаціи общества, преступникъ всегда имѣетъ возможность уйти отъ преслѣдованія; на этомъ основаніи адатъ допускаетъ кровомщеніе не только на лица, совершившія

злодѣяніе, но и на ихъ родственниковъ. Такое кровомщеніе у чеченцевъ называется *канлою*. Канла, вообще, состоитъ въ томъ, что родственникъ убитаго долженъ убить убійцу или кого-либо изъ его родственниковъ. Тѣ, съ своей стороны, опять должны отмстить за кровь кровью и такимъ образомъ убійство продолжается безконечно, такъ что мщеніе иногда переходитъ отъ одного колѣна къ другому. Бываютъ, впрочемъ, случаи, въ которыхъ канла прекращается. Лице, желающее примириться съ своимъ врагомъ, можетъ достигнуть этого, отпустивъ себѣ волосы и прося, чрезъ знакомыхъ, противника о прощеніи. Если послѣдній согласится дать его, тогда желающаго примириться приводятъ къ нему въ домъ, и, въ знакъ примиренія, тотъ долженъ обрить ему голову. Послѣ того, примирившіеся почитаются кровными братьями и клянутся на коранѣ быть вѣрными другъ другу. За кровь можно также откупаться, т. е. лицо, на которомъ лежитъ канла, платитъ противнику извѣстную сумму; за что тотъ, при свидѣтеляхъ, долженъ дать клятву, что преслѣдовать его не будетъ.

Воровскія дѣла у горцевъ подчинены также разбирательству адата. Отвѣтчикъ, не опасаясь строгости закона, идетъ безъ сопротивленія на судъ, въ надеждѣ оправдаться; въ случаѣ же обвиненія наказаніе заключается въ одномъ лишь возвращеніи истцу украденнаго у него и небольшаго штрафа; такъ, напр. за воровство лошади отвѣтчикъ платитъ только шесть рублей, а за воровство коровы — три рубля. За похищеніе же, сдѣланное въ саклѣ, воръ обязанъ заплатить истцу вдвое противъ того, что стоитъ пропажа.

Самый обрядъ суда по адату весьма простъ. Противники, желая кончить дѣло по адату, выбираютъ обыкновенно въ посредники или судьи для себя одного или двухъ старшинъ. Старшины, для избѣжанія лицепріятія, выбираются не изъ того тохума, къ которому принадлежатъ тяжущіеся, а непремѣнно изъ другаго. Старики выслушиваютъ отдѣльно каждаго изъ разбирающихся и, выслушавъ, произносятъ приговоръ. Старикамъ за судъ ничего не платится. Для обвиненія необходимо,

чтобы истецъ представилъ съ своей стороны одного или двухъ свидѣтелей, которые должны быть совершеннолѣтніе, мужескаго пола и не изъ лаевъ. Въ случаѣ же, если бы истецъ не нашелъ свидѣтелей, то виновный оправдывается присягою на коранѣ. Очныя ставки не требуются адатомъ, потому что свидѣтели или доносчики, опасаясь мщенія, обвиняютъ преступника тайно. При рѣшеніи адатомъ необходимое условіе, чтобы судьи единогласно положили приговоръ; въ случаѣ же разногласія между стариками, тяжущіяся стороны выбираютъ другихъ судей.

Кромѣ суда по адату, нѣкоторыя дѣла у чеченцевъ рѣшались по *шаріату*, т. е. согласно правиламъ, изложеннымъ въ коранѣ на всевозможные случаи преступленій. Но судъ этотъ никогда не имѣлъ большаго значенія въ Чечнѣ, потому что магометанское духовенство тамъ не имѣло сильнаго вліянія, хотя, по смыслу самаго корана, ему предоставлено высокое и почетное мѣсто въ обществѣ. Знаніе грамоты было единственное преимущество, которое имѣли чеченскіе муллы надъ своими прихожанами. Посвященія въ духовное званіе не существовало: каждая деревня выбирала какого-нибудь грамотѣя, знающаго по-арабски, и назначала его своимъ муллою. Чтеніе молитвъ, рѣшеніе по шаріату нѣкоторыхъ тяжбъ, составленіе духовныхъ завѣщаній и описи имѣній суть главныя обязанности и кругъ дѣйствій приходскаго муллы. Въ остальномъ онъ по образу жизни ничѣмъ не отличался отъ мірянъ. При ежегодномъ дѣлежѣ земель, онъ получалъ участокъ наравнѣ съ прочими жителями и, какъ всѣ прочіе, занимался хлѣбопашествомъ и торговлею.

Изъ всего вышесказаннаго объ общественномъ устройствѣ у чеченцевъ видно, что у нихъ введено было смѣшанное законодательство, составленное изъ двухъ противоположныхъ началъ: шаріата, основаннаго на общихъ правилахъ нравственности и религіи, и адата—на обычаяхъ полудикаго народа. На эти два начала имѣлъ сильное вліяніе мюридизмъ, проникшій въ Чечню изъ Дагестана. Такимъ образомъ шаріатъ и

мюридизмъ, повидимому, должны были бы восторжествовать окончательно надъ адатомъ, если бы, въ 1859 г., въ Чечнѣ не послѣдовала рѣшительная перемѣна въ жизни чеченцевъ вслѣдствіе совершеннаго ихъ покоренія Россіею, которою, конечно, введутся другіе, болѣе разумные порядки.

6. Абхазъ въ семьѣ.

Женщина, по понятіямъ абхаза, только старшее животное въ домѣ—не больше; но о ней онъ безпокоится менѣе, чѣмъ о лошади, и немного болѣе, чѣмъ о собакѣ. Грустно видѣть, въ какомъ отвратительномъ рабствѣ пресмыкаются женщины въ горахъ Абхазіи! Весь тяжкій и всякій грязный трудъ домашней жизни исполняютъ въ горахъ женщины.... Мужъ знаетъ только винтовку, шашку и кинжалъ, жена—все остальное.... Если даже потечетъ кровля жалкой сакли, то наѣздникъ скорѣе сгинетъ подъ дождемъ, чѣмъ рѣшится запачкать руки въ грязи и глинѣ, чтобы замазать дыру кровли: такъ онъ мало безпокоится о своемъ кровѣ и обо всемъ, что кругомъ его, будучи увѣренъ, что жена все приберетъ, все сдѣлаетъ; мало этого—горецъ считаетъ за грѣхъ и позоръ облегчить трудъ жены... По его понятію, преступленіе взяться одною и тою же рукою за кинжалъ и за тряпку.... Домашняя жизнь горца сказывается болѣе всего зимою, лѣтомъ,—онъ гость дома; въ распутицу—другое дѣло. Съ января въ горахъ начинается зима и продолжается до марта. Зима—не наша морозная, съ вьюгами и снѣгомъ.... впрочемъ, въ тысячу разъ хуже самой злой зимы. Это осень съ безпрестанными дождями, пасмурнымъ небомъ и грязью, которая страшными потоками бѣжитъ съ горъ, совершенно прекращая въ нихъ сообщеніе. Тогда горецъ, вѣчно босой и едва-ли не голый, какъ сынъ природы, закупоривается въ свою ветхую кокону—саклю, и въ ней, изнывая въ тоскѣ и въ бездѣйствіи, начинаетъ жизнь семьянина. Въ эти два мѣ-

сяца абазехъ проживаетъ два томительные вѣка.... Онъ чахнетъ и грустить по наѣздинческой жизни, грустить, какъ узникъ на чужбинѣ, потому что воздухъ родной сакли—для него не воздухъ. Лишенный обычнаго развлеченія, онъ прибѣгаетъ ко всему, чтобы только скоротать грустное время. Безъ счету смажетъ онъ свой кинжалъ саломъ и развинтитъ винтовку, желая отыскать на ней хоть крапинку ржавчины, которая заняла бы его навѣрно на цѣлый день; безъ счету побьетъ и приголубитъ босыхъ и голодныхъ ребятишекъ, пересыпая всѣ свои занятія бранью на непогоду и жену.... Очагъ его пылаетъ съ утра до вечера. Подбрасывать въ огонь сухой хворостъ, на которомъ варится неизмѣнная баранина, или жарится гастрономическій шашлыкъ, вмѣстѣ съ удовольствіемъ навѣщать своего любимаго коня—составляютъ единственную усладу горца....

7. Джигитовка.

Джигитовка—любимое развлеченіе горцевъ. Вотъ какъ самъ горецъ описываетъ это національное игрище. «Едва только загорѣлось солнце на темени громадныхъ горъ, какъ аулъ уже запестрѣлъ толпами жителей. Женщины въ своихъ богатыхъ нарядахъ, закрытыя чадрою, заняли пороги саклей. Молодцы въ полномъ вооруженіи и въ разодранныхъ чухахъ, щеголяя красивыми и горячими конями, раздѣлились на двѣ партіи, по обоимъ концамъ аула. Старики шумно-говорливою толпою усѣлись на скатѣ горы, съ которой открывалась имъ вся арена. Тамъ и сямъ бѣгали и суетились нукеры (слуги), разставляя шесты съ надѣтыми на верхи ихъ кабардинками, раздавая джигитамъ коротенькія палки, или подводя коней своимъ князьямъ и узденямъ. Я съ аталыкомъ, какъ гость, получилъ приглашеніе присоединиться къ правой сторонѣ, какъ старшей, имѣвшей по законамъ игры право начинать джигитовку. И вотъ все смолкло. Только слышалось ржаніе коней, да шопотъ въ

толпѣ женщинъ.... Раздался выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ брошенная вверхъ шапка подала сигналъ начать джигитовку.... Плети свиснули, и мы попарно, съ гикомъ и воплями, вихремъ понеслись вдоль аула. Лѣвая сторона намъ навстрѣчу, стрѣляя на воздухъ и крутя надъ головами винтовками. Когда кончился первый маневръ и раздался второй выстрѣлъ, вызывавшій охотниковъ состязаться въ киданіи палокъ, мой аталыкъ быстро подскакалъ ко мнѣ и, не говоря ни слова, стегнулъ моего коня плетью. Въ то же мгновеніе я ослабилъ поводья, прильнулъ въ лукѣ и съ гикомъ понесся на средину аула..... Одобрительный говоръ послышался въ толпѣ горцевъ..... и, бренча звонкою уздечкою, ко мнѣ навстрѣчу выѣхалъ мой соперникъ, красивый юноша, сынъ одного изъ старшинъ аула. Не давая мнѣ одуматься, онъ проскакалъ мимо меня и, описавъ крутой полукругъ, метнулъ высоко въ воздухъ свою палку. Сердце дрогнуло и задрожало въ груди моей.... Не теряя ни мгновенія, я, привставъ на стременахъ, быстро описалъ тотъ же кругъ и съ силою подбросилъ свою палку, которая такъ ловко и удачно ударилась въ первую, что разрѣзала ее пополамъ. Громкій крикъ общаго восторга былъ мнѣ наградою.... Ободренный, я закрутилъ своего вихря и на всемъ рьяномъ скаку его поднялъ съ земли свою палку, бросивъ ее далеко въ толпу пукеровъ. Въ первомъ дѣлѣ побѣда оставалось за мною, но оставалось другое—важнѣйшее. Перемѣнивъ измученнаго коня, я снова выѣхалъ навстрѣчу моему сопернику, который, между тѣмъ, выхвативъ изъ чехла винтовку, помчался мимо шестовъ и, въ двухъ шагахъ отъ третьяго, на всемъ скаку сбилъ съ него пулею кабардинку.... Мнѣ должно было сдѣлать то же. Разгоряченный первою удачею, я слишкомъ самонадѣянно бросился впередъ и, поровнявшись съ первымъ шестомъ, брякнулъ куркомъ.... За моимъ выстрѣломъ слѣдовалъ громкій хохотъ и чье-то проклятіе.... Шапка спокойно висѣла на шестѣ.... Кровь закипѣла во мнѣ и хлынула къ сердцу, обливая его растопленнымъ оловомъ. Стиснувъ зубы и обомлѣвъ отъ стыда и досады, я рѣшился выкупить свою неудачу опаснымъ

рискомъ и, поклявшись въ душѣ, въ случаѣ новой бѣды, раскроить себѣ на мѣстѣ черепъ. Съ этими мыслями я медленно поворотилъ коня и, проѣхавъ шаговъ двадцать подъ градомъ насмѣшекъ, быстро вернулся назадъ, гикнулъ, обнажилъ кинжалъ и на всемъ бѣшеномъ полетѣ коня моего метнулъ сталь въ первую кабардинку... Ударъ былъ такъ изумительно ловокъ и силенъ, что кинжалъ, впившись въ шапку, далеко ее подбросилъ на воздухъ. Мало этого: не давая одуматься изумленнымъ, на томъ же бѣшеномъ скаку, я поймалъ шапку, успѣлъ спрятать въ сафьянъ кинжалъ и сбить съ двухъ послѣднихъ шестовъ пистолетными выстрѣлами обѣ кабардинки.... Торжество мое было изумительно. Горцы съ воплемъ кинулись ко мнѣ... Сотни рукъ душили меня въ своихъ объятіяхъ и тащили съ сѣдла въ кружокъ изумленныхъ старшинъ.... Мой аталыкъ, осыпаемый похвалами стариковъ, просто безумствовалъ. Онъ цѣловалъ то меня, то мой кинжалъ, то моего коня, приговаривая: «Душка, джигитъ, ты, маленькій чертенокъ... джигитъ!»

8. Абрекъ.

Абрекъ—слово, изобрѣтенное кабардинцами, значитъ, *заклятый*. Въ жизни горца, какъ и въ жизни всякаго смертнаго, есть свои неудачи, несчастія и горе; но человѣкъ образованный, человѣкъ, проникнутый истиннымъ религіознымъ чувствомъ, умѣетъ выносить эти неудачи, прибѣгая или къ упованію и вѣрѣ, или къ разсудку. У горца же нѣтъ истинной вѣры, слѣдовательно, нѣтъ и опоры, которая бы въ минуту скорби могла врачевать боль его души и успокоить бури страстей. Мелкія несчастія, мелкія неудовольствія своей дикой жизни онъ презираетъ, онъ не понимаетъ ихъ; но горе ему и близкимъ его, если зло или несчастье перельется черезъ край его терпѣнія, тогда эта переполненная капля канетъ кровью!... Сначала онъ осудитъ и проклянетъ себя, потомъ осудитъ и проклянетъ людей. Тогда жизнь дѣлается для него эшафо-

томъ, на который онъ всходитъ для того, чтобы умереть, но умереть, свершивъ тьму отвратительныхъ злодѣйствъ и неистовствъ, — словомъ, онъ дѣлается *абрекомъ.* Въ самомъ дѣлѣ, никакое слово такъ рѣзко не высказываетъ назначеніе человѣка, разорвавшаго узы дружбы, кровнаго родства, даже молочнаго братства,—человѣка, отказавшагося отъ любви, чести, совѣсти, состраданія, словомъ, отъ всѣхъ чувствъ, которыя могутъ отличить человѣка отъ звѣря.... И абрекъ, по истинѣ, есть самый страшный звѣрь горъ — опасный для своихъ и чужихъ. Кровь—его стихія, кинжалъ—неразлучный другъ, самъ онъ—вѣрный и неизмѣнный слуга шайтана (чорта). Если вы завидѣли въ горахъ кабардинку, опушенную бѣлымъ шелкомъ шерсти горнаго козла, а изъ-подъ этихъ прядей шелка, раскинутыхъ вѣтромъ едва ли не по плечамъ наѣздника, мутный, окровавленный и безумно блуждающій взоръ—бѣгите отъ владѣтеля бѣлой кабардинки.... это абрекъ! Дитя ли, женщина ли, дряхлый ли, безсильный старикъ—ему все равно, была бы жертва, была бы жизнь, которую онъ можетъ отнять, хотя бы съ опастностію потерять свою собственную.... Жизнь, которою наслаждаются, для него смертная обида..... Любимое дѣло и удаль абрека—надвинувъ на глаза кабардинку, проскакать вихремъ подъ сотнею ружейныхъ или винтовочныхъ стволовъ и врѣзаться въ самую средину врага.....

9. Женщины въ Дагестанѣ.

У магометанскихъ жителей Дагестана взглядъ на женщину несравненно выше, чѣмъ у другихъ кавказскихъ горцевъ. Здѣсь женщины наряднѣе одѣваются и исполняютъ только нѣкоторыя полевыя работы, тогда какъ у другихъ горцевъ всѣ трудныя работы слагаются исключительно на женщинъ.

Костюмъ женщины средняго класса составляетъ широкія шальвары, преимущественно изъ пунцовой матеріи, обшитыя внизу бархатомъ съ золотыми цвѣточками. Сверхъ шальваръ

надѣвается рубашка изъ краснаго канауса; затѣмъ, зимою— архалукъ на ватѣ изъ атласа или другой шелковой матеріи, обшитый по оконечностямъ широкимъ галуномъ кавказскаго издѣлія,—лѣтомъ—архалукъ ситцевый, безъ ваты и галуновъ. На голову надѣвается ситцевый мѣшокъ *(чутка)* и сверхъ его бѣлый кисейный шелковый или тюлевый платокъ. Обувь состоитъ изъ обшитыхъ галуновъ или вышитыхъ серебромъ или золотомъ ботинокъ безъ подошвъ, на которые для выхода изъ дому надѣваются башмаки на подковкахъ. Нарядъ богатыхъ женщинъ отличается богатствомъ матеріи, а бѣдныя одѣваются, большею частію, въ ситецъ, предпочитая крупный узоръ и яркость красокъ. Щегольство женщинъ развилось недавно; старые люди помнятъ то время, когда онѣ одѣвались очень бѣдно, но сближеніе съ русскими сдѣлало то, что въ настоящее время въ Дагестанѣ существуютъ даже женскія моды.

Щегольство побрякушками и разными украшеніями въ большой модѣ у дагестанокъ. Огромныя изъ серебряной проволоки кольца съ шариками замѣняютъ у простолюдинокъ серьги, всѣ пальцы на рукахъ украшены множествомъ мѣдныхъ и серебряныхъ перстней съ сердоликомъ или малоцѣнными каменьями; на шеѣ дѣвушки носятъ бусы, стеклярусъ или нанизанную на шнурокъ гвоздику; кораллы и жемчугъ у нихъ въ большомъ почетѣ, а бѣлила и румяна — очень заманчивое косметическое средство. Впрочемъ, мода на нихъ начинаетъ исчезать.

Крашенье волосъ также въ большомъ употребленіи: *хна* окрашиваетъ волосы въ ярко-красный цвѣтъ, *ренгъ*, — въ черный, а смѣсь обоихъ придаютъ волосамъ каштановый. Для окрашиванія волосъ, хна или ренгъ разводится кислымъ молокомъ или уксусомъ; такимъ составомъ обмазываютъ волосы, завертывая ихъ въ древесные листья или бумагу и завязывая платкомъ на нѣсколько часовъ, иногда на всю ночь; послѣ чего, волосы, обмытые теплой водой, оказываются: черными, красными или каштановыми; краска удерживается до тѣхъ поръ, пока не отростутъ новые волосы.

Но самая трудная и чувствительная операція для женщинъ — очищеніе лица и всего тѣла отъ волосистаго пуха, который вырывается или двумя крѣпко-скрученными шелковинками или щипчиками. Брови у молодыхъ женщинъ также въ постоянной передѣлкѣ: онѣ то красятъ ихъ сюрьмою, то подравниваютъ, выщипывая лишніе волосы.

Въ большомъ употребленіи у дагестанокъ жеваніе бѣлой смолы, называемой *сакивъ*, и гвоздики, что очищаетъ зубы и придаетъ пріятный запахъ рту.

На обязанности женщинъ лежитъ все управленіе домашнимъ хозяйствомъ: присмотръ за домашнимъ скотомъ, птицами, стряпня и шитье мужскаго, женскаго и дѣтскаго платья. Между ними встрѣчаются отличныя мастерицы. Если вы отдадите дагестанкѣ сшить *чуху*, или архалукъ, она позоветъ нѣсколько подругъ, и, при ихъ помощи, въ короткое время исполнитъ заказъ; но, окончивши работу, она не отдастъ вамъ платья до тѣхъ поръ, пока, сложивъ аккуратно всѣ складки, не проспитъ на немъ ночи, замѣняя, вѣроятно, тяжестью своего тѣла прессъ или дѣйствіе утюга.

Обработка полей лежитъ на обязанности мужчинъ; женщины же принимаютъ участіе только въ жатвѣ, молотьбѣ и уборкѣ сѣна.

Для молотьбы кукурузы хозяинъ обыкновенно приглашаетъ къ себѣ на всю ночь гостей — молодыхъ дѣвушекъ и парней. Собраніе это называется *балкха*. Всю ночь напролетъ одни усердно молотятъ палками кукурузу, а другіе еще усерднѣе отплясываютъ, подъ звуки балалайки или гармоники, любимыхъ инструментовъ молодежи. Уставъ отъ работы и танцевъ собраніе слушаетъ пѣсни мужчинъ и женщинъ и занимается бесѣдою; хозяинъ, въ это время, угощаетъ гостей чѣмъ Богъ послалъ. Остроты и хохотъ заставляютъ собраніе забыть, что оно приглашено для довольно трудной работы.

Хлѣбъ на мельницы обыкновенно отвозится молодежью, отчего женщины очень любятъ посѣщать ихъ. Онѣ съ утра отправляютъ туда зерно, а затѣмъ идутъ и сами, навьюченные

дровами, запасомъ сухой пищи и съ сальной свѣчкой, потому что остаются на мельницѣ цѣлую ночь. Здѣсь обыкновенно заводятся знакомства, часто оканчивающіяся брачными союзами. Впрочемъ, знакомства молодыхъ людей также начинаются въ полѣ, около скирдовъ хлѣба или на улицѣ, когда дѣвушки, согнувшись подъ тяжестью мѣднаго или глинянаго кувшина, идутъ за водой.

Печки имѣютъ только нѣкоторые хозяева и ими пользуются также сосѣди. Около *курюки* (печки) собирается обыкновенно множество женщинъ, ожидающихъ своей очереди; онѣ приносятъ съ собою готовое тѣсто на деревянныхъ лопатахъ и нѣсколько полѣньевъ дровъ или хвороста. Изъ этого тѣста приготовляются очень вкусныя, сдобныя лепешки; а въ то время, какъ онѣ пекутся, происходитъ оживленная бесѣда женщинъ, новостямъ и сплетнямъ нѣтъ конца, такъ что около печки можно составить самую подробную сельскую хронику.

Промѣнъ фруктовъ на кукурузу, ячмень или пшеничную муку, въ Дагестанѣ происходитъ очень оригинальнымъ способомъ. Продавецъ, привезя на арбѣ свой товаръ и остановившись у кунака (пріятеля), за небольшое вознагражденіе высылаетъ двухъ—трехъ дѣвочекъ на крышу дома, съ которой онѣ кричатъ: «*гаджи будая, будая, арпага алма аланъ?*» (кто хочетъ промѣнять кукурузу, ячмень или пшеницу на яблоки?) По этому призыву юныхъ глашатаевъ, по дорогѣ къ дому кунака, отправляются десятки женщинъ совершать предлагаемый промѣнъ. Точно такимъ же образомъ происходитъ промѣнъ бузы и фасоли на пшеницу и кукурузу.

Обладая значительнымъ запасомъ пѣсень, приноровленныхъ къ различнымъ случаямъ, каковы пѣсни о ниспосланіи дождя, о его прекращеніи, поздравительныя и т. д., дѣвушки пользуются ими для выпрашиванія себѣ различныхъ подарковъ. Десятокъ молоденькихъ пѣвицъ, съ огромною деревянною лопатою, на которой грубо намалеваны углемъ, красною глиною или мѣломъ, лягушки, подходятъ къ воротамъ каждаго дома,

поочереди, и одна изъ дѣвушекъ побойчѣе запѣваетъ «Замъ, Замъ, нугеръ Замъ!» Остальные подхватываютъ припѣвъ.

Ой, Замъ, уръ алай!
Запѣвало: Кайну уланга не герекъ?
Хоръ: Ой, Замъ, уръ алай!
Челекъ, челекъ су чурекъ.
Ой, Замъ... и т. д.

Въ переводѣ это значитъ: Замъ (покровитель дождя) пастуху овецъ чего надо? Ой, Замъ, пріударь, пожалуйста! Ведро, ведро воды надо! Ой, Замъ, пріударь, пожалуйста, и т. д. Эта длинная пѣсня проситъ о дождѣ, но большая часть ея куплетовъ заключаетъ въ себѣ похвалы хозяину или хозяйкѣ дома: они сравниваются съ идеаломъ красоты, доброты и благородства; имъ, по смыслу пѣсни, слѣдуетъ носить порфиру и т. д., какъ будто качества хозяевъ могутъ вызвать дождь. Принявшій къ своимъ воротамъ дѣвушекъ обязанъ взойти на крышу съ кувшиномъ воды, вылить ее на головы пѣвицъ, а потомъ, по мѣрѣ возможности, надѣлить ихъ деньгами или подарками, въ родѣ куска парчи, ситца или чашки муки.

Заработывая деньги почти безъ всякаго труда, женщина въ Дагестанѣ съ малолѣтства привыкаетъ къ мотовству. Сколько бы ни было у ней денегъ, она, не зная цѣны имъ, сейчасъ же истратитъ все на лакомства и бездѣлушки. Неряшество также отличительное ихъ свойство: одѣньте сегодня женщину въ какія угодно дорогія матеріи, она завтра же явится вся въ грязи, пятнахъ и, въ добавокъ, еще разсердится, если сдѣлать ей за это замѣчаніе. Таскать не снимая новое платье до тѣхъ поръ, пока отъ него останутся однѣ тряпки — у нихъ постоянный обычай.

Кромѣ того, онѣ не отличаются особенной привязанностію ни къ мужу, ни къ родителямъ, ни къ дѣтямъ. Воспитаніемъ дѣтей вовсе не занимаются: дѣти цѣлый день бѣгаютъ по улицѣ безъ всякаго присмотра; надоѣлъ ребенокъ, мать бьетъ его по головѣ кулакомъ за проступокъ, который прежде оставался безнаказаннымъ.

10. Грузины.

По единогласному отзыву всѣхъ путешественниковъ, грузины принадлежатъ къ самымъ красивымъ народамъ и уступаютъ въ этомъ отношеніи только развѣ черкесамъ и грекамъ.

Мужчины отличаются высокимъ ростомъ, крѣпкимъ и стройнымъ тѣлосложеніемъ, а женщины обращаютъ на себя вниманіе благородными чертами физіономіи и прекрасными глазами. Жаль только, что онѣ уже слишкомъ заботятся о своей физіономіи и различными украшеніями дѣлаютъ изъ живыхъ лицъ безжизненныя маски, производящія довольно непріятное впечатлѣніе на каждаго внимательнаго наблюдателя. Румяна и бѣлила для грузинокъ составляютъ необходимую прикрасу не только лица, но даже шеи и рукъ. Кромѣ того, онѣ имѣютъ привычку чернить волосы и брови, дѣлая послѣднія шире обыкновеннаго и соединяя вмѣстѣ.

Одежда грузинъ удобна и красива. Она состоитъ изъ темнаго шелковаго архалука, перетянутаго серебрянымъ поясомъ, къ которому привѣшены шашка и кинжалъ. На голову, и лѣтомъ, и зимою, они надѣваютъ высокую, кверху съуженную шапку изъ бараньяго мѣха, а ноги обуваютъ въ красные сафьянные сапоги. Архалукъ составляетъ также и одежду женщинъ. Выходя изъ дому, онѣ сверхъ него набрасываютъ очень живописно бѣлую чадру, а на ноги надѣваютъ шелковые башмаки. Головной уборъ грузинокъ походитъ на корону. Волосы на лбу приглаживаются очень гладко, спускаются въ безпорядкѣ на плечи, а назади заплетаютъ въ три или четыре косички, которыя чѣмъ длиннѣе, тѣмъ красивѣе. Поэтому очень многія подвязываютъ чужія волосы.

Домы и прочія зданія въ Грузіи, до поселенія здѣсь русскихъ, не отличались ни правильностью, ни удобствомъ, ни красотою. Деревенскіе обитатели и до сихъ поръ живутъ въ деревянныхъ домикахъ, выстроенныхъ изъ тонкихъ досокъ, по-

крытыхъ соломенною крышею, безъ оконъ, безъ дверей и даже безъ пола. Кромѣ такихъ жилищъ, есть еще и другаго рода, такъ называемыя землянки. Эти землянки просто углубленія, вырытыя въ землѣ и внутри обложенныя деревомъ, а иногда и камнемъ. Крыша обыкновенно земляная и совершенно плоская; а въ срединѣ ея находится отверстіе, черезъ которое проходитъ свѣтъ и выходитъ дымъ. Понятно, что подобнаго рода хижины представляютъ еще менѣе удобства, и обитатели ихъ чаще страдаютъ отъ различныхъ болѣзней. Домы городскихъ жителей также не отличаются особеннымъ удобствомъ и опрятностію. Главное украшеніе домовъ зажиточныхъ людей состоитъ въ коврахъ, разостланныхъ по полу, и въ оружіи, развѣшанномъ по стѣнамъ. Вообще же надо замѣтить, что и богатые люди мало заботятся объ устройствѣ своихъ жилищъ. Причина такого невниманія, кажется, очень удобно можетъ быть объяснена неразвитостью у нихъ общественной жизни.

У бо́льшей части европейскихъ народовъ, гдѣ общественная жизнь достигла значительной степени развитія, страсть къ роскоши замѣтна преимущественно въ домахъ. Оно и понятно. Домъ каждаго европейца служитъ мѣстомъ собранія его друзей и знакомыхъ, передъ которыми не хотѣлось бы показаться неопрятными. Въ Грузіи и вообще на Востокѣ, гдѣ женщина исключена изъ общественной жизни, развитіе ея невозможно, и потому хозяинъ строитъ себѣ домъ вовсе не для пріема гостей, но для того только, чтобы было гдѣ переночевать, да укрыться отъ непогоды. Женщины большую часть времени проводятъ не въ домахъ, а на крышахъ. Лѣтомъ даже ночуютъ здѣсь. На крышахъ принимаются визиты, устраиваются праздники; однимъ словомъ, крыша замѣняетъ и гостиную, и пріемную, и залу. Зачѣмъ же послѣ этого тратиться и заботою и деньгами на внутреннее убранство домовъ?

Что касается до характера грузинъ, то въ этомъ отношеніи должно отличать городскихъ жителей отъ деревенскихъ. Жители Тифлиса, напримѣръ, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими и другими народами и, разумѣется, не могутъ не

поддаться ихъ вліянію. Впрочемъ, есть черты, общія всѣмъ грузинамъ, это—лѣность и безпечность, а также хвастовство въ разсказахъ, особенно если дѣло коснется ихъ подвиговъ храбрости. Этимъ качествомъ, впрочемъ, они могутъ гордиться по справедливости, такъ точно, какъ и многими другими, а именно: гостепріимствомъ, добросердечіемъ, любовью къ родинѣ и всегдашнею готовностью помочь въ нуждѣ своему собрату.

Въ семейной жизни грузинъ обращаютъ на себя вниманіе брачныя церемоніи. Родители или родственники жениха, выбравъ ему невѣсту, посылаютъ къ ней отъ его имени различные подарки, между которыми сахаръ занимаетъ первое мѣсто. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого назначается сговоръ. Отецъ невѣсты самъ встрѣчаетъ жениха и подаетъ ему шербетъ *), за что тотъ цѣлуетъ у него руку.

По совершеніи сговора, на которомъ всегда присутствуетъ священникъ, начинается угощеніе кофеемъ, чаемъ, плодами, шербетомъ и разными другими сластями. Во все это время женихъ обязанъ хранить глубокое молчаніе и имѣетъ право только выпить чашку кофе или чаю, но никакъ небольше. Послѣ сговора онъ пріобрѣтаетъ право посѣщать домъ своего будущаго тестя, но все же не можетъ видѣть своей невѣсты. Въ день свадьбы, рано утромъ, родители жениха посылаютъ невѣстѣ шубу, туфли, покрывало, вѣнокъ и двѣ головы сахару. Всѣ эти вещи относятся молодыми родственниками жениха и передаются священнику. Въ полдень, невѣста, одѣтая въ лучшія одежды, съ покрываломъ на лицѣ, отправляется въ церковь, гдѣ уже ждетъ ее женихъ. По совершеніи брачнаго обряда, молодые, въ сопровожденіи духовенства, медленною поступью возвращаются домой. При входѣ въ домъ, встрѣчаютъ ихъ родители молодаго и кладутъ въ ротъ невѣстѣ кусокъ сахару, говоря: «пусть ваша жизнь будетъ такъ сладка, какъ этотъ сахаръ». Затѣмъ молодые садятся на коверъ и прини-

*) Сладкій напитокъ, приготовленный изъ плодовъ.

маютъ поздравленія. Гости подходятъ къ нимъ поочереди, и каждый, высказавъ свои желанія, бросаетъ нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ въ сосудъ, поставленный подлѣ молодыхъ. Между тѣмъ начинаются танцы, въ которыхъ, впрочемъ, не принимаютъ участія ни женихъ, ни невѣста. Они должны сидѣть молча и почти безъ движенія. Въ концѣ пиршества, продолжающагося цѣлый день, священникъ беретъ у женихова дружки саблю, подходитъ къ невѣстѣ и приподнимаетъ ея покрывало. Теперь только молодой супругъ въ первый разъ видитъ свою подругу жизни. За этимъ гости приносятъ вторичныя поздравленія и дѣлаютъ подарки молодой четѣ, чѣмъ и оканчиваются брачныя церемоніи.

По прошествіи нѣкотораго времени, молодой вмѣстѣ съ супругою отправляется погостить къ ея родителямъ недѣли на двѣ — время, достаточное для того, чтобы доказать, живутъ ли они въ согласіи между собою, или нѣтъ. Въ первое время замужества грузинка должна вести себя какъ можно скромнѣе. Ей не позволяется даже говорить громко, и, только сдѣлавшись матерью, она имѣетъ право бесѣдовать съ своимъ свекромъ. Въ этомъ оригинальномъ обычаѣ проглядываетъ до нѣкоторой степени тотъ взглядъ, какой имѣютъ грузины на женщинъ. Онѣ вовсе не пользуются должнымъ уваженіямъ и хотя не подвергаются такому затворничеству, какому обречена женщина на Востокѣ, но все же большую часть времени проводятъ у себя дома и не имѣютъ права принимать участія въ общественныхъ удовольствіяхъ наравнѣ съ мужчинами.

Погребальные обряды грузинъ также отличаются нѣкоторыми особенностями. Плакать по умершемъ считается обязанностью, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Послѣднія, разумѣется, съ особеннымъ рвеніемъ исполняютъ эту обязанность и, для болѣе краснорѣчиваго выраженія печали, рвутъ на себѣ волосы и одежду, бьютъ себя въ грудь, испускаютъ раздирающіе вопли и стоны.

На другой день послѣ погребенія ближайшіе родственники посѣщаютъ могилу умершаго; на третій—мужчины принимаются

за исполненіе своихъ обязанностей, а женщины должны, по крайней мѣрѣ недѣлю, просидѣть дома съ распущенными волосами и съ покрытой головою. Грузины принадлежатъ къ православному вѣроисповѣданію, придерживаясь, впрочемъ, многихъ суевѣрныхъ обрядовъ. Между ними особенно интересны нѣкоторые. Такъ, напримѣръ, наканунѣ дня св. Георгія дѣвушки ѣдятъ и пьютъ какъ можно больше соленаго, надѣясь, что къ нимъ явится суженый и утолитъ жажду. Во время засухи имѣютъ обыкновеніе запрягать въ плугъ двѣнадцать женщинъ и пашутъ землю. Эта процессія предшествуется священникомъ, а женщины криками и воплями молятъ Бога о ниспосланіи дождя. Въ одномъ изъ округовъ Грузіи, на высокой горѣ, находится церковь, куда ежегодно, 15 августа, собираются всѣ бездѣтные. Мужъ приноситъ съ собою клубокъ нитокъ и, укрѣпивъ одинъ конецъ къ стѣнѣ, другой держитъ въ рукѣ и на колѣняхъ ползетъ вокругъ церкви. За нимъ слѣдуетъ жена. Можно было бы привести еще много подобныхъ смѣшныхъ обрядовъ, строго, впрочемъ, соблюдаемыхъ, но и этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, какъ сильно вкоренено суевѣріе въ описываемомъ нами народѣ.

11. Армяне.

Общее число армянъ, живущихъ въ Транскавказіи, простирается до 280,000. По наружности армяне принадлежатъ къ самымъ красивымъ народамъ. Всѣ они брюнеты, средняго роста, граціознаго и нѣжнаго тѣлосложенія. Что касается до характера, то въ этомъ отношеніи должно отличать поселянина, живущаго постоянно на своей родинѣ, отъ купца, странствующаго по всѣмъ городамъ Европы и Азіи, знающаго свое отечество только по имени. Впрочемъ, все недоброе, замѣчаемое въ характерѣ послѣдняго, привилось къ нему вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Армянинъ, живя постоянно среди чужихъ, непріязненныхъ, ненавидящихъ и даже презирающихъ

его народовъ, по необходимости долженъ былъ сдѣлаться скрытнымъ и недовѣрчивымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лживымъ человѣкомъ. Съ другой стороны, лишенный правъ къ занятію благородныхъ должностей, онъ пріобрѣтеніе золота сдѣлалъ главною цѣлью своей жизни и такимъ образомъ присоединилъ къ своему характеру еще одну непохвальную черту — корыстолюбіе.

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ представляется армянинъ-земледѣлецъ. Живя постоянно на родинѣ, онъ съ дѣтства привыкаетъ уважать патріархальные нравы своихъ предковъ, и своею честностію, гостепріимствомъ и многими другими похвальными качествами заслуживаетъ о себѣ самый благосклонный отзывъ со стороны каждаго безпристрастнаго путешественника.

Чтобы пріобрѣсть болѣе ясное и справедливое понятіе объ армянахъ, мы обратимъ вниманіе на ихъ семейную и общественную жизнь, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи они довольно рѣзко отличаются отъ разсмотрѣнныхъ нами народовъ.

Едва ли у какого-нибудь другаго народа семейная жизнь достигла такого полнаго развитія, какъ у армянъ. Все семейство, какъ бы оно ни было многочисленно, до тѣхъ поръ, пока живы отецъ и мать, живетъ непремѣнно вмѣстѣ. Нерѣдко можно встрѣтить семейства, состоящія изъ сорока и даже пятидесяти членовъ. Всѣ они повинуются одному — общему главѣ, то есть отцу, или вообще старшему, который заботится о благосостояніи всего дома и требуетъ того же самаго отъ каждаго члена семьи. Вслѣдствіе этого имѣніе никогда не раздѣляется между отдѣльными членами: каждый пользуется имъ наравнѣ съ прочими и не имѣетъ права пріобрѣтать что-нибудь лично для себя.

У сосѣднихъ народовъ дѣвушка находится постоянно подъ строгимъ присмотромъ родителей и не имѣетъ даже права голоса въ выборѣ себѣ супруга; у армянъ она пользуется полною свободою. Армянка довольно часто выходитъ изъ дома, не скрывая своей физіономіи подъ покрываломъ, и никто не думаетъ осуждать ее за разговоры съ посторонними и молодыми людьми, изъ которыхъ ни одинъ не позволитъ себѣ

нарушить законы приличія и нравственности. Впрочемъ, такою свободою армянка пользуется только до выхода замужъ. Вмѣстѣ съ правомъ назваться супругою, она набрасываетъ на себя покрывало и не можетъ снимать его даже у себя дома. Съ этихъ поръ ея уже не видно на улицѣ; даже въ церковь она является только два раза въ году: въ Свѣтлое Воскресенье и въ Рождество. Отношенія ея къ мужчинамъ также измѣняются. Ей не только не позволяется разговаривать съ посторонними, но даже съ близкими родственниками. Въ такомъ безмолвіи, освященномъ обычаемъ, живетъ молодая супруга до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается матерью. Тогда она получаетъ право разговаривать сперва только съ свекровью, потомъ съ матерью и, наконецъ, со всѣми членами семьи. На шестомъ же или седьмомъ году замужества она пріобрѣтаетъ еще бо́льшую свободу, хотя все ещё не имѣетъ права не только разговаривать съ посторонними мужчинами, но даже являться передъ ними безъ покрывала.

Между всѣми женщинами Кавказа положеніе армянки лучшее. Даже въ низшемъ классѣ народа она никогда не подвергается тяжелымъ работамъ; хозяйство находится въ полномъ ея распоряженіи; со стороны мужа она пользуется постоянною любовью и должнымъ уваженіемъ, а по смерти его становится главнымъ членомъ семьи, и ей всѣ повинуются безпрекословно.

Послѣ этой краткой замѣтки о семейной жизни армянъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію болѣе характеристическихъ особенностей. Между ними первое мѣсто занимаетъ религія.

Христіанское ученіе, начавшее распространяться въ Арменіи въ первые годы IV столѣтія, не сохранилось до нашего времени въ полной чистотѣ. Въ второй половинѣ V столѣтія армяне торжественно отреклись отъ греческой церкви и составили свою собственную. Главное отличіе, существующее между греческою и армянскою церквами, заключается въ слѣдующемъ: армяне видятъ въ Іисусѣ Христѣ только одну человѣческую природу, признаютъ Духа Святаго исходящимъ только отъ Отца и отвергаютъ вѣчныя мученія на томъ свѣтѣ.

Армяне, принявъ христіанство, сохранили даже до сихъ поръ нѣкоторые изъ древнихъ обрядовъ, представляющихъ смѣсь ученія Зороастра съ вѣрованіями греческой миѳологіи. Такъ, напримѣръ, и теперь ежегодно, въ день Срѣтенія Господня, они совершаютъ церемонію, устроиваемую также въ древности въ честь высочайшаго бога Мира *). Церемонія эта устраивается на площади передъ церковью или, въ случаѣ дурной погоды, въ самой церкви и состоитъ въ слѣдующемъ: въ огромную мѣдную вазу кладутъ вѣтви винограднаго и лавроваго деревьевъ, а также различныя хлѣбныя зерна, горсть ладана, столько же овечьей шерсти, различные цвѣты и все это зажигаютъ. Обязанность устроить этотъ жертвенникъ и поддерживать священный огонь возлагается, обыкновенно, на молодыхъ людей, женатыхъ не болѣе года. Когда всѣ необходимыя приготовленія кончены, епископъ, или главное духовное лице города, въ сопровожденіи духовенства и народа, отправляется на мѣсто, гдѣ поставлена священная ваза. Каждый изъ участвующихъ въ процессіи держитъ въ рукѣ незажженную восковую свѣчу. Прибывъ на мѣсто, священники поютъ религіозные гимны, приличные празднеству, потомъ берутъ у молодыхъ людей свѣчи и, зажегши ихъ священнымъ огнемъ, передаютъ опять по принадлежности. Между тѣмъ ваза пылаетъ, при постоянномъ пѣніи священниковъ. Наконецъ огонь потухъ, епископъ благословляетъ народъ и, въ сопровожденіи духовенства, возвращается домой. Оставшіеся въ церкви бросаются къ вазѣ и раздѣляютъ между собою пепелъ, сохраняемый какъ святыня.

Вторымъ божествомъ у древнихъ армянъ было солнце, почитаніе котораго замѣтно во многомъ даже теперь. Такъ, напримѣръ, армяне считаютъ несчастливымъ того, кто умретъ, не обративъ лица къ солнцу; мертвыхъ погребаютъ, большею

*) Миръ, что значитъ огонь, былъ главнымъ божествомъ древнихъ армянъ. Въ немъ они видѣли символъ огня, но не наружнаго, все истребляющаго, а внутренняго, духовнаго, источника человѣческой дѣятельности.

частію, при восходѣ солнца; въ молитвахъ обращаютъ глаза также къ солнцу; постель больнаго и гробъ покойника ставятъ обыкновенно на востокъ, и проч.

Кромѣ этихъ двухъ божествъ, древніе армяне признавали еще третье, извѣстное подъ именемъ Анахидъ. Этимъ именемъ они называли богиню мудрости и силы, зиждительницу и хранительницу народнаго благосостоянія, защитницу женщинъ и источникъ всякаго блага. Въ честь этой богини въ началѣ каждаго лѣта устраивался праздникъ, въ который всѣ храмы и статуи, посвященные благодѣтельницѣ, обвѣшивались розовыми вѣнками и гирляндами. По введеніи христіанства, это празднество было перенесено на день Преображенія Господня, что́ сохраняется и до сихъ поръ.

Духовенство армянское раздѣляется на три степени: первую степень составляютъ патріархи, архіепископы, епископы и священники, вторую — архидіаконы, діаконы и свѣщеносцы, и, наконецъ, третью — пѣвцы, чтецы и привратники. Эчміадзинскій патріархъ, имѣющій титулъ католикоса, признается главою духовенства. Ему одному предоставляется право приготовлять муро, употребляемое при нѣкоторыхъ таинствахъ; онъ назначаетъ епископовъ, управляетъ всѣми церковными дѣлами и рѣшаетъ споры между духовными лицами. Помощниками ему служатъ члены эчміадзинскаго сvнода. Въ прежнее время, когда Арменія управлялась своими царями, въ избраніи патріарха принималъ участіе весь народъ.

Теперь же это устраивается такимъ порядкомъ: по смерти патріарха, эчміадзинскій сvнодъ разсылаетъ извѣстіе объ этомъ по всѣмъ армянскимъ епархіямъ и предписываетъ къ назначенному времени прислать въ Эчміадзинъ двухъ духовныхъ и одного свѣтскаго для подачи голоса въ избраніи новаго патріарха, или сообщить свое мнѣніе письменно. По прибытіи всѣхъ депутатовъ, устраивается собраніе въ соборѣ, и здѣсь выбирается новый католикосъ, окончательное утвержденіе котораго, однако, зависитъ отъ Россійскаго Императора.

Патріархи, архіепископы и епископы выбираются только изъ монашествующаго сословія; на занятіе же прочихъ духовныхъ должностей имѣютъ право міряне, утверждаемые въ своемъ санѣ благословеніемъ епископа. Каждая деревня имѣетъ одного, а иногда трехъ и даже четырехъ священниковъ. Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что армянскіе деревенскіе священники, большею частію, люди грубые и необразованные. Причина этого заключается въ томъ, что они не приготовляются заранѣе къ этому высокому сану и, принимая его на себя совершенно случайно, почти вовсе не подвергаются экзамену. Отъ каждаго желающаго занять мѣсто священника требуется только знаніе религіозныхъ обрядовъ и умѣнье ихъ совершать. Въ продолженіе сорока дней послѣ посвященія священникъ подвергается довольно строгому посту, а потомъ приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей, которыя состоятъ, разумѣется, въ отправленіи церковнаго богослуженія и въ произнесеніи проповѣдей.

Внутреннимъ устройствомъ Арменія также рѣзко отличается отъ сосѣднихъ съ нею областей. Различіе между сословіями въ Арменіи дѣло небывалое. Деревенскій житель, напримѣръ, пользуется точно такими же правами, какъ и городской, и вся разница между ними заключается только въ томъ, что первый занимается земледѣліемъ, а второй—ремеслами и торговлею. Есть, впрочемъ, нѣсколько фамилій, пользующихся особеннымъ почетомъ и свободныхъ отъ податей. Этимъ фамиліямъ въ прежнее время поручалось управленіе деревнями и областями, впрочемъ, безъ права власти надъ поселенцами ввѣренныхъ имъ округовъ. Крѣпостнаго права, въ магометанскихъ государствахъ освященнаго кораномъ, въ Арменіи никогда не существовало. Кромѣ этихъ почетныхъ фамилій, у армянъ было еще одно, высшее правительственное лице, имѣвшее постоянное мѣстопребываніе въ Эривани и до сихъ поръ сохранившее нѣкоторое вліяніе. Этотъ верховный властитель, или, какъ его называютъ, Меликъ, имѣлъ значительное вліяніе на правителей отдѣльныхъ округовъ, и даже, въ первое время персидскаго

владычества въ Арменіи, ему одному предоставлялось право судить за уголовныя преступленія и назначать различнаго рода наказанія, за исключеніемъ только смертной казни, опредѣленіе которой предоставлялось ханскому намѣстнику. Впослѣдствіи власть этихъ намѣстниковъ пріобрѣла большую силу и скоро сдѣлалась неограниченною, къ общему несчастію народа. Они обязанны были выставлять, въ случаѣ надобности, опредѣленное число воиновъ, платить хану извѣстную дань, и выбирались обыкновенно на неопредѣленное время; но, имѣя въ виду не устройство благосостоянія страны, имъ ввѣренной, а только собственное обогащеніе, грабили бѣдный народъ. Тягость владычества этихъ намѣстниковъ увеличивалась еще болѣе тѣмъ, что они имѣли у себя помощниковъ столь же недобросовѣстныхъ, какъ сами. Этимъ послѣднимъ обыкновенно поручался сборъ податей. Въ опредѣленное время они являлись въ деревню и жили тамъ по три и по четыре мѣсяца. Во все это время жители обязаны были содержать ихъ съ многочисленною дворнею на свой счетъ. Каждое утро слуги сборщика податей, вооруженные хлыстами, отправлялись по деревнѣ и требовали у жителей различныхъ съѣстныхъ припасовъ. Въ случаѣ отказа или нескораго исполненія требованія, виновные, безъ всякаго различія пола и возраста, подвергались побоямъ. Такъ вели себя слуги, а господинъ ихъ былъ, разумѣется, еще жесточе. При появленіи его на улицѣ, всѣ разбѣгались, какъ отъ заразы, зная, что малѣйшее неудовольствіе намѣстника обрушится на перваго встрѣтившагося, и этому несчастному, пожалуй, придется поплатиться жизнію.

Подати, наложенныя на армянъ персидскимъ шахомъ, были вначалѣ незначительны. Каждая довольно многолюдная деревня обязывалась заплатить деньгами отъ 75 до 100 р. сер. и отдать десятую часть вымолоченнаго хлѣба. Впослѣдствіи же, во время намѣстниковъ, требованія увеличивались съ каждымъ годомъ и довели многихъ жителей до окончательнаго разоренія. Когда транскавказская Арменія вошла въ составъ русскихъ владѣній, то подати, разумѣется, были значительно уменьшены,

и бѣдные жители вздохнули свободнѣе. Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о языкѣ армянъ и ихъ литературѣ.

Армянскій языкъ раздѣляется на древній и новый или народный. Изученіе древняго языка соединяется съ страшными трудностями и едва ли можетъ быть покончено въ продолженіе десяти лѣтъ.

Вслѣдствіе этого каждый гордится знаніемъ древняго языка, и даже въ народѣ замѣтно къ нему особенное уваженіе. Такъ, народъ требуетъ, чтобы его священники писали и говорили проповѣди не иначе, какъ на древнемъ языкѣ, который, впрочемъ, въ настоящее время только и сохранился въ церкви. Главное отличіе древняго армянскаго языка отъ новаго заключается въ томъ, что онъ богаче грамматическими формами и выраженіями (въ древнемъ — склоненія, въ новомъ — частицы). Народный армянскій языкъ раздѣляется на нѣсколько нарѣчій, отличающихся между собою только тѣмъ, что въ одномъ болѣе турецкихъ словъ, въ другомъ персидскихъ, въ третьемъ татарскихъ, и т. д.

Въ древнія, языческія времена армяне не имѣли письменности и даже въ первое столѣтіе послѣ принятія христіанской религіи богослуженіе отправляли на сирійскомъ языкѣ, а въ письменности употребляли греческую азбуку. Въ началѣ V столѣтія (406 г.) св. Месропъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей Арменіи, изобрѣлъ алфавитъ, и только съ этого времени явилась у армянъ письменная литература. Она началась, разумѣется, переводомъ Библіи. V и VI столѣтія были самымъ богатымъ періодомъ армянской литературы, ограничивающейся, впрочемъ, бо́льшею частью, переводами разныхъ сочиненій богословскаго и философскаго содержанія. Къ этому времени относится также начало народной поэзіи. До сихъ поръ еще у армянъ существуетъ особый классъ пѣвцовъ, напоминающихъ нѣмецкихъ мейстерзингеровъ. Въ каждой деревнѣ непремѣнно можно найти хоть одного слѣпца, потѣшающаго народъ своими пѣснями и разсказами и пользующагося общимъ уваженіемъ.

Эти пѣвцы не остаются постоянно на одномъ мѣстѣ, но странствуютъ по всей Арменіи, и появляются также въ Персіи и Турціи. Если случится двумъ такимъ пѣвцамъ сойтись вмѣстѣ, то между ними непремѣнно устраивается состязаніе, къ общей радости народа. Тутъ-то вдоволь можно наслышаться и вдохновенныхъ пѣсень, и занимательныхъ разсказовъ. Въ день, назначенный для поединка, народъ собирается на открытое мѣсто. Для пѣвцовъ устроено подъ деревьями два возвышенія, одно противъ другаго. Собравшіеся сгараютъ нетерпѣніемъ увидѣть знаменитости; вотъ появились они на своихъ мѣстахъ — все смолкло. Слышится голосъ одного пѣвца, его смѣняетъ пѣсня другаго, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ нихъ не откажется отъ заданной темы. Тогда народъ единогласно провозглашаетъ имя побѣдителя, а онъ, поддерживаемый приближенными, идетъ къ побѣжденному, беретъ у него цитру и разбиваетъ ее въ дребезги. Исчезла слава знаменитаго до сихъ поръ пѣвца, и нѣтъ ему надежды на почетъ и уваженіе народа. Иногда случается сходиться пѣвцамъ равносильнымъ и по искусству, и по изобрѣтательности. Тогда вызвавшій на состязаніе, потерявъ надежду побѣдить своего соперника, начинаетъ выхвалять его въ пѣсняхъ, разсыпается въ похвалахъ, сравниваетъ его съ лучшими поэтами, а тотъ отвѣчаетъ тѣмъ же. Народъ ликуетъ и устраиваетъ праздники въ честь знаменитыхъ пѣвцовъ.

Языкъ пѣсень и разсказовъ армянскихъ народныхъ поэтовъ обыкновенно татарскій, одинаково понятный какъ въ Арменіи, такъ въ Турціи и Персіи. Напѣвъ не очень пріятенъ для европейскаго образованнаго уха. Каждый куплетъ пѣсни начинается однообразными, протяжными носовыми звуками; ихъ смѣняютъ быстрые рулады, оканчивающіяся оглушительными вскрикиваніями. Содержаніе пѣсень, большею частію, сказочное. Для примѣра мы приводимъ здѣсь слѣдующую легенду: «Когда-то, въ одномъ мѣстечкѣ Арменіи жилъ священникъ, отецъ единственной дочери, по имени Азли. Въ его домѣ воспитывался также татарскій князь, Кіарамъ. Азли и Кіарамъ растутъ вмѣстѣ,

привыкают другъ къ другу, и наконецъ, влюбляются. Отецъ съ ужасомъ узнаетъ о привязанности своей дочери, христіанки, къ мусульманину, и боясь, чтобы она не измѣнила своей религіи, рѣшается удалиться въ горы. Молодой влюбленный князь узнаетъ объ этомъ намѣреніи, когда оно уже приведено въ исполненіе. Пораженный невыразимою грустью о потерѣ любимаго существа, онъ рѣшается, во что бы ни стало, отыскать пропавшую и, переодѣвшись въ одежду странствующаго пѣвца, отправляется на поиски. Долго блуждаетъ онъ по горамъ, лѣсамъ и долинамъ — и все напрасно. Наконецъ судьба сжалилась надъ несчастнымъ, и онъ находитъ Азли. Велика была радость свидѣвшихся послѣ долгой разлуки, тѣмъ болѣе потому, что отца уже не было въ живыхъ, а значитъ, не было и препятствій къ союзу любящихъ сердецъ. Такъ казалось влюбленнымъ, но вышло иначе. Отецъ Азли, не хотѣвшій при жизни видѣть свою дочь за мусульманиномъ и боясь, чтобы этого не случилось послѣ его смерти, окуталъ ее въ волшебный плащъ, застегнутый снизу до верху на пуговицы. Снять эту волшебную одежду не было никакой возможности: каждая разстегнутая пуговица застегивалась тотчасъ же сама собою. Азли не могла по этому выйдти изъ своего уединеннаго мѣстожительства; на и Кіарамъ не хотѣлъ покинуть ее. Недолго, впрочемъ, томились злополучные въ пустынѣ. Съ каждымъ днемъ ослабѣвали ихъ силы, и наконецъ Кіарамъ и Азли покинули землю. На ихъ могилѣ до сихъ поръ цвѣтутъ постоянно двѣ розы. Онѣ наклоняются другъ къ другъ, какъ будто хотятъ соединиться въ одну, но ихъ раздѣляетъ терновникъ. Двѣ розы — это Кіарамъ и Азли, а терновникъ — религія, не допускающая незаконнаго союза.»

12. Огнепоклонники.

Между многими отдѣльными округами, на которые раздѣляется юго-восточная часть Кавказа, Баку заслуживаетъ осо-

беннаго вниманія, какъ главное мѣстослуженіе огнепоклонниковъ. Огнепоклонники, или парсы, суть потомки древнихъ персовъ, принужденныхъ, въ 641 году по Р. Х., переселиться въ Индію. Парсы принадлежатъ къ послѣдователямъ Зороастровой религіи. Они обожаютъ небесныя свѣтила; но главный предметъ ихъ почитанія составляетъ огонь, вѣчно поддерживаемый не только въ ихъ храмахъ, но даже въ частныхъ домахъ всѣхъ зажиточныхъ людей. Обожаніе этой стихіи доходитъ у нихъ до того, что они никогда не выдуваютъ огня, боясь осквернить его своимъ дыханіемъ. Парсы вѣрятъ также въ Высочайшее Существо, создавшее видимый міръ, и также признаютъ будущую жизнь, гдѣ каждый получитъ должное вознагражденіе за свои земныя дѣла. Въ небесныхъ свѣтилахъ и въ огнѣ, по ихъ понятію, выражается бытіе и всеоживляющая благодѣтельная сила Высочайшаго Существа.

Лѣтосчисленіе парсовъ начинается съ 641 года по Р. Х. Годъ дѣлится на 12 мѣсяцевъ, и каждый содержитъ въ себѣ 30 дней, исключая только послѣдняго, на который приходится 35. 120-й годъ бываетъ високоснымъ и содержитъ въ себѣ не 12, а 13 мѣсяцевъ. Семь дней сотворенія міра парсы освящаютъ ежегодно семью праздниками, изъ которыхъ каждый продолжается пять дней.

Обожая небесныя свѣтила, они вѣрятъ въ астрологію и потому никогда не предпринимаютъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись напередъ со звѣздами. Отъ послѣдователей магометанской религіи парсы отличаются тѣмъ, что не допускаютъ многоженства и не считаютъ за грѣхъ употребленія горячихъ напитковъ. Покойниковъ своихъ они не зарываютъ въ землю и не сожигаютъ, какъ индѣйцы, а выставляютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ: оставшіяся кости собираютъ потомъ и сохраняютъ въ сухомъ мѣстѣ.

Въ 17 верстахъ къ сѣверу отъ Баку расположено мѣстечко Атешъ-дя, что значитъ огненная земля, — главная святыня всѣхъ огнепоклонниковъ. Здѣсь выстроена большая стѣна съ четырьмя высокими трубами, черезъ которыя постоянно выхо-

дитъ подземный огонь *). Въ срединѣ обширнаго двора, расположеннаго внутри стѣны, находится что-то въ родѣ храма. На довольно высокомъ пьедесталѣ поставлено четыре четыреугольные столба. Каждый изъ нихъ имѣетъ въ вышину болѣе сажени, а въ поперечникѣ около полутора аршина. Эти столбы, внутри пустые, служатъ проводниками подземнаго газа и вверху покрыты куполомъ. Сюда-то по временамъ сбираются почитатели огня для торжественнаго отправленія богослуженія. Церемонія начинается колокольнымъ звономъ. За нимъ слѣдуетъ громкое моленіе вѣрующихъ, сопровождаемое различными жестами и тѣлодвиженіями, и оканчивается тѣмъ, что всѣ присутствующіе бросаются на землю, и высшее духовное лице опрыскиваетъ ихъ освященною водою.

Примѣчаніе. Статьи: Черкесы, Грузины, Армяне и Огнепоклонники извлечены изъ статей Лядова, помѣщенныхъ въ «Разсвѣтѣ».

13. Пятигорскъ.

Дорога изъ Ставрополя въ Пятигорскъ идетъ сначала степью, потомъ между высокими, обнаженными холмами. Дорога тяжелая, скучная, однообразная и печальная. Верстахъ въ сорока за Ставрополемъ начинаются аулы ногайцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ расположены вблизи дороги, но жители ихъ прячутъ сакли свои за холмы и только изрѣдка дымъ, поднимающійся изъ-за горы, даетъ знать о близости жилищъ туземцевъ. На встрѣчу начинаютъ чаще попадаться двухколесныя арбы ногайцевъ и кабардинцевъ, съ сѣномъ, дровами и казеннымъ провіантомъ. Скрипъ и визгъ ихъ колесъ слышенъ

---

*) Такое замѣчательное физическое явленіе принадлежитъ не только описываемой нами мѣстности, но и всѣмъ окрестностямъ Баку; черезъ щели и отверстія, сдѣланныя въ землѣ, выходитъ постоянно водородный газъ. Онъ не имѣетъ никакого запаха и гораздо легче атмосфернаго воздуха для вдыханія. Самъ по себѣ газъ никогда не воспламеняется, но, если его зажгутъ, горитъ постоянно, распространяя сильный жаръ на большое пространство.

версты за двѣ; между кавказскими жителями существуетъ убѣжденіе, будто скрипучія колеса доказываютъ доброту и честность того, кто на нихъ ѣдетъ.

За Александровскою станціею въ первый разъ глазамъ путешественника является горная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, какъ бы нарисованная на синевѣ горизонта. Вскорѣ ясно начинаетъ выдѣляться изъ цѣпи отдѣльно разбросанное пятигорье: сначала величественный Беш-тау, въ видѣ трехъ примкнутыхъ одинъ къ другому конусовъ, изъ которыхъ средній больше и шире двухъ остальныхъ. Вслѣдъ затѣмъ показываются и остальныя четыре горы Змѣиная, Машукъ, Желѣзная или Верблюжья и Лысая.

Наконецъ, вотъ и подошва Машука, подъ которою извивается рѣка Подкумокъ. Дорога приводитъ къ заставѣ и продолжается по широкой, прямой улицѣ, обставленной довольно плохими домами, между которыми есть однако нѣсколько большихъ каменныхъ строеній. Справа отъ улицы, на горѣ, оборонительныя казармы и надъ одной изъ нихъ большой шестъ съ флагомъ, показывающій, что курсъ леченія уже начался. Это еще слободка — предмѣстье Пятигорска, а за ней, на южной покатости Машука, и самый городъ.

Пятигорскъ небольшой, но очень красивый городокъ, съ правильными, прямыми и широкими улицами и превосходнымъ мѣстоположеніемъ. На югъ отъ него виднѣется снѣговая цѣпь горъ и величественный Эльборусъ; на краю холмистой, зеленой степи, начинающейся за городомъ, по широкому руслу, извивается Подкумокъ, правѣе луговая дорога на щелочныя воды и Беш-тау; надъ головой—усѣянный разнообразными купами кустарника и мелкаго лѣса, Машукъ. Разнообразіе породъ этого кустарника, превосходный воздухъ, прохлада въ тѣни дубовъ, акацій и розъ, въ самый знойный день дѣлаютъ прогулку по Машуку чрезвычайно пріятною. Въ городѣ ручьи минеральной воды текутъ возлѣ самыхъ домовъ. Бульваръ тянется на версту по главной улицѣ и пестрѣетъ проходящими.

Въ пять часовъ утра весь Пятигорскъ уже проснулся и въ движеніи. Длинная вереница больныхъ, дамъ и мужчинъ,

худыхъ, толстыхъ, хромыхъ, безногихъ, поддерживаемыхъ лакеями, медленно тянется по аллеѣ въ гору мимо хорошенькихъ цвѣтниковъ, къ источникамъ. Прохладная свѣжесть утра, золотистые лучи солнца, яркая зелень кустовъ, красиво раскинувшихся, пестрыя пары, мелькающія по зигзагамъ дорожекъ и снѣжная цѣпь кавказскихъ горъ, рисующаяся на югѣ, на рубежѣ зеленой степи, дѣлаютъ эту картину великолѣпною. Народъ толпится на базарѣ и улицахъ. Раскрываются лавки съ азіятскими товарами, въ окнахъ блестятъ шашки, кинжалы, сѣдла, обложенныя серебромъ, конская сбруя; у дверей развѣшаны ковры; на вывѣскѣ персіянинъ и персіянка приглашаютъ покупателей въ лавку своего хозяина. Тутъ же, рядомъ съ азіятскими, и русскій купчикъ, поглаживая бородку, продаетъ свои товары, относительно довольно недорогіе.

Бульваръ ведетъ къ Елисаветинской ваннѣ и источнику, преимущественно посѣщаемому больными; на тумбахъ его въ извѣстныхъ мѣстахъ основали свои пристанища: продавецъ чубуковъ изъ Тифлиса, далѣе старикъ съ клюками и костылями, черешневыми, розовыми, кизиловыми, виноградными и другими палками, усердно раскупаемыми здѣсь больными, ранеными и увѣчными; тамъ ногаецъ съ двумя или тремя черкесскими шапками на головѣ, съ уздечками и плетьми въ рукахъ и съ буркою на плечахъ, неутомимо расхаживаетъ взадъ и впередъ по бульвару, высматривая покупателей. Кабардинецъ показываетъ военной публикѣ пистолетъ, увѣряя, что стволъ его самый старый, какъ будто міръ потерялъ секретъ дѣлать хорошіе пистолетные стволы; другіе наѣздники кабарды джигитуютъ мимо бульвара, соблазняя охотниковъ до лошадей своими проворными конями. Подъ тѣнью липъ, на травѣ, сидитъ старикъ ногаецъ, поетъ и наигрываетъ, для желающихъ, свои національныя пѣсни, заставляя подъ монотонную и пискливую музыку своего инструмента плясать на досчечкѣ козу съ золотой бородкой. Вѣрныя своему характеру цыганки предлагаютъ свои услуги поворожить и сулятъ *таланъ* и счастье, жениха, невѣсту, деньги и генеральскій чинъ.

Бульваръ, въ нравственномъ отношеніи, есть центръ города, средоточіе и сборное мѣсто всей публики. На бульваръ, послѣ тяжелаго дня, проведеннаго въ питьѣ сѣрныхъ водъ, ѣздѣ и ходьбѣ къ источникамъ, спѣшатъ больные отдохнуть, послушать военной музыки, которая здѣсь ежедневно играетъ, и поболтать съ знакомыми. Здѣсь они уже не больные, принужденные исполнять предписанія доктора, а просто люди, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Поэтому-то бульваръ и есть сердце и душа Пятигорска, его вѣче, форумъ. На бульварѣ заводятся разговоры, составляются знакомства, высказываются мнѣнія, произносится судъ и заключенія о дѣлахъ, докторахъ и пріѣзжихъ. Здѣсь же, на форумѣ, составляются проекты гуляній, катаній, пикниковъ и баловъ, прибиваются афиши и объявленія отъ театральной дирекціи, акробатовъ и фокусниковъ. На бульваръ спѣшитъ любитель газетъ сообщить знакомымъ прочитанныя извѣстія о Европѣ и Петербургѣ, торопится молодой человѣкъ въ новомъ черкесскомъ костюмѣ, чтобы произвести имъ эффектъ и свѣтская дама щегольнуть своимъ петербургскимъ нарядомъ. Есть любители бульварной жизни, которые сходятъ съ бульвара только обѣдать и ночевать, такъ называемые дежурные бульварные, которые лечатся моціономъ и чистымъ воздухомъ. Короче сказать, нигдѣ почти нѣтъ столько жизни, движенія и дѣятельности, нигдѣ не увидишь столько занимательнаго въ разныхъ отношеніяхъ, не услышишь столько забавныхъ анекдотовъ, сплетней, не встрѣтишь такихъ разнообразныхъ мнѣній, сужденій и предположеній, какъ на этомъ бульварѣ.

У начала бульвара биржа извощиковъ, а за нею, подъ горой, базаръ. Базаръ въ нѣкоторомъ отношеніи любопытенъ не меньше бульвара, особенно въ тѣ дни, когда собирается на немъ еженедѣльный большой рынокъ. На него спѣшитъ житель ближайшей станицы и аула съ произведеніями своего хозяйства и колонистъ въ костюмѣ космополита, состоящемъ изъ куртки, сапоговъ до колѣнъ и черкесской шапки, къ которой вовсе не идутъ длинные, до затылка висящіе волосы. Ря-

домъ съ нимъ, въ тѣни длинной фуршпанки, помѣстилась его супруга, въ узенькой юпочкѣ и соломенной шляпкѣ, очень напоминающей крышу; вокругъ фуршпанки разложены: листовой табакъ, зелень, чухонское масло и связанные по-парно, какъ преступники, голландскіе цыплята. Тамъ и казачки съ молокомъ, творогомъ и хлѣбами; ногаецъ съ арбою, наполненною ягнятами, казаки съ сѣномъ, и прочій людъ, какъ бы по обязанности, непремѣнно являющійся на каждую ярмарку здѣшнихъ городовъ и станицъ.

За городомъ находится казенный садъ (садовая школа), который можетъ продовольствовать плодами и зеленью посѣтителей въ продолженіе цѣлаго лѣта. Жителю Россіи любопытно побывать въ этомъ саду, гдѣ растутъ деревья и цвѣты, свойственные климату Кавказской области, какъ напримѣръ: разныя породы розъ, винограда, жасмина, черешня, кизиль, шелковица, бѣлая и желтая акаціи, равняющіяся здѣсь высотою съ дубомъ и проч.

Заговоривъ объ особенностяхъ Пятигорска, необходимо сказать и о знаменитомъ большомъ провалѣ, который дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе. Онъ отстоитъ отъ центра города не болѣе какъ на полторы версты. Дорога къ нему идетъ по южному скату Машука, вдоль бульвара и Елисаветинскаго цвѣтника. Едва вы перешагнули черезъ ограду парка, сложенную, какъ и большая часть заборовъ въ Пятигорскѣ, изъ камней безъ всякаго цемента, какъ мѣстность дѣлается пустынною. Дорога змѣйкой вьется между рѣдкимъ кустарникомъ, отклоняясь все болѣе и болѣе влѣво, къ крутому скату горы, вершина которой, въ видѣ шатра, возвышается слѣва, а справа идетъ невысокій хребетъ туфяныхъ скалъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ кустарникъ становится все гуще и гуще. Здѣсь же растетъ и низкорослый лѣсъ, до того густой, что съ нѣкоторой высоты представляется въ видѣ сплошной зеленой массы. Вслѣдствіе этой густоты, всѣ деревья снизу у корней кажутся вовсе лишенными жизни, даже травка едва пробивается, вся же растительная сила сосредоточена въ верхнихъ оконечностяхъ. По-

этому, внизу у корня, подъ защитою густыхъ вѣтвей, и темно, и сыро, и прохладно; вверху же и свѣтло, и жарко. Нерѣдко термометръ, близъ корней кустарника, показываетъ 12° Р. и, въ то же самое время, на нѣкоторой высотѣ, особенно вблизи голыхъ скалъ, 37° Р.

Наконецъ вдали, изъ-за кустарника, показывается верхній край осыпи и ясно чувствуется запахъ сѣро-водороднаго газа. Неожиданно выходишь на площадку въ нѣсколько саженъ длины и ширины. Вправо она круто обрывается въ оврагъ, влѣво виднѣется верхнее устье провала; тутъ невольно замедляешь шагъ и осторожно приближаешься къ краю бездны. Нужно имѣть очень крѣпкіе нервы, привычку матроса или столичнаго кровельщика домовъ, чтобы безъ содроганія, не боясь головокруженія, очень опаснаго въ этомъ случаѣ, заглянуть въ зіяющую пасть провала, обрывающуюся внизъ почти вертикально. Немногіе рѣшаются взойти и на мостикъ, который устроенъ на краю бездны, со стороны площадки. Отсюда провалъ представляется во всемъ своемъ ужасающемъ величіи. Внутри онъ имѣетъ видъ цилиндра, до восьми саженъ въ діаметрѣ и до 12 саж. глубиною. Большая половина видимаго дна провала занята островомъ, который съ трехъ сторонъ окруженъ водою, образующею два бассейна,—меньшій влѣво, большій вправо. Бассейны соединены узкимъ проливомъ, лежащимъ у основанія стѣны, противоположной той, гдѣ находится мостикъ. Часть дна, лежащую прямо подъ мостикомъ, разсмотрѣть нельзя,—она закрывается скалистымъ выступомъ. На днѣ провала все тихо, оттуда слышится только воркованіе голубей, да изрѣдка доносится едва слышное шипѣніе газа. Тѣмъ поразительнѣе кажется шумъ, когда камень случайно упадетъ сверху. Раздается сухой плескъ воды и шипѣніе газа; голуби, которые колоніями живутъ въ рассѣлинахъ отвѣсныхъ скалъ провала, въ испугѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ, начинаютъ тревожно летать взадъ и впередъ и, не смѣя подняться вверхъ, бьются о скалы. Тяжкое хлопанье ихъ крыльевъ, отражаясь отъ скалъ, доносится въ видѣ глухаго подземнаго гула. По обыкновенію, эта тревога

продолжается недолго: пернатые обитатели провала вскорѣ успокоиваются, разсаживаются по своимъ мѣстамъ и снова наступаетъ грозная тишина.

Впрочемъ, голуби не единственные обитатели провала: летучія мыши въ невѣроятномъ множествѣ живутъ тутъ же. Голуби занимаютъ свѣтлыя стѣны провала, а мыши сплошными массами и гирляндами унизываютъ противоположныя, закрытыя отъ свѣта скалистымъ сводомъ. Тѣ и другіе, повидимому, живутъ между собою мирно и никогда не переступаютъ границъ своихъ владѣній. Противоположность въ мѣстопребываніи выражается такою же противоположностью въ ихъ образѣ жизни. Рано утромъ летучія мыши стаями возвращаются въ провалъ, убѣгая солнечнаго свѣта; на встрѣчу имъ вылетаютъ голуби; вечеромъ, когда голуби садятся въ гнѣзда, невзрачные сосѣди ихъ только что просыпаются и готовятся къ отправленію на добычу.

Пятигорскъ самое важное лечебное мѣсто въ Россіи, и ни въ одномъ изъ нашихъ городовъ не бываетъ такого стеченія больныхъ, какъ здѣсь. Со всѣхъ концевъ Россіи, больные, потерявшіе надежду вылечиться аптечными средствами, военные раненые, потерявшіе здоровье на службѣ, привозимые изъ окрестныхъ госпиталей, даже жители отдаленныхъ ауловъ и станицъ — ногайцы, армяне, калмыки, казаки, всѣ стекаются на лѣто въ Пятигорскъ, съ надеждою на цѣлительныя воды, находящіяся какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ.

Сѣрные источники, находящіеся въ Пятигорскѣ, вытекаютъ изъ горы Машука, съ высоты 32—57 саж. надъ поверхностью Подкумка. Всѣхъ источниковъ болѣе 15-ти. Почти всѣ они обильны водою, и разстояніе между крайними изъ нихъ не болѣе 2-хъ верстъ *). Одни источники употребляются исклю-

*) Названія ихъ слѣдующія: Александровскій, Ермоловскій, Николаевскій старый, Николаевскій новый, Елисаветинскій или кисло-сѣрный, Михайловскій или сѣрно-соленый, два источника Варваціевскихъ ваннъ, Константиновскій, бассейнъ сѣрно-кислой воды въ провалѣ, введенный въ употребленіе посредствомъ туннеля, и друг.

чительно для питья, другія для ваннъ, а нѣкоторые для того и другаго.

Всѣ сѣрные источники имѣютъ почти одинаковый составъ, но температура воды въ каждомъ источникѣ особая, (между 24° и 37° Р.); осенью и зимою теплота въ нихъ уменьшается на одинъ, два градуса, а весною опять начинаетъ увеличиваться, исключая Варваціевскихъ источниковъ, въ которыхъ даже лѣтомъ температура то возвышается, то понижается градусовъ на пять Р.; цвѣтъ воды въ послѣднихъ источникахъ, равно какъ и въ Константиновскомъ, также часто измѣняется. Вкусъ сѣрныхъ водъ въ теченіе всего года почти одинаковъ, запахъ же ихъ въ жаркое время, вслѣдствіе сильной атмосферной теплоты, способствующей отдѣленію газа, усиливается. Количество воды во всѣхъ источникахъ зимою уменьшается; въ Александровскомъ же иногда совершенно пропадаетъ и потомъ опять показывается въ той же скалѣ на сажень ниже. Больные обыкновенно начинаютъ пить сѣрную воду изъ Елисаветинскаго источника. Вода его сноснѣе другихъ по вкусу и запаху, а потому больному легче привыкнуть къ сѣрнымъ водамъ, если начать съ него. Надъ источникомъ устроена высокая галлерея въ полверсты длиною и 32 сажени шириною. На одномъ концѣ галлереи источникъ, надъ которымъ стоитъ мраморная ваза; а возлѣ купальни, на другомъ концѣ, устроенъ буфетъ, гдѣ, между прочимъ, продаютъ сѣрную кумогорскую воду и горько-соленую.

Второе мѣсто, по своему значенію между Кавказскими минеральными водами, занимаетъ *Нардзанъ*, источникъ углекислой воды: онъ находится въ 40 верстахъ на юго-западъ отъ Пятигорска, близь Кисловодской станицы. На высокой равнинѣ, возвышающейся на 370 саженъ слишкомъ надъ поверхностью моря, окруженной довольно значительными горами, придающими великолѣпный видъ мѣстности, Нардзанъ, кипя и клокоча, бьетъ изъ глубины $2^1/_2$ саженъ и разливается по шестиугольному бассейну, сажени полторы въ діаметрѣ. Въ минуту онъ даетъ болѣе ста ведеръ воды. Едва ли гдѣ на землѣ можно встрѣтить

что-либо подобное. По-татарски Нартъ-санъ значитъ богатырская вода и онъ вполнѣ оправдываетъ это названіе. Употребленіе его водъ укрѣпляетъ нервы, уничтожаетъ слабость. Ночью, посреди всеобщей тишины, шумъ Нардзана походитъ на человѣческій, сильный, но сдержанный голосъ, точно голосъ гиганта, произносящаго угрозы. Клокотаніе его воды, происходящее отъ сильнаго и безпрерывнаго отдѣленія изъ нея углекислаго газа, слышно на довольно значительномъ разстояніи.

Вкусъ воды довольно пріятный и похожъ на вкусъ зельтерской воды съ шампанскимъ. Употребленіе ея полезно во всѣхъ болѣзняхъ, послѣ леченія сѣрными и щелочными водами; но рѣдкій больной, даже не получившій облегченія, не посѣтитъ Кисловодска, съ цѣлію попить воды Нардзана и покупаться въ нихъ. Вода въ источникѣ такъ холодна (10° Р.), что рѣдко кто рѣшается брать ванны изъ неподогрѣтаго Нардзана; многіе не могутъ даже пить воды прямо изъ источника, а согрѣваютъ ее комнатнымъ воздухомъ, черезъ что, между прочимъ, улетучивается большое количество газа и дѣйствіе воды ослабѣваетъ.

Надъ источникомъ устроена великолѣпная галлерея; есть также купальни и паровыя ванны. Прекрасное мѣстоположеніе и превосходный воздухъ много способствуютъ увеличенію съѣзда посѣтителей, которые притомъ могутъ найти здѣсь всѣ удобства и не такъ стѣснены тѣми діэтическими и гигіеническими условіями, которыми ихъ окружаютъ на другихъ водахъ.

Близъ Пятигорска открыты для пользованія еще слѣдующія воды:

Желѣзистыя или, правильнѣе, щелочно-желѣзистыя—въ 15 верстахъ отъ Пятигорска, близь Желѣзноводской станицы. Всѣхъ источниковъ болѣе 20. Въ Желѣзноводскѣ есть гостинница и нѣсколько домовъ для найма. Здѣсь устроены: купальни, галлерея и общественный паркъ. Источники и купальни почти всѣ находятся въ лѣсу. Лѣсъ этотъ очень густъ и служитъ прекраснымъ мѣстомъ для гулянья больныхъ. Въ немъ проведены дорожки, сдѣланы аллеи и поставлены скамьи для отдыха.

Щелочныя воды находятся въ 17 верстахъ на западъ отъ Пятигорска, близъ Есентуцкой станицы. Источниковъ этой воды очень много, но всѣ они бѣдны водою и въ употребленіи находится не болѣе трехъ, четырехъ. Раздѣляются они на сѣрно-щелочныя и солено-щелочныя. Употребляются въ питье и на ванны.

Сѣрный кумогорскій источникъ находится въ 35 верстахъ на сѣверъ отъ Пятигорска, въ степи. Онъ вытекаетъ изъ небольшаго холма и очень обиленъ водою. Вода его преимущественно употребляется въ питье и потому ее привозятъ въ Пятигорскъ и тамъ продаютъ.

Горько-соленая вода — въ 20 верстахъ, на сѣверо-востокъ отъ Пятигорска, близъ Лысьгорской почтовой станціи. Эта вода, также какъ и Кумогорская, при самомъ источникѣ не употребляется, а продается въ аптекахъ на другихъ минеральныхъ водахъ.

Близъ Пятигорска находятся два соленыя озера, которыя также пробуютъ ввести въ употребленіе при леченіи. Кромѣ того, почти ежедневно находятъ и открываются сами собою новые источники, такъ что положительно можно сказать, что никакія горы Европы не богаты въ такой степени минеральными водами, какъ Кавказскія.

По составнымъ своимъ частямъ и по дѣйствію противъ хроническихъ болѣзней, Кавказскія минеральныя воды сходны съ извѣстными минеральными водами Европы; но Кавказскія имѣютъ огромное преимущество передъ заграничными въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ расположены на пространствѣ 40 верстъ; вслѣдствіе чего переѣздъ съ однѣхъ водъ на другія, что необходимо въ бо́льшей части болѣзней, требуетъ мало времени и издержекъ. Притомъ, одинъ и тотъ же медикъ, начавши лечить больнаго однѣми водами, напр. сѣрными, можетъ продолжать пользовать и другими, напр. Нарзаномъ.

Кавказскія минеральныя воды, какъ врачебное средство, задолго еще до водворенія нашего оружія въ Большой Кабардѣ,

быть можетъ, еще въ глубокой древности, были извѣстны горцамъ, вслѣдствіе указаній опыта.

Въ Россіи въ первый разъ получены о нихъ свѣдѣнія отъ академика Гильденштедта въ 1773 году. Въ 1793 году знаменитый естествоиспытатель Палласъ первый изслѣдовалъ главный сѣрный источникъ и Нардзанъ; за тѣмъ рядъ изслѣдованій и огромная практическая польза, принесенная этими водами, утвердили за ними заслуженную славу.

Съ 1846 года онѣ поступили въ непосредственное вѣдѣніе Кавказскаго намѣстника и съ этого времени были приняты рѣшительныя мѣры къ ихъ устройству. Въ томъ же году учреждена особая дирекція Кавказскихъ минеральныхъ водъ, а въ 1847 году утверждено Высочайшее положеніе объ управленіи ими. Заботы дирекціи и огромныя деньги, употребленныя правительствомъ на устройство водъ, сдѣлали то, что въ настоящее время всякій больной встрѣчаетъ тамъ такую же предусмотрительность, вниманіе, удобства и даже роскошь, какъ на Карлсбадскихъ, Маріенбадскихъ и другихъ заграничныхъ минеральныхъ водахъ.

Не смотря на неоспоримую пользу, удобства и превосходный климатъ *), Кавказскія минеральныя воды посѣщаются, относительно, очень немногими **). Причина такого пренебреженія ими заключалась, кажется, въ ложной боязни горцевъ, въ страсти нашей ко всему иноземному, а главное—въ неудобствѣ путей сообщенія. Впрочемъ, для этихъ водъ все еще впереди.

---

*) Зимою въ Пятигорскѣ обыкновенно бываетъ отъ —7°—14° Р., рѣдко холоднѣе. Лѣтомъ же, жаръ иногда доходитъ до + 40° Р. днемъ и + 14°—16° Р. ночью. Впрочемъ, отъ близости вѣчныхъ снѣговъ Кавказскаго хребта, погода вообще довольно измѣнчива.

**) Такъ, въ теченіе семи лѣтъ, отъ 1824 по 1831 годъ, было всего посѣтителей 6,506 человѣкъ. Въ теченіе такого же періода времени, съ 1845 по 1852 годъ, посѣтителей было, исключая нижнихъ чиновъ, всего 3,490. Если имѣть въ виду, что большая часть изъ этого числа были жители Кавказа или раненые офицеры, то окажется, что пріѣхавшихъ изъ Россіи было весьма немного: въ 1850 году только 183 человѣка.

Нынче, когда покоренъ весь Кавказъ, когда поговариваютъ о постройкѣ желѣзной дороги къ Азовскому морю, когда здравыя понятія и сознаніе собственныхъ выгодъ все болѣе и болѣе распространяются въ обществѣ, почти безошибочно можно предсказать блестящую будущность Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Будемъ надѣяться, что наступитъ и то время, когда не мы будетъ ѣздить лечиться въ западную Европу, имѣя у себя дома болѣе къ тому средствъ, а иностранцы, удостовѣрившись въ несомнѣнной пользѣ и удобствахъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ, толпами будутъ стекаться къ ихъ богатымъ источникамъ.

14. Тифлисъ.

При сліяніи рѣкъ Куры и Арагвы находится городъ Мцехтъ— древняя столица грузинскихъ царей. Въ 20 в. къ югу отъ нея на берегу Куры въ срединѣ V вѣка по Р. Х. возникъ городъ Тифлисъ, построенный царемъ Вахтангомъ Гургосланомъ. По преданію, этотъ царь, однажды охотясь, открылъ горячіе источники. Это мѣсто такъ понравилось ему, что онъ заложилъ здѣсь городъ Тифлисъ, или Тфилиси, что значитъ горячій городъ, какъ въ Богеміи Теплицъ. Сынъ и наслѣдникъ Вахтанга, Дачи, сдѣлалъ новый городъ своею столицею. Дорога изъ Мцехта въ Тифлисъ идетъ по обрывистому берегу р. Куры. Здѣсь на каждомъ шагу вы встрѣчаете живописные ландшафты, подвергаетесь опасности упасть въ воду, карабкаясь мѣстами по скалистому берегу Куры и почти постоянно двигаетесь среди обнаженныхъ, глинистыхъ, безплодныхъ горъ. На самой р. Курѣ все какъ-то пусто, мертво, безжизненно: здѣсь не видно ни лодокъ, ни плотовъ, ни мельницъ; не тянутся по ней караваны барокъ съ туземными произведеніями, какъ по величественнымъ рѣкамъ Россіи: Дону, Волгѣ, Днѣпру, Окѣ. Продолжая ѣхать все далѣе, вы какъ-то невольно чувствуете приближеніе новаго большаго города. Духаны (кабаки) попадаются все чаще и чаще, цѣлые транспорты арбъ съ дровамиословъ,

навьюченныхъ угольями все болѣе и болѣе стѣсняютъ дорогу; движеніе замѣтно увеличивается. Еще за десять верстъ до Тифлиса виднѣется мрачная, дикая съ черными ребрами гора св. Давида. На срединѣ ея блеститъ бѣлая точка: это — дѣвичій монастырь того же имени, гдѣ покоится прахъ нашего незабвеннаго поэта-драматурга Грибоѣдова. Вскорѣ вы подымаетесь на небольшой холмъ и глазамъ вашимъ вдругъ открывается огромная долина съ множествомъ строеній, какъ будто сидящихъ другъ на другѣ, съ широкой рѣкой, пересѣкающей этотъ ландшафтъ. Это городъ Тифлисъ.

Тифлисъ окруженъ скалистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскаляясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижный воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41° сѣв. широты.

На серединѣ склона горъ, выше строеній, расположены виноградные сады, какъ бы вѣнкомъ окоймляющіе городъ. Сады эти имѣютъ свой особый колоритъ и не лишены прелести; многіе изъ нихъ расположены террасами и всѣ обильно орошены искусственными каналами. Виноградъ вьется по столбамъ, поддерживающимъ множество тонкихъ перекладинъ, образуя аллеи, покрытыя лиственнымъ пологомъ. Надъ этимъ живымъ зеленымъ покровомъ возвышаются плодовыя деревья: миндаль, персики, абрикосы, айва, сливы, вишни, черешни, яблоки, груши, кое-гдѣ большіе орѣшники распускаютъ свои широкія вѣтви. Въ этихъ садахъ особенно хорошо весной. Прибавьте, что ароматъ миндальныхъ деревъ распространяется повсюду; къ нему примѣшивается запахъ пахучей фіалки, которая разцвѣтаетъ тогда во множествѣ. Въ этихъ садахъ можно найти виноградныя лозы удивительной толщины (полтора дюйма), поднимающіяся деревомъ и потомъ развѣтляющіяся далеко по перекладинамъ. Съ одной такой древесной лозы снимается нѣсколько пудовъ винограда, а въ каждомъ саду на десятинѣ разсажено до тысячи, такихъ лозъ; виноградъ на нихъ крупный—бѣлый и красный. Поэтому можно судить объ изобиліи

винограда въ Тифлисѣ. Въ большихъ садахъ есть *чахирни* или дома, гдѣ давятъ въ чанахъ виноградъ и приготовляютъ вино. При этихъ домахъ вмѣсто погребовъ устроены ямы, формою своею напоминающія кувшины. Эти ямы обкладываются внутри глиною, которая потомъ обжигается. Въ такихъ ямахъ вмѣщается нерѣдко нѣсколько сотъ ведеръ. Случается, что въ нихъ находятъ утопленниковъ, поплатившихся жизнію за чрезмѣрную любовь къ прекрасному напитку.

Рѣкою Курою городъ естественно раздѣляется на двѣ части: на собственно городъ, на правой сторонѣ Куры, и нѣмецкія колоніи — на лѣвой. Нѣмецкія колоніи, или такъ называемые Пески, отличаются чрезвычайною чистотою, опрятностью и пестротою, потому что дома здѣсь окрашены въ самые разнообразные цвѣта. Собственно городъ дѣлится еще на новый— верхній, и старый — нижній. Первый заключаетъ въ себѣ всѣ русскія зданія европейской архитектуры, начиная отъ Петербургской заставы до Эриванской площади. Проѣзжая по этой части города, думаешь, что находишься въ большомъ европейскомъ городѣ. Предъ вами широкая улица, съ красивыми двухъэтажными каменными зданіями; въ окнахъ виднѣются цвѣты, опущенныя разноцвѣтныя занавѣски, слышатся звуки фортепьяно, встрѣчаются извощики на парныхъ дрожкахъ, экипажи, дамы, одѣтыя по модѣ, щеголи въ палевыхъ перчаткахъ, и пр., и пр. Эта часть нѣсколько возвышеннѣе и въ ней не такъ душно жить, какъ въ нижней, азіятской, которая расположена за Эриванской площадью далѣе между старою крѣпостью и берегомъ Куры и представляетъ рѣзкую противоположность относительно первой. Это совершенная Азія. Здѣсь живутъ грузины очень тѣсно въ своихъ глиняныхъ и каменныхъ, до половины врытыхъ въ землю, домахъ. Они совершенно равнодушно выносятъ тѣсноту, смрадъ, грязь, соръ и дышатъ нечистымъ воздухомъ. Грузины имѣютъ дурную привычку выкидывать и выливать всякую нечистоту передъ дверями на улицу; вотъ отъ этого-то между ихъ тѣсными жилищами всегда отвратительная нечистота и нестерпимый амміач-

ный смрадъ, заражающій воздухъ до перваго дождя, который обильными потоками съ горъ вымываетъ всѣ улицы. За то въ каждомъ тѣсномъ дворикѣ посажено нѣсколько миндальныхъ или тополевыхъ деревъ и лозы двѣ-три винограда. Грузинскіе дома построены одинъ при другомъ такъ, что плоская крыша нижняго дома служитъ дворомъ верхнему. Крыши домовъ убиваютъ глиною и настилаютъ землею. Эти кровли постоянно усѣяны женщинами и дѣтьми: иныя ссорятся, другія плачутъ, третьи пляшутъ подъ звуки бубна. Однимъ словомъ, дома бѣдныхъ грузинъ въ нижней части города — не что иное, какъ подземныя норы, которыя можно узнать на поверхности земли только по трубѣ и продушинѣ для свѣта, а съ боку—по низкой двери, чрезъ которую входятъ въ мрачное подземелье.

Всѣхъ жителей въ Тифлисѣ до 50,000. Изъ этого числа на долю жителей европейскаго происхожденія приходится только $^1/_5$ ч., остальныя $^4/_5$ занимаютъ азіятцы: армяне, грузины, татары, персіяне и имеретины. Большинство жителей купечество, такъ какъ Тифлисъ есть центръ торговли закавказскаго края съ Россіею. Поэтому базары — майданъ и армянскій, съ выходящими изъ нихъ переулками и темными рядами, всего болѣе характеризуютъ Тифлисъ, какъ азіатскій торговый городъ. Майданъ или татарскій базаръ есть тѣсная площадь, постоянно набитая народомъ. Если смотрѣть на нее съ обрывистаго, каменистаго Солоколакскаго берега, ограничивающаго городъ съ юга, то, кромѣ головъ человѣческихъ, лошадиныхъ, буйволовыхъ, бычачьихъ, ослиныхъ и даже верблюжьихъ, почти ничего не видно. Зловонныя испаренія подымаются надъ майданомъ густою тучею; грязь рѣдко высыхаетъ. Тутъ представители разнообразнаго населенія Тифлиса — татары въ рыжеватыхъ шапкахъ и буркахъ, съ черными, сѣдыми, красными и бѣлыми бородами, дородные армяне, съ наклоненными шеями, въ чистыхъ чухахъ и московскихъ картузахъ, молодцоватые грузины, перетянутые, часто засаленные и оборванные, съ шапками, заломленными на бекрень, кабардинцы, дико смотрящіе исподлобья и продающіе оружіе и бурки, мулла въ бѣлой чалмѣ,

персіяне съ красными ногтями, въ аршинныхъ шапкахъ и въ широкихъ кафтанахъ, на ногахъ у нихъ пестрые носки и маленькіе туфли, надѣтые на одни только пальцы; тулукчи (водовозы) и работники въ валеныхъ коническихъ колпакахъ; муши (носильщики) въ папанаки *), греки въ красныхъ фескахъ, пестрыхъ, небольшихъ чалмахъ, курткахъ и синихъ шальварахъ. Мелькаетъ круглая шляпа европейца; извощикъ кричитъ во все горло: кобарда! (по-грузински: берегись!); то же взываетъ всадникъ, котораго лошадь машетъ головою, прыгаетъ, садится назадъ и бряцаетъ посеребренными побрякушками сбруи. Тянутся двухколесныя арбы, да какія разнообразныя! грузинская, у которой угловатыя колеса вертятся вмѣстѣ съ осью: она запряжена парою, четвернею или даже шестернею буйволовъ, на ярмѣ сидитъ оборванный мальчикъ; онъ колотитъ тяжелую скотину палкой; на арбѣ огромный бурдюкъ, торчащій вверхъ ногами, или цѣлое семейство съ женщинами и дѣтьми, подъ прикрытіемъ полосатаго, яркоцвѣтнаго ковра. Вотъ арбы осетинъ и лезгинъ, съ саженными, скрипящими колесами; онѣ запряжены лошадьми; греческія арбы, съ низкими, сплошными колесами безъ спицъ, обитыми желѣзными выпуклыми шинами; ихъ везетъ пара воловъ. Справа изъ переулка, ведущаго на мостъ, выступаетъ караванъ верблюдовъ; вожатый татаринъ тянетъ перваго изъ нихъ за ноздри веревкою; верблюдъ жалобно рычитъ, машетъ косматой головой, загибаетъ шею назадъ, лѣниво опускается на колѣни. Тутъ же идетъ изъ Эривани персидскій караванъ на вьючныхъ лошадяхъ, стройныхъ, хотя малорослыхъ. Особенно красивы ихъ головы. Всѣ онѣ обвѣшаны кистями, бубенчиками и колокольчиками. Въ лавкахъ продаютъ плоды, живую рыбу, муку, свѣчи, сыръ, масло; битые фазаны, турачи, джейраны и дикія козы висятъ тамъ и сямъ и гніютъ отъ жаркаго воздуха; тутъ

---

*) *Папанака* — кусокъ сукна, употребляемый имеретинами вмѣсто шапки и поддерживаемый на головѣ ремнемъ, завязаннымъ подъ бородою.

же входъ въ темные ряды или крытыя галереи длиннаго строенія гостиныхъ рядовъ съ произведеніями европейскихъ, русскихъ и азіятскихъ фабрикъ. Но тутъ не слышно привязчиваго зазыванья московскихъ лавочниковъ; напротивъ, въ каждой лавкѣ, посреди открытаго богатства сидитъ, флегматически поджавъ ноги, опрятно одѣтый армянинъ и хладнокровно ожидаетъ покупщика, при появленіи котораго, не двигаясь съ мѣста, велитъ своимъ мальчикамъ показать товаръ съ объявленіемъ рѣшительной цѣны; только съ русскими чиновниками, и особенно съ дамами, они вступаютъ въ вѣжливые разговоры и сами раскладываютъ лучшіе товары; причемъ, зная привычку русскихъ торговаться, запрашиваютъ съ нихъ втридорога.

Пройдя чрезъ эти ряды, вы входите на армянскій базаръ— длинную, узкую и кривую улицу, гдѣ всѣ дома построены на грузинскій ладъ, то-есть безъ крышъ и заняты *открытыми* лавками и мастерскими. Эта улица еще пестрѣе Майдана.

Прежде всего здѣсь бросаются въ глаза татарскіе рестораны. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ плохо стряпали; нельзя сказать также, что кушанья ихъ безвкусны; но такъ какъ все жарится и варится публично, да притомъ съ пріемами, далеко нечистоплотными, то передъ этими общественными кухнями не простоишь долго.

За кухнями слѣдуетъ цѣлый рядъ фруктовыхъ и овощныхъ лавочекъ; онѣ также довольно интересны. Плоды и овощи разложены въ широкихъ и низкихъ деревянныхъ чашахъ, каковы: синій, бѣлый и розовый виноградъ, съ крупными и мелкими зернами; персики, курага (абрикосы). алучша, (круглая зеленая слива), груши и другіе плоды южной богатой природы; тутъ же сверху висятъ сальныя свѣчи, сахаръ, стручковый перецъ, провѣсные балыки. Въ свое время появляется множество арбузовъ и дынь. Продавцы кричатъ во все горло, немилосердно стучатъ вѣсами, отвѣшивая на одной и той же чашкѣ медъ, пряники, икру, сыръ, масло, сметану, и все это прямо на желѣзѣ, или на мѣди: обверточной бумаги не употребляется.

Недалеко отсюда табачный рядъ: вы видите, какъ крутятъ папиросы, какъ крошатъ табакъ. Далѣе, въ лавкѣ сидитъ грузинъ, разматывающій шелкъ: для этого онъ употребляетъ не только руки, но и одну изъ ногъ, на которую надѣтъ однимъ концомъ мотокъ блестящихъ нитей. Заглянувъ въ переулки, увидите, какъ куютъ желѣзо, серебро, шьютъ чухи и папахи, долбятъ деревянныя трубки. Вся эта индустрія не прекращается и съ наступленіемъ вечера: одни зажигаютъ фонари, другіе вонзаютъ сальныя свѣчи въ кучи изюма и другіе продукты; крики и шумъ не умолкаютъ. Пустите на эту улицу такую же пеструю толпу, какъ на Майданѣ, прибавьте нѣсколько лавокъ съ стекляными дверями и большими окнами, сквозь которыя виднѣются московскіе товары; представьте, что мостовая на армянскомъ базарѣ самая ужасная, грязь изрѣдка смѣняется пылью, что на низкихъ крышахъ домовъ гнѣздятся группы женщинъ въ бѣлыхъ чадрахъ, что извощики здѣсь скачутъ безпрестанно,—и будете имѣть полное понятіе объ армянскомъ базарѣ. Тутъ же вы встрѣтите много нищихъ; они такъ хороши, что заставятъ васъ обратить на себя большое вниманіе: вотъ идетъ человѣкъ почти нагой; онъ дряхлъ, какъ Сатурнъ, но лице его энергично не менѣе бронзовыхъ изображеній этого бога, еслибы еще Сатурну прибавить серебряную бороду и усы. Вмѣсто платья онъ закрытъ полосатымъ ковромъ желтаго и краснаго цвѣта....

На этомъ базарѣ находится нѣсколько караванъ-сараевъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ армянскій, построенный въ 1820 году, въ три этажа и выходящій на берегъ Куры. Въ немъ всегда большая складка товаровъ и множество народу. Во всѣхъ трехъ этажахъ навалены неразобранные тюки, и даже въ бассейнѣ фонтана, который безъ воды. Здѣсь въ нишѣ одной стѣны поставлена статуя Меркурія, покровителя плутовства и торговли. Внутренность караванъ-сарая обширная, округленная амфитеатромъ и галереями сверху до низу, а около пустаго бассейна перилы.

Если же вы хотите увидѣть, какъ на ладони сокровенную жизнь Тифлиса, идите на воскресную ярмарку, происходящую на Эриванской площади только по воскреснымъ днямъ. Эта ярмарка, по своему характеру, чрезвычайно похожа на бывшій Толкучій рынокъ въ Петербургѣ. Но между этими двумя базарами огромная разница: толкучій въ отношеніи къ столицѣ сѣвера капля въ морѣ, а тифлисскій воскресный базаръ, говоря гиперболически, море въ каплѣ. Да, это совершенно справедливо, потому что на нѣсколькихъ десяткахъ квадратныхъ саженъ Эриванской площади вы увидите полную картину сокровенной жизни Тифлиса, увидите разнообразную дань, сносимую со всѣхъ угловъ города и почти со всѣхъ домовъ. Тутъ сходятся и размѣщаются рядомъ: обломки промотаннаго состоянія, избытки роскоши, труды мудрости и талантовъ, случаемъ перешедшіе въ руки глупости и невѣжества, спѣшащихъ избавиться отъ ненужныхъ имъ вещей; предметы, быть можетъ, драгоцѣнные для своихъ обладателей и вынесенные на базаръ крайнею нуждою; наконецъ, досужій трудъ солдата и такія вещи, которыя никогда не оставили бы своихъ домовъ и хозяевъ, еслибъ не было на то воли искусныхъ и ловкихъ пріобрѣтателей чужой собственности, для которыхъ замки и рѣшетки не составляютъ большой помѣхи. Здѣсь неразсчетливость и бѣдность оставляютъ послѣднія крохи своего состоянія, и здѣсь же, изъ ничего, оборотливость и способность учатся зашибать себѣ копѣйку и дѣлать состояніе. На этомъ небольшомъ пространствѣ вы увидите, какъ Азія борется съ Европою, и если будете слѣдить за ходомъ каждаго базарнаго дня, то увидите, какъ слабѣетъ первая и какъ быстро распространяетъ свое владычество послѣдняя: Здѣсь разложены образчики труда и вкуса всѣхъ годовъ, начиная отъ прихода русскихъ въ закавказье, до настоящей минуты и по нимъ, какъ по древнимъ монетамъ, можно судить о степени развитія изящныхъ искусствъ и даже объ усовершенствованіи общественной жизни въ цѣломъ краѣ.

Говоря о Тифлисѣ, нельзя не коснуться его превосходныхъ бань. Горячая, сѣрная вода, проведенная изъ горныхъ источниковъ, наполняетъ въ баняхъ множество бассейновъ различной температуры. Бани раздѣляются на три сорта: княжескія — по рублю серебромъ за часъ, дворянскія — по абазу (20 к. с.) съ человѣка, и простыя — по гривеннику съ души. По вторникамъ и пятницамъ не впускаютъ ни одного мужчины; это дни привилегированные для прекраснаго пола. Грузинки и армянки страстныя охотницы до бань. Въ опредѣленные дни всѣ онѣ, въ своихъ саванахъ, тянутся туда длинными вереницами, оглушая улицы хлопаньемъ туфлей. Бани для нихъ тоже, что для европейскихъ красавицъ балъ: тамъ онѣ, послѣ домашняго затворничества, предаются полной свободѣ болтовни. Но сѣрногорячія воды, размягчая тѣло, дѣлаютъ кожу нѣжною и мягкою на однѣ сутки, послѣ чего она становится грубѣе и желтѣе; наконецъ, атласная кожица красавицы превращается въ вялую, морщиноватую замшу, что дѣлаетъ ее преждевременною старухою.

Но войдемъ въ бани. Въ первой комнатѣ раздѣваются на обширныхъ диванахъ, покрытыхъ чистымъ полотномъ; далѣе идутъ комнаты поменьше, съ бассейнами. Здѣсь не такъ жарко, какъ у насъ (20° тепла): баня вовсе не топится, а нагрѣвается сѣрногорячею водою, которая вытекаетъ изъ стѣнъ въ бассейны. Въ бассейнѣ только обмываются. Послѣ этого страшный смуглый татаринъ, въ видѣ чорта, съ оскаленными отъ удовольствія зубами и съ блестящими глазами, принимаетъ паціента въ свои когти, кладетъ его на низкую и широкую лавку, растираетъ его, садится ему на грудь, выламываетъ руки, ноги, переворачиваетъ съ боку на бокъ, какъ покорнѣйшую жертву, жметъ, гладитъ, давитъ, хлопаетъ; этого мало: поставитъ его то на четвереньки, то на корточки, а самъ, согнувшись змѣемъ, садится колѣнями на его плечи, ѣздитъ на немъ, скользитъ, обнимаетъ, треплетъ и, кажется, самъ утопаетъ въ удовольствіи, особенно если попадется ему жирная жертва. Дѣйствительно, весь этотъ процесъ,

повидимому, доставляетъ болѣе удовольствія баньщику, чѣмъ его паціенту.

Послѣ всей такой выправки костей и размягченія тѣла, отчего, какъ говорятъ испытавшіе, чувствуется необыкновенная легкость и развязность въ членахъ, баньщикъ надѣваетъ на руку суконный мѣшечекъ и крѣпко третъ имъ тѣло паціента, причемъ всякая нечистота скатывается; потомъ обдаетъ его горячею водою и окачиваетъ душистымъ мыломъ. Это дѣлается очень искусно: баньщикъ кладетъ кусокъ мыла въ тонкій, полотняный мѣшечекъ, который окунываетъ въ воду, и только дунетъ въ него, какъ уже онъ наполняется душистою пѣною.

Въ числѣ подвергавшихся такой добровольной мукѣ можно видѣть болѣе грузинъ и армянъ съ черными бородами, или персіянъ съ бритыми головами, — людей здоровыхъ, мускулистыхъ, бѣлыхъ. Однако, бываютъ тутъ и наши русскія почтенныя бороды.

V. УРАЛЪ.

1. Уральскія горы.

Горная система Урала состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ или мало расходящихся цѣпей. Эта горная страна, находящаяся на границѣ двухъ частей свѣта, представляетъ совершенно отдѣльную, самостоятельную горную группу, вдали отъ центральныхъ высокихъ массъ Европы и Азіи и безъ всякаго сообщенія съ другими хребтами горъ. Уралъ поднимается между двумя равнинами, служащими бассейнами двухъ большихъ рѣкъ: Обь съ Тоболомъ на восточной равнинѣ направляется въ Ледовитый океанъ, а Волга съ Камою на западной равнинѣ течетъ въ Каспійское море. Уралъ простирается съ юга на сѣверъ болѣе чѣмъ на 2,000 верстъ. Продолженіемъ его на сѣверѣ служатъ горы на островахъ: Вайгачѣ и Новой Землѣ. Уралъ есть наибольшая меридіальная горная цѣпь Европы, потому что, взятая вмѣстѣ съ продолженіемъ своимъ на Ледовитомъ океанѣ, длина его равняется протяженію Европы отъ Нордкапа до Пелопонеса. Ширина его весьма различна и вовсе не соотвѣтствуетъ длинѣ, достигая на югѣ со всѣми предгоріями 200 верстъ, съуживается въ срединѣ до 20 в. и потомъ опять расширяется къ сѣверу до 40 в. Отъ своего вида Уралъ, можетъ быть, получилъ и названіе: *уръ*, по-киргизски значитъ поясъ; татары словомъ *уралъ* называютъ всякую горную цѣпь. Высота Уральскаго хребта сравнительно не

велика и болѣе значительна въ южной и сѣверной частяхъ; но и здѣсь самыя высокія вершины не достигаютъ и 5,000 фут.

Двѣ противоположныя отлогости Уральскаго хребта представляютъ совершенный контрастъ. Восточная отлогость, безъ всякихъ почти предгорій, непосредственно спускается къ сибирскимъ степямъ и низменнымъ равнинамъ. Напротивъ, западная представляетъ холмистую, плодородную, покрытую пашнями и лѣсами, почву. Восточная степная равнина усѣяна тысячью соляныхъ озеръ, которыхъ на западной отлогости почти не встрѣчается. Уралъ, съ небольшими исключеніями, весь покрытъ лѣсами, но съ азіятской стороны растутъ почти исключительно хвойныя деревья: сосновые лѣса въ мѣстахъ сухихъ и возвышенныхъ, а еловые — въ низменныхъ и болотистыхъ. Другія хвойныя деревья: пихта, кедръ, лиственица, не составляютъ отдѣльныхъ лѣсовъ, но попадаются въ лѣсахъ еловыхъ и сосновыхъ; изъ лиственныхъ растетъ только береза. Сторона же Урала, обращенная къ европейской Россіи, изобилуетъ лиственными лѣсами. Дубъ, орѣшникъ, липа, вязъ, составляютъ на западномъ склонѣ Урала такіе же дремучіе лѣса, какіе хвойныя деревья на восточномъ склонѣ.

Уралъ, въ тѣсномъ смыслѣ, занимаетъ пространство отъ 7 до 8 тысячъ кв. миль; вмѣстѣ же съ лѣсистыми своими предгорьями до 20,000 кв. миль. Занимая такое огромное пространство, Уралъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе въ отношеніи природы и естественно дѣлится на три части: *сѣверный* — отъ Ледовитаго океана до 60° с. ш., *средній* — между 60° и 55° с. ш. и, наконецъ, *южный* — отъ 55° до 50° сѣверной широты.

Сѣверный уралъ отъ Ледовитаго океана, на которомъ имѣетъ продолженіе, простирается до истоковъ Печоры и называется *Пустыннымъ*. Пустынный Уралъ въ отношеніи природы представляетъ двѣ страны, границею между которыми служитъ плоская и болотистая возвышенность, лежащая между рр. Лозвою и Сѣверною Сосвою. Къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ тянется длинный, скалистый хребетъ, раздѣленный на нѣсколько вѣтвей и

называемый *Полярнымъ Ураломъ*. Мѣстность этого Урала, пустынная и дикая, почти совершенно лишена жизни, съ крайне суровымъ климатомъ. Это царство зимы, которая отсюда почти не удаляется. На Новой Землѣ, напр., снѣга начинаютъ сходить къ концу іюля, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, открытыхъ морскимъ, холоднымъ вѣтрамъ, остаются кругый годъ. Почва оттаиваетъ только на два фута. Вся растительность ограничивается мхами и ягелями, а изъ цвѣтовъ попадаются только: макъ, незабудка, снѣжный лютикъ, для котораго достаточно снѣжной воды и одного градуса тепла, чтобы распуститься, и нѣкоторые другіе. Изъ древесныхъ растеній здѣсь чаще встрѣчаются верба или полярная ива въ видѣ незначительнаго кустарника; стебель ея толщиною въ гусиное перо, вышина не болѣе полудюйма, но тонкія вѣточки далеко расползаются по землѣ.

Животныя требуютъ большихъ условій для своего существованія и потому животная жизнь на Новой Землѣ еще менѣе развита. Изъ сухопутныхъ встрѣчаются: сѣверная лисица, гренландская мышь и нѣсколько видовъ птицъ; изъ морскихъ — тюлени и моржи. Совершенное отсутствіе шума, пѣнія, крика и жужжанія наводятъ на душу путешественника какое-то уныніе и тоску.

Переходя на материкъ, путешественникъ встрѣчаетъ сначала равнину, забросанную обломками скалъ; за первымъ значительнымъ возвышеніемъ, *Константиновскимъ* камнемъ, Уралъ поднимается въ видѣ разорванныхъ известковыхъ утесовъ, отдѣляя къ западу невысокій хребетъ горъ, который тянется по берегу и называется Пай-Хой. Полярный Уралъ сохраняетъ на материкѣ тотъ же самый характеръ, какой мы видѣли и на Новой Землѣ. Постоянныхъ человѣческихъ жилищъ и здѣсь также не встрѣчается.

Южная часть *Пустыннаго* Урала раздѣляется на два промышленные округа: *Богословскій* — до рѣки Нясьмы, и *Горблагодатскій* — къ югу отъ ней до истоковъ Печоры. Въ Богословскомъ округѣ Уралъ достигаетъ наибольшей высоты. Изъ вершинъ его, называемыхъ туземцами *сопками* или *камнями*, болѣе

извѣстны: *Магдалинскій, Павдинскій, Косвинскій, Конжаковскій, Тылайскій* и *Денежкинъ* камень. Высота ихъ достигаетъ 3,000 — 4,000 ф. Климатъ этой части Пустыннаго Урала болѣе благопріятенъ, нежели Полярнаго; почва болѣе плодородна, но растенія здѣсь ведутъ между собою чрезвычайно оригинальную борьбу за существованіе. Искривленныя и хилыя деревья не крѣпко сидятъ въ землѣ и сильнымъ вѣтромъ легко вырываются. Мхи съ жадностью нападаютъ на нихъ, обвиваютъ отъ корня до вершины и тѣмъ ускоряютъ ихъ разрушеніе. Разрушаясь, деревья эти утучняютъ почву и дѣлаютъ ее способною питать и поддерживать другія растенія. Вслѣдствіе этого многія мѣста осушились, и потому здѣсь встрѣчаются не только лѣса, но и мѣстности, удобныя для хлѣбопашества. Обнаженныя же вершины горъ постоянно покрыты облаками, которыя заносятся сюда влажными и холодными вѣтрами, почему весь сѣверный Уралъ очень обиленъ водами и въ округахъ Богословскомъ и Гороблагодатскомъ доступенъ для человѣческихъ жилищъ только по своимъ отлогостямъ.

Главное значеніе сѣвернаго Урала состоитъ въ изобиліи звѣрей и рыбъ. Жители его: остяки, самоѣды, зыряне и вогулы извлекаютъ значительныя выгоды отъ своихъ промысловъ. Изъ пушныхъ звѣрей здѣсь встрѣчаются: медвѣди, лисицы, песцы, соболи, куницы, горностаи, цѣлыя стада дикихъ оленей; но главный пушной товаръ составляютъ огромное множество бѣлокъ. Изъ птицъ: глухари, рябчики, тетерева, которыхъ одинъ охотникъ не рѣдко убиваетъ въ лѣто до 10,000 штукъ. Рыбная ловля хотя и производится въ значительныхъ размѣрахъ, но не представляетъ такихъ выгодъ, какъ охота. Выручка рыбака, при счастьѣ, простирается въ лѣто до 60 — 70 рублей, что и заставляетъ его не пренебрегать охотой или собираніемъ кедровыхъ орѣховъ.

Средній Уралъ простирается отъ истоковъ Сосвы и Печоры до верховьевъ Бѣлой и Уфы. Развѣтвленіе горнаго хребта остается и здѣсь преобладающимъ; но такъ какъ Уралъ здѣсь значительно съуживается, то продольныя долины образуютъ трещины

и ложбины. По трещинамъ, въ направленіи меридіана, съ юга на сѣверъ, текутъ горные потоки; если же ихъ пересѣкаетъ горная цѣпь, то онѣ образуютъ небольшія, поперечныя долины, направляясь или къ Тоболу на востокъ, или къ Камѣ на западъ. Здѣшніе, нѣкогда дремучіе, лѣса годъ отъ году рѣдѣютъ; чему главною причиною служитъ развитіе горнозаводскаго промысла. Въ связи съ уничтоженіемъ лѣсовъ находится также обмеленіе рѣкъ, берущихъ начало въ среднемъ Уралѣ, такъ какъ лѣсъ, препятствуя испаренію водъ въ атмосферу, служитъ всегда хорошимъ водохранилищемъ. Высота гребня этой части Урала, быстро возвышаясь къ сѣверному и южному Уралу, въ серединѣ такъ незначительна и до того мало препятствуетъ внутреннему сообщенію, что ее и не примѣчаешь. На почтовой дорогѣ чрезъ Екатеринбургъ можно вовсе усомниться въ существованіи горнаго хребта, такъ какъ дорога идетъ по наибольшему пониженію цѣпи. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ дорогахъ; лишь на водораздѣльной линіи мѣстами видѣнъ зубчатый гребень. На утесѣ, на который всходилъ Императоръ Александръ I, на двухъ противоположныхъ каменныхъ пластахъ вырѣзаны слова, на западномъ: «*Европа*», а на восточномъ: «*Азія*». На корѣ одной огромной ели, на противоположныхъ сторонахъ, тоже вырѣзаны названія обѣихъ частей свѣта. Средній Уралъ носитъ названіе *рудоноснаго* и вполнѣ заслуживаетъ его по богатству и разнообразію заключающихся въ немъ минераловъ. Долины его усѣяны городами и заводами.

Южный Уралъ. При переходѣ отъ средняго Урала къ южному находится группа горъ подъ именемъ *Уралъ-Тау*, образующихъ значительный горный узелъ. Отъ этого узла Уралъ раздѣляется на три цѣпи, постепенно расходящіяся къ югу, отчего и происходитъ бо́льшая ширина южнаго Урала. Средняя цѣпь, называемая собственно Ураломъ, составляетъ однообразный, невысокій хребетъ, который то возвышаясь, то понижаясь, тянется длинною полосою до самаго Аральскаго озера, гдѣ соединяется съ горами Усть-Уртъ. Высота его нигдѣ не

перевышаетъ 2,000 футовъ, а отпрыски, которые онъ даетъ въ обѣ стороны, гораздо ниже. Восточный или Ильменскій Уралъ, отдѣляющійся отъ средняго Міаскою долиною, образуетъ весьма невысокую, горную цѣпь, идущую по направленію меридіана. Вступивъ въ Киргизъ-Кайсацкую степь, Ильменскій хребетъ скоро теряется, соединившись съ боковыми отрогами главнаго хребта. Западная или Уренгайская цѣпь отдѣляется отъ главнаго хребта Златоустовскою долиною и направляется вдоль теченія Сакмары.

Въ сѣверной половинѣ Уренгайской цѣпи находятся самыя большія вершины южнаго Урала, достигающія 3,500 — 4,000 фут., изъ которыхъ самая сѣверная *Юрма;* изъ остальныхъ болѣе замѣчательны: *Тагангай* и *Уренга*, раздѣленныя между собою долиною рѣки Ай.

Подобно тому, какъ средній Уралъ особенно замѣчателенъ богатствомъ минеральнаго царства, южный, по преимуществу, можетъ быть названъ *лѣсистымъ;* но это названіе относится собственно къ сѣверной части южнаго Урала. Лѣса здѣсь преимущественно лиственные и во многихъ мѣстахъ непроходимы; приближаясь къ югу лѣса замѣняются пастбищами, на которыхъ кочевые туземцы пасутъ свои стада.

Сдѣлаемъ теперь общій обзоръ всѣхъ трехъ частей Уральскаго хребта въ отношеніи характеристическихъ особенностей его природы. Горы и лѣса Урала даютъ начало многимъ рѣкамъ и обусловливаютъ происхожденіе безчисленныхъ болотъ и озеръ. Но воды сѣвернаго Урала отличаются отъ водъ средняго и южнаго совершенно противоположнымъ характеромъ. Сѣверныя рѣки, выходя изъ неприступныхъ болотъ, сначала текутъ по мелкимъ, узкимъ ложбинамъ и, усилившись нагорными ключами, углубляютъ свое русло и съ необыкновенною быстротою несутся между высокими и обрывистыми утесами, отличаясь притомъ прозрачностью и обиліемъ воды. Судоходство по этимъ рѣкамъ довольно затруднительно и даже опасно. Переправы въ сѣверномъ Уралѣ прокладываются съ большимъ трудомъ посредствомъ паромовъ, мостовъ и длинныхъ бревенъ.

Напротивъ, рѣки средняго и преимущественно южнаго Урала, круто падая съ горъ, бурны, мутны и маловодны. Судоходство по нимъ возможно только во время весенняго разлитія или послѣ сильныхъ дождей; чѣмъ далѣе къ югу, они все болѣе и болѣе принимаютъ степной характеръ.

Если средній и южный Уралъ уступаетъ сѣверному въ обиліи рѣчныхъ водъ, то имѣетъ передъ нимъ преимущество въ водахъ стоячихъ: мутныя озера сѣвернаго Урала, большею частью, переходятъ въ болота и тундры; въ среднемъ же и южномъ Уралѣ онѣ отличаются вкусной, прѣсной и до того прозрачной водой, что на глубинѣ десяти аршинъ видно дно.

Начиная отъ сѣвернаго Урала, по мѣрѣ приближенія къ югу, климатъ становится все теплѣе, такъ что въ Оренбургской губ. іюльскіе жары доходятъ иногда до 36° Р. въ тѣни. Превосходный климатъ южнаго Урала, плодородіе почвы, обширныя долины и величественныя горы, отличающіяся прекрасными видами, составляютъ совершенную противоположность съ сѣвернымъ Ураломъ—однообразнымъ, мрачнымъ и болотистымъ. Горы Уренгайскаго хребта, расположенныя купами, несравненно живописнѣе сѣверныхъ, уединенныхъ сопокъ, окутанныхъ вѣковыми лѣсами, мрачно и угрюмо стоящихъ среди самой непріглядной мѣстности. Горы южнаго Урала не представляютъ ничего грознаго, поражающаго воображеніе, но нравятся привлекательностью и разнообразіемъ своихъ картинъ. Таковы: трехглавый Танагай съ своими фантастическими утесами, окрестности Златоуста съ его долинами, рѣками, озерами и много другихъ.

Итакъ, Уральскія горы не имѣютъ поражающаго характера подобно Альпійскимъ или Кавказскимъ громадамъ: это невысокій, однообразный и скромный хребетъ, который, за исключеніемъ южной своей части, не можетъ даже нравиться прелестью своихъ видовъ. Это не бурный, клокочущій океанъ, вздымающій свои валы до облаковъ, подобно Швейцарскимъ Альпамъ, а безграничное море, однообразно несущее свои волны и только изрѣдка, какъ бы девятымъ валомъ, возвышающееся одинокими сопками. Но недостатокъ внѣшней природы вполнѣ

вознаграждается внутреннимъ богатствомъ, а эти богатства находятся въ тѣсной зависимости отъ геологическаго образованія Уральскаго хребта.

Происхожденіемъ своимъ Уралъ обязанъ поднятію земной коры дѣйствіемъ подземнаго огня. Было время, когда моря Каспійское и Аральское, вмѣстѣ съ водами сѣверо-западной Азіи и восточной Европы, имѣли общую морскую поверхность. Китайскія лѣтописи 2000 — 2500 годовъ до Р. Х. упоминаютъ о горькомъ морѣ, существовавшемъ въ западной Сибири. Только послѣ поднятія хребта огромные бассейны Каспійскаго и Аральскаго морей приняли въ себя стоячія воды, освободивъ отъ нихъ Сибирь и Россію и оставивъ на восточной отлогости Урала болѣе замѣтные остатки, чѣмъ на западной.

Вслѣдствіе такого происхожденія Уралъ состоитъ преимущественно изъ породъ огненныхъ, каковы: гранитъ и гнейсъ *), которыя тянутся по всему протяженію хребта съ сѣвера на югъ, къ нимъ примыкаютъ различные сланцы. Породы эти пересѣкаются многими плутоническими породами: діоритами, порфирами, рудными жилами и другими. Выброшенныя дѣйствіемъ подземнаго огня въ жидкомъ, расплавленномъ состояніи, онѣ чрезвычайно измѣнились въ своемъ составѣ. Эти-то метаморфическія породы и рудоносныя жилы составляютъ главное отличіе Уральскаго хребта отъ другихъ горъ земнаго шара

Уральскій хребетъ представляетъ огромные богатства и разнобразіе минеральныхъ видовъ, изъ которыхъ главные: золото, желѣзо, платина и драгоцѣнные камни **).

---

*) См. ст. Пугачевскаго, Отечествовѣдѣніе, вып.: 1-й „Геологическій очеркъ Финляндіи“.

**) Всѣ металлы, какъ извѣстно, встрѣчаются въ природѣ въ трехъ различныхъ видахъ: самородки, руда и въ розсыпяхъ. Рудой называется минералъ, содержащій въ себѣ металлъ. Руда обработывается въ такомъ только случаѣ, когда количество содержащагося въ ней металла можетъ окупить издѣржки на обработку. Самородки прямо годны для обработки; изъ розсыпей золото добывается посредствомъ промыванія, а изъ руды посредствомъ выплавки.

Самые богатые золотые рудники на Уралѣ *Березовскіе*, находящіеся въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Екатеринбурга. Здѣсь золото попадается въ кварцѣ, въ видѣ жилъ и въ соединеніи съ желѣзнымъ колчеданомъ, свинцовымъ блескомъ и другими минералами. Самородки золота встрѣчаются до 24 фунт. вѣсомъ. Кромѣ того, золото добывается изъ розсыпей, которыя находятся на всемъ протяженіи Урала, въ особенности по восточному его склону.

Серебромъ Уралъ несравненно бѣднѣе. Серебряные рудники встрѣчаются почти исключительно въ Нижне-Тагильскихъ Демидовскихъ заводахъ, находящихся въ Екатеринбурскомъ округѣ и казенномъ 1-мъ Благодатскомъ рудникѣ. Серебро встрѣчается съ свинцовымъ блескомъ и нѣкоторый процентъ его всегда заключается въ золотѣ.

Платина съ виду похожа на серебро, какъ показываетъ самое названіе (platinya по-испански значитъ серебряный). Металлъ этотъ тверже золота и еще труднѣе его теряетъ свой блескъ. (Золотая ложка отъ горчицы тускнетъ, а платиновая остается безъ всякаго измѣненія). Платина встрѣчается въ розсыпяхъ и, обыкновенно, вмѣстѣ съ золотомъ; обработывается же только тогда, когда въ розсыпи преобладаетъ ея количество передъ золотомъ. Употребленіе платины очень ограничено, такъ какъ она очень трудно плавится. На Уралѣ платина встрѣчается въ Нижне-Тагильскихъ и Гороблагодатскихъ рудникахъ. Самородки платины очень рѣдки; впрочемъ, въ Уральскихъ горахъ найдены образцы отъ 10 до 24 фунтовъ вѣсомъ.

Всѣ до сихъ поръ перечисленные металлы называютъ благородными, хотя благородство ихъ больше внѣшнее: они не теряютъ своего блеска, не ржавѣютъ и не тускнѣютъ, поэтому въ природѣ часто встрѣчаются въ чистомъ видѣ.

Руководствуясь этой логикой мы должны бы назвать желѣзо очень неблагороднымъ металломъ, тѣмъ болѣе, что ученые еще сомнѣваются, встрѣчается ли оно въ землѣ въ чистомъ видѣ. Правда, находили куски чистаго желѣза и на землѣ, но этимъ

кускамъ приписываютъ неземное происхожденіе, потому что желѣзо находили до сихъ поръ только въ метеорныхъ камняхъ. Но, называя желѣзо неблагороднымъ металломъ, мы будемъ къ нему несправедливы. Золото и серебро употребляются только на предметы роскоши, желѣзо же необходимо для каждаго человѣка.

На Уралѣ желѣзо встрѣчается главнымъ образомъ въ рудахъ бураго и магнитнаго желѣзняка. Бурый желѣзнякъ есть не что иное, какъ желѣзная ржавчина; она попадается преимущественно въ мѣстахъ болотистыхъ и потому называется также болотной желѣзной рудой. Но въ гораздо большемъ количествѣ она добывается на Уралѣ изъ магнитнаго желѣзняка; этотъ желѣзнякъ находится почти исключительно по восточному склону Урала. На Уралѣ есть цѣлыя горы магнитнаго желѣзняка, таковы: *Кочканоръ*, *Высокая* и *Благодать*.

Мѣдныя руды на Уралѣ гораздо разнообразнѣе желѣзныхъ и расположены также преимущественно на восточной сторонѣ его; кромѣ самородной, мѣдь встрѣчаютъ въ видѣ малахита, мѣднаго колчедана, мѣднаго блеска и другихъ.

Изъ мѣсторожденій драгоцѣнныхъ камней на Уралѣ особенно замѣчательны: копи, находящіяся между озерами Ильменемъ и Аргаяшемъ, въ которыхъ находятъ *безцвѣтный топазъ* (тяжеловѣсъ).

Мурзинскія копи, въ 100 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Екатеринбурга, гдѣ добываютъ *топазъ* и *бериллъ*.

Къ югу отъ мурзинскихъ рудниковъ находятся копи, въ которыхъ встрѣчается весьма дорогой камень *аметистъ*.

Кромѣ того, на Уралѣ есть множество полезныхъ минераловъ и драгоцѣнныхъ камней, между которыми находятся въ золотыхъ розсыпяхъ и алмазы, но они не такъ давно еще открыты и количество ихъ сравнительно невелико. Минеральными же водами и каменнымъ углемъ Уралъ бѣденъ.

Промышленость, добывая богатства Урала, усѣяла его (въ особенности средній) множествомъ городовъ, селъ и заводовъ. Въ настоящее время заводы на Уралѣ трехъ родовъ: казенные,

частные и посессіонные, т. е. такіе, владѣльцамъ которыхъ казна помогаетъ деньгами, лѣсомъ, землей или рудой.

Первое мѣсто, не только между уральскими, но и всѣми заводами Россіи, принадлежитъ Нижне-Тагильскимъ, составляющимъ собственность наслѣдниковъ Демидова. Округъ этихъ заводовъ находится въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губ. и заключаетъ въ себѣ 640,000 десятинъ земли, изъ которой 550,000 подъ лѣсомъ, съ населеніемъ въ 256,000 душъ мужескаго пола. Землей и лѣсомъ округъ пользуется отъ казны; онъ имѣетъ 9 заводовъ, на которыхъ работаютъ 15,500 человѣкъ. Всѣ эти заводы замѣчательны какъ разнообразіемъ издѣлій, такъ и техническимъ устройствомъ. Лучшія машины и превосходные мастера, познанія которыхъ переходятъ отъ отца къ сыну, работаютъ на Демидовскихъ заводахъ; желѣзо этихъ заводовъ съ клеймомъ «*старый соболь*» славится въ Европѣ. Селеніе Нижне-Тагильскъ превосходитъ красотою и числомъ жителей многіе губернскіе города. Въ этомъ округѣ ежегодно выплавляется чугуна 1,840,000 пуд., мѣди 98,550 п., желѣза въ разныхъ видахъ 984.000 п., платины 70 п. и золота 20 пудовъ.

Рядомъ съ Нижне-Тагильскимъ округомъ находится Верхъ-Исетскій, принадлежащій нынѣ графинѣ Стенбокъ-Ферморъ, бывшій Яковлева. Въ округѣ 8 главныхъ и 6 вспомогательныхъ заводовъ. Спеціальностью ихъ считается приготовленіе листоваго желѣза и жести. Ежегодная производительность округа состоитъ изъ 700,000 пуд. чугуна, отъ 300,000 — 400,000 п. желѣза, около 500 п. стали, 7,000 п. мѣди и 20 п. золота. Изъ желѣза приготовляется 250,000 — 300,000 п. листоваго и 500 п. жести. Заводы получаютъ пособіе отъ казны землею и лѣсомъ, а прежде получали и людьми.

Цѣнность металловъ, выработываемыхъ на всѣхъ частныхъ заводахъ Урала, простирается до 20 милліоновъ р. с. въ годъ.

Казенные Уральскіе заводы, въ сравненіи съ частными, имѣютъ для общества совершенно иное значеніе, потому что всѣ продукты, получаемые съ нихъ, идутъ въ казну; въ вольную продажу отпускаются желѣзо и чугунъ только бракованный и

лишній. Казенные заводы на Уралѣ образуютъ 6 округовъ: Екатеринбургскій, Златоустовскій, Гороблагодатскій, Богословскій, Пермскій и Камсковоткинскій. Такъ какъ главное значеніе казенныхъ заводовъ составляетъ снабженіе войскъ оружіемъ, то въ казенныхъ округахъ Урала, кромѣ заводовъ, есть много фабрикъ, на которыхъ выдѣлываются сабли, кирасы (латы), пушки, якоря и проч. Послѣднее время для выдѣлки орудій (пушекъ) изъ литой стали построена въ Златоустовскомъ округѣ Князе-Михайловская фабрика. На всѣхъ казенныхъ заводахъ работаетъ 40,000 человѣкъ и цѣнность добываемыхъ металловъ простирается ежегодно почти до 4 милліоновъ р. с.

Начало горнаго промысла на Уралѣ принадлежитъ первобытнымъ обитателямъ его, извѣстнымъ подъ именемъ *чуди*. Это доказывается старинными рудокопными ямами и находимыми въ нихъ человѣческими скелетами, орудіями, кожаной одеждой и другими предметами. Ямы встрѣчаются къ югу отъ Верхотурья на азіятской сторонѣ Урала. *Чудь* было племя довольно промышленое, знало много искусствъ и употребленіе металловъ. Гробницы свои украшали яшмовыми глыбами; они имѣли обыкновеніе хоронить всадника вмѣстѣ съ лошадью, мертвецовъ украшали бляхами, золотыми цѣпочками и др. вещами. Это племя совершенно исчезло, и послѣ него нѣсколько столѣтій руда на Уралѣ не разрабатывалась.

Въ Россіи начало горнаго дѣла относится къ княженію Іоанна III. При немъ, вскорѣ послѣ покоренія Новагорода, была послана ученая экспедиція изъ двухъ нѣмцевъ и нѣсколькихъ русскихъ на рѣку Печору. Поиски этой экспедиціи увѣнчались успѣхомъ: было найдено серебро и мѣдь, съ тѣхъ поръ русскіе стали чеканить монету изъ своего металла. Памятникомъ тогдашнихъ успѣховъ русскихъ въ горномъ дѣлѣ можетъ служить царь-пушка, отлитая въ 1488 году. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ мы имѣли уже своего литейщика, который, между прочимъ, отлилъ пушку (дробовикъ), вѣсившую 2,400 пудовъ. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ особенно прославилась въ горномъ дѣлѣ фамилія Строгоновыхъ (предки нынѣшнихъ графовъ Строгоно-

выхъ). Царь отдалъ имъ земли, пограничныя съ Сибирью, требуя, чтобы Строгоновы защищали этотъ край отъ набѣговъ Сибирскихъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ имъ варить соль, заводить селенія, торговать рыбой, а впослѣдствіи добывать желѣзо, мѣдь, олово и сѣру.

Сильное развитіе горнозаводская промышленость получила у насъ со времени Петра Великаго. Считая минеральныя богатства за *благословеніе Божіе*, Петръ, въ 1700 году, учредилъ Рудный Приказъ, а впослѣдствіи Бергъ-Коллегію, основалъ чугунно-литейный и желѣзо-дѣлательный заводы: Невьянскій и раньше его Каменскій, существующій понынѣ родоначальникъ всѣхъ уральскихъ заводовъ. Мѣсто Строгоновыхъ при Петрѣ заступаютъ Демидовы. Тульскій кузнецъ Никита Демидовъ своимъ умомъ и искусствомъ обратилъ на себя вниманіе Петра и сдѣлался основателемъ горнозаводской промышлености на Уралѣ. При преемникахъ Петра I горное дѣло пришло въ упадокъ отъ недостатка людей, спеціально изучавшихъ этотъ промыселъ; поэтому при Екатеринѣ II было основано горное училище. Въ царствованіе Императора Александра I горное дѣло перешло въ вѣдѣніе министерства финансовъ, а при Николаѣ I горное училище преобразовано въ институтъ горныхъ инженеровъ. Въ это же царствованіе особенно развилось добываніе золота изъ розсыпей. Императоръ Александръ II, 19 февраля 1861 г., значительно облегчилъ жизнь рудокоповъ: всѣ они теперь служатъ по найму и надѣлены землею.

Такому развитію горнаго дѣла Уралъ обязанъ своимъ рѣкамъ, принадлежащимъ къ самымъ колоссальнымъ рѣчнымъ системамъ Европы, богатству лѣсовъ и обилію минераловъ.

Изобиліе снѣговъ и водъ значительно облегчили устройство заводовъ. Благодаря богатству водъ, на Уралѣ устраиваются бассейны, безъ которыхъ не могли бы производиться плавильныя и горнозаводскія работы. Рѣки, берущія начало въ Уральскомъ хребтѣ, облегчаютъ пути сообщенія и даютъ возможность дешевле сплавлять металлы во внутреннюю Россію. Безъ лѣсовъ немыслима была бы работа на чугуно-плавильныхъ за-

водахъ. Минеральное же богатство привлекаетъ на Уралъ людей, вносящихъ сюда просвѣщеніе, которое отсюда распространяется въ Сибирь, благодаря совершенной доступности Урала. Такимъ образомъ, роль Урала — соединить двѣ части свѣта и быть посредникомъ интересовъ народовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга въ продолженіе тысячелѣтій. Контрастъ въ этомъ отношеніи представляетъ Кавказъ, гдѣ неприступность горъ, бѣдность ископаемаго царства и воинственный духъ жителей, до самаго послѣдняго времени, служили непреодолимою преградою для сношеній Европы съ Азіей.

2. Золотыя розсыпи на Уралѣ.

(Ст. Щуровскаго изъ „Рус. Вѣст." 1864 г. № 3.)

Мы уже знаемъ, что древне-огневыя или плутоническія массы, прорываясь наружу и поднимая земную кору, образовали въ ней множество трещинъ или рязсѣлинъ. Нѣкоторыя изъ этихъ трещинъ до сихъ поръ остаются свободными и находятся почти въ постоянномъ сообщеніи съ поверхностію земли. Самое убѣдительное доказательство этого представляютъ намъ вулканы или огнедышащія горы. Другія наполнены различными веществами, поднявшимися нѣкогда изъ внутренности земли. Самыя огромныя изъ этихъ трещинъ обыкновенно заключаютъ въ себѣ гранитъ, порфиръ и другія плутоническія массы. Если бы можно было разрѣзать земную кору до самаго ея основанія, то въ этомъ разрѣзѣ огневыя или плутоническія массы, поднимающіяся изнутри земли по разсѣлинамъ и трещинамъ, представились бы намъ огромнѣйшими *жилами*, состоящими изъ гранита, порфира и т. п. Но тутъ же, посреди этихъ порфировыхъ и гранитныхъ жилъ, или въ близкомъ сосѣдствѣ съ ними, мы увидѣли бы еще другія разсѣлины или жилы, отличающіяся отъ предъидущихъ, во-первыхъ, несравненно меньшими размѣрами: онѣ гораздо тоньше предъидущихъ, и, во—

вторыхъ составомъ. Эти меньшія или болѣе узкія жилы вынесли изнутри земли все наше минеральное богатство: золото, серебро, мѣдь, желѣзо и другіе металлы, столь необходимые для жизни и составляющіе постоянный предметъ горныхъ разработокъ. Эти жилы, въ отличіе отъ гранитныхъ и порфировыхъ, называются обыкновенно *рудными* или *рудоносными* жилами, то есть такими жилами, которыя заключаютъ въ себѣ *руды*. Что такое руды? Подъ этимъ названіемъ разумѣются металлы въ самородномъ состояніи и металлы, такъ сказать, замаскированные, находящіеся въ соединеніи съ кислородомъ, кислотами, сѣрою, и съ перваго взгляда нисколько не похожіе на металлы, но которые извѣстными химическими способами можно добыть изъ этихъ соединеній. Такимъ образомъ, говоря, напримѣръ о желѣзныхъ рудахъ, мы разумѣемъ подъ этимъ всѣ тѣ минералы, изъ которыхъ можно добыть желѣзо.

Всѣ рудныя жилы, какой бы формы или свойства онѣ ни были, называются еще общимъ именемъ: *кореннымъ мѣсторожденіемъ* металловъ, то есть мѣстомъ первоначальнаго ихъ образованія.

Что жъ это значитъ? Развѣ есть еще другія мѣсторожденія, не коренныя? Развѣ металлы могутъ находиться и не въ жилахъ? Дѣйствительно, тѣ же металлы, которые съ самаго начала находились въ жилахъ, встрѣчаются иногда далеко отъ своего первоначальнаго мѣсторожденія, встрѣчаются въ такъ называемыхъ наносахъ, происшедшихъ отъ разрушенія жилъ или коренныхъ мѣсторожденій. Это уже вторичныя мѣсторожденія металловъ, не коренныя. Ихъ-то и называютъ обыкновенно *розсыпями* или *песками*.

Что же могло разрушить горы, заключавшія въ себѣ металлическія жилы? Начало такому разрушенію и образованію розсыпей, безъ всякаго сомнѣнія, было положено плутоническими потрясеніями, которыя происходили уже послѣ образованія металлическихъ жилъ. Но окончательно онѣ были разрушены внѣшними атмосферическими вліяніями. Кто не знакомъ съ природою лицомъ къ лицу, тому трудно представить, какъ

быстро разрушаются горы, если онѣ не защищены растительною землею или лѣсомъ. Голыя или обнаженныя горы представляются настоящими развалинами. Все способствуетъ ихъ разрушенію: снѣгъ, давящій на нихъ во время зимы, дождевыя воды, пробирающіяся между ихъ слоями лѣтомъ, быстрое дѣйствіе водяныхъ потоковъ, химическое дѣйствіе воды и воздуха, не быстрое, но чрезвычайно могучее, все это разрушаетъ и разлагаетъ самыя твердыя скалы. Дѣйствительно, въ горахъ происходятъ безпрерывно осыпи и обвалы, состоящіе изъ огромныхъ глыбъ и безчисленнаго множества мелкихъ обломковъ. Кто взбирался на вершины горъ, тому, вѣроятно, часто случалось встрѣчать этотъ хаосъ разрушенія. Еще на большое разстояніе отъ вершины огромныя массы бываютъ навалены однѣ на другія безъ всякаго порядка.

Такимъ образомъ розсыпи, заключающія въ себѣ какіе-либо металлы, суть не иное что, какъ наносы, залегающіе обыкновенно въ нагорныхъ долинахъ или логахъ, и видимо образовавшіеся отъ разрушенія окрестныхъ горъ, заключавшихъ въ себѣ металлическія жилы. По расположенію этихъ наносовъ слоями, можно догадываться, что въ образованіи ихъ должна была участвовать вода. Одна только вода въ состояніи была расположить ихъ такими слоями. Можно навѣрное полагать, что нагорныя долины или лога, покрытые въ настоящее время розсыпями, прежде были заняты озерами, и что эти озера, вмѣстѣ съ водяными потоками, воспринимали въ себя обломки разрушавшихся сосѣднихъ горъ и металлическихъ жилъ.

Но не всѣ металлы, какіе находились нѣкогда въ жилахъ или коренныхъ мѣсторожденіяхъ, встрѣчаются въ розсыпяхъ. Изъ того, что мы сказали о залеганіи розсыпей, въ мѣстахъ обыкновенно сырыхъ и болотистыхъ, уже само собою слѣдуетъ, что въ розсыпяхъ могли сохраниться и уцѣлѣть только такіе металлы, которые въ состояніи были противодѣйствовать этой сырости, слѣдовательно, одни только такъ называемые неокисляемые металлы, именно золото и платина; а всѣ прочіе,

за исключеніемъ весьма немногихъ, должны были въ теченіи времени уничтожиться сами собою.

Такимъ образомъ, подъ металлическими розсыпями почти исключительно разумѣются только *платиновыя* и *золотыя*. Мы остановимся на этихъ послѣднихъ.

Въ настоящее время золото во всѣхъ странахъ, гдѣ оно есть, добывается почти единственно изъ розсыпей, не потому, чтобы вовсе не было золотыхъ жилъ или коренныхъ мѣсторожденій золота, а потому, что разработка розсыпей, залегающихъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ, и по самому свойству ихъ, гораздо прибыльнѣе и легче, чѣмъ разработка жильнаго золота. Металлическія жилы, въ томъ числѣ и золотыя, большею частію, опускаются очень глубоко внутрь земли, саженъ на 50—100 и болѣе, слѣдовательно для разработки своей требуютъ особыхъ и весьма сложныхъ построеній. Эти построенія называются обыкновенно *рудникомъ* — золотымъ, серебрянымъ и т. д., смотря по тому, что составляетъ предметъ разработки. Представьте себѣ жилу, опускающуюся внутрь земли подъ какимъ-либо угломъ. Для разработки ея прежде всего надо опустить вертикальный ходъ, родъ глубокаго колодца. Его называютъ шахтою. Потомъ отъ этого вертикальнаго хода или шахты, на извѣстныхъ разстояніяхъ, для пересѣченія жилы, проводятся горизонтальные ходы, называемые штольнами или ортами. Далѣе ведутся такъ называемые флигельорты или штреки, ходы по направленію самой жилы, для непосредственной ея разработки. Всѣ эти ходы, большею частію, требуютъ крѣпленія деревяннаго или каменнаго. Кромѣ того, при всякомъ рудникѣ есть много вспомогательныхъ построеній: одни необходимы для освобожденія рудника отъ воды (водоотливныя штанговыя машины), другія для провѣтриванія рудника (луфтлёхи) и т. п. Однимъ словомъ, разработка рудника требуетъ большихъ научныхъ соображеній и чрезвычайныхъ издержекъ, между тѣмъ, какъ разработка розсыпи, производимая большею частію на открытомъ воздухѣ, не представляетъ и десятой доли этихъ затрудненій. Вотъ почему въ

наше время золотые рудники пали, и всѣ капиталы, особенно частныхъ золотопромышлениковъ, обратились на обработку розсыпей.

Самыми богатыми золотыми розсыпями въ настоящее время почитаются тѣ, которыя находятся въ Америкѣ (въ Калифорніи и Канадѣ), въ Австраліи и у насъ въ Россіи.

Гдѣ же залегаютъ наши русскія розсыпи? Другими словами: какія изъ горъ заключали въ себѣ золотыя жилы, и своимъ разрушеніемъ содѣйствовали образованію розсыпей?

Золотоносными горами преимущественно оказываются тѣ, которыя имѣютъ меридіональное направленіе или простираются отъ сѣвера къ югу.

Между такими горами первое мѣсто занимаютъ Уральскія горы, этотъ огромный хребетъ, простирающійся по меридіану отъ острова Вайгача на сѣверѣ, до параллели Аральскаго моря на югѣ. Уралъ, такимъ образомъ понимаемый, занимаетъ въ длину около 30 градусовъ широты, и на всемъ этомъ протяженіи золотоносенъ. Но собственно тамошнія розсыпи до сихъ поръ были разработываемы только въ предѣлахъ населеннаго Урала, именно отъ Всеволодо-Благодатскаго округа до Киргизскихъ или Трухменскихъ степей. Притомъ, надо замѣтить, что Уральскія розсыпи почти исключительно принадлежатъ одной восточной или сибирской сторонѣ хребта, между тѣмъ, какъ на западной или европейской сторонѣ того же хребта ихъ очень мало, и тѣ, которыя есть, оказываются довольно бѣдными. Уральскихъ розсыпей чрезвычайно много, но вообще можно раздѣлить ихъ по горнымъ округамъ. Самые сѣверные, называются Всеволодо-Благодатскими; потомъ идутъ розсыпи округовъ Богословскаго, Гороблагодатскаго, Нижнетагильскаго, Екатеринбургскаго, Сысертскаго, Кыштымскаго, Златоустовскаго или Міясскаго *).

*) Въ Сибири къ болѣе замѣчательнымъ меридіональнымъ или золотоноснымъ горамъ относятся Алатагскія (Алатау), тѣ самыя горы, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ золотые промыслы Западной Сибири, и ближай-

Перейдемъ теперь къ болѣе частному описанію золотыхъ розсыпей и разсмотримъ ихъ составъ, длину, ширину и толщину.

Относительно этихъ частныхъ свойствъ розсыпи весьма неодинаковы. Въ длину онѣ простираются обыкновенно отъ 20 до 50, 100, 200 саж., на версту и гораздо болѣе. Ширина розсыпей большею, частію, согласуется съ шириною логовъ или нагорныхъ долинъ, и рѣдко бываетъ въ 50 саж., обыкновенно же не болѣе 15 или 20. Самая большая толщина ихъ не превышаетъ одной сажени, чаще же бываетъ въ одинъ или полтора аршина. Сверху розсыпь покрывается обыкновенно *пустымъ* наносомъ, т. е. наносомъ не содержащимъ золота,

---

шіе къ нимъ Восточные или Енисейскіе. Въ географическихъ сочиненіяхъ Алатагскія горы, большею частію, смѣшиваютъ съ Алтайскими. Но это двѣ совершенно различныя горныя системы. Алатау принадлежатъ къ меридіональнымъ горамъ; Алтай, напротивъ, простирается отъ запада къ востоку, и пересѣкаетъ Алатау почти подъ прямымъ угломъ. Алатагскія горы, подымаясь вверхъ почти по меридіану Телецкаго озера и, не достигнувъ еще города Кузнецка, раздѣляются на двѣ вѣтви. По своему протяженію, Алатау значительно уступаетъ Уралу; точнѣе сказать, онъ едва равняется одной Оренбургской части Урала, но во всемъ прочемъ имѣетъ съ нимъ чрезвычайное сходство. Относительно своего внутренняго образованія, Алатау есть какъ бы повтореніе Урала, или Уралъ въ миніатюрѣ. Подобно Уралу, восточный или Енисейскій склонъ Алатау вообще гораздо золотоноснѣе, чѣмъ западный или Томскій.

Въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ есть нѣсколько южныхъ цѣпей, которыя имѣютъ то же направленіе, какъ Алатау, и столько же или даже еще болѣе золотоносны, чѣмъ онъ. Этимъ-то горамъ собственно мы и обязаны тѣмъ чрезвычайнымъ богатствомъ, какое представляютъ розсыпи Восточной Сибири. Нѣкоторыя изъ тамошнихъ розсыпей сдѣлались настоящими эльдорадо золотопромышлениковъ, каковы напримѣръ Бирюсинскіе золотые промыслы, или тѣ, которые открыты къ рѣчкамъ Октолику, Питу, Пескинъ. Большая часть сибирскаго золота получается изъ Восточной Сибири, именно изъ тѣхъ розсыпей, которыя произошли отъ разрушенія тамошнихъ меридіоальныхъ горъ.

Такимъ образомъ сибирскія розсыпи залегаютъ на всемъ восточномъ склонѣ Урала, и потомъ по всей южной и средней полосѣ Сибири, начиная отъ Салаирскихъ горъ до Яблоннаго хребта и до начала Амура. Но есть указанія и на болѣе восточныя розсыпи.

толщиною въ одинъ или въ два аршина, а иногда въ двѣ и три сажени. Впрочемъ, есть и такіе случаи, гдѣ розсыпь залегаетъ прямо подъ черноземомъ или торфомъ, такъ что золото въ видѣ зеренъ и большихъ кусковъ нерѣдко было находимо между корнями растеній. Такое же разнообразіе представляютъ розсыпи и относительно количества золота, въ нихъ содержащагося, или относительно ихъ богатства. Весьма рѣдко случается, чтобы розсыпь на всемъ протяженіи своемъ была одинаково золотоносна или одинаково богата; большею частію, золото располагается въ ней какъ бы гнѣздами, и потому иногда отъ самыхъ богатыхъ мѣстъ вдругъ дѣлается переходъ къ самымъ бѣднымъ, или вовсе не содержащимъ золота; отъ этого случается, что розсыпь, обѣщавшая сначала несмѣтное богатство, подъ конецъ, или въ общемъ итогѣ, оказывается весьма обыкновенною. Богатство розсыпи опредѣляется числомъ золотниковъ или долей золотника, заключающихся въ 100 пудахъ песку. Среднее богатство или среднее содержаніе золота въ розсыпяхъ бываетъ въ $^1/_2$ золотника, въ 1, 2, 3 золотника на 100 пуд. песку, весьма рѣдко болѣе.

Впрочемъ, мы разумѣемъ тутъ обыкновенный ходъ дѣла; но бываютъ случаи, конечно весьма рѣдкіе, когда розсыпь выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, и становится особенно прибыльною, именно когда золото встрѣчается въ ней большими кусками, которые называютъ обыкновенно самородками. Такимъ крупнымъ золотомъ или самородками особенно богаты Міасскія розсыпи, находящіяся въ Оренбургской части Урала, и принадлежащія къ округу Златоустовскихъ заводовъ. Нѣкоторые изъ тамошнихъ самородковъ заключали въ себѣ чистаго золота 9, 10, 13, 16 фунтовъ и болѣе. Въ 1826 г. былъ найденъ тамъ золотой самородокъ въ 24 ф. 68 зол., и долго составлялъ предметъ всеобщаго удивленія; но въ 1843 г. онъ долженъ былъ уступить свою громкую извѣстность новому чуду-самородку въ 2 пуда 8 фунтовъ. Онъ найденъ въ той же розсыпи, въ какой и предыдущій. Замѣчательно, что эта драгоцѣнность лежала на глубинѣ только четырехъ аршинъ отъ земной по-

верхности, подъ основаніемъ золотопромывальной фабрики. Изъ золотыхъ самородковъ, найденныхъ въ Восточной Сибири, особенно замѣчательны два: одинъ въ 24 ф. изъ Кундустугольскихъ промысловъ, а другой въ 21 ф. 46 зол., найденный въ Минусинскомъ округѣ, по рѣкѣ Алгіаку. Вѣсу въ этомъ послѣднемъ самородкѣ, вмѣстѣ съ жильною породой, именно съ кварцемъ, было 1 п. 5 ф. 81 зол. Въ этомъ видѣ онъ былъ на петербургской выставкѣ русскихъ мануфактурныхъ произведеній 1861 г.

Признаками, которыми руководствуются при отысканіи золотыхъ розсыпей, должны служить по преимуществу долины или логи, окруженные діорито-змѣевиковыми горами, выступившими изъ земли въ одно время съ золотоносными жилами. Эти самыя горы и служили матеріаломъ для образованія розсыпей. Дѣйствительно, розсыпи состоятъ изъ обломковъ этихъ горъ, именно: изъ діорита или зеленаго камня, змѣевика, сіенита, протогина (березита) и охристаго кварца, наполнявшаго нѣкогда жильныя трещины и непосредственно заключавшаго въ себѣ золото. Конечно, кромѣ этихъ главныхъ частей, въ розсыпяхъ находятся еще различные минералы; нѣкоторые изъ нихъ были въ жилахъ вмѣстѣ съ золотомъ, а другіе произошли отъ разрушенія діоритовъ и змѣевиковъ, каковъ, напримѣръ, магнитный желѣзнякъ, играющій тутъ весьма важную роль въ видѣ болѣе или менѣе крупнаго порошка или песка. Магнитный песокъ—постоянный спутникъ золота. Сверхъ того, въ розсыпяхъ всегда находятся глина и обыкновенный песокъ, занесенные сюда водяными нагорными потоками.

Теперь перейдемъ къ другому, именно: какъ добывается золото изъ розсыпей? Какъ отдѣлить его изъ этой груды различныхъ горныхъ обломковъ, перемѣшанныхъ съ глиною, обыкновеннымъ пескомъ и другими минералами?

По признакамъ, на которые мы указали, почти всегда можно догадываться о залеганіи розсыпи въ той или другой мѣстности. Но это не значитъ еще, чтобы она навѣрное тутъ находилась. Еще менѣе по этимъ признакамъ можно судить о бо-

гатствѣ розсыпи, или о болѣе или менѣе прибыльной ея разработкѣ. Для этой послѣдней цѣли дѣлается предварительная развѣдка самой розсыпи, то есть предварительно опредѣляются ея составъ, толщина, обширность и приблизительное богатство. Все это почти исключительно производится такъ называемою *шурфовкою.* По направленію розсыпи на извѣстныхъ разстояніяхъ роются ямы или колодцы, называемые *шурфами,* и пески, изъ нихъ получаемые, тутъ же промываются на ручныхъ вашгердахъ. По количеству добытаго при этомъ золота судятъ о бо́льшемъ или меньшемъ богатствѣ розсыпи. Тутъ же опредѣляется само собою и свойство песковъ, болѣе или менѣе удобная ихъ промывка, а по расположенію шурфовъ можно судить о пространствѣ, занимаемомъ розсыпью. Если пустые наносы, покрывающіе розсыпь, имѣютъ слишкомъ большую толщину, то шурфованіе замѣняется иногда буреніемъ; но этотъ способъ развѣдки никогда не можетъ привести къ такимъ точнымъ результатамъ, какъ шурфованіе.

Положимъ, что вслѣдствіе предварительной развѣдки, розсыпь оказалась довольно прибыльною: тогда приступаютъ къ ея разработкѣ.

Разработка розсыпи можетъ быть или открытая или подземная. Выборъ того или другаго изъ этихъ способовъ преимущественно зависитъ отъ бо́льшей или ме́ньшей толстоты пустаго наноса, покрывающаго розсыпь. Если этотъ наносъ имѣетъ незначительную толщину, аршинъ или менѣе, то при разработкѣ розсыпи его снимаютъ; но если пустой наносъ толщиною въ 3 сажени и болѣе, то снимать его было бы неразсчетливо: это потребовало бы весьма значительныхъ издержекъ и времени. Въ такомъ случаѣ находятъ болѣе выгоднымъ вести подземную работу.

Открытая разработка состоитъ въ томъ, что по ширинѣ, либо длинѣ розсыпи, проводятъ разрѣзъ, отъ котораго ведутъ потомъ забой небольшими уступами. Такая разработка, въ случаѣ надобности, производится иногда и зимою; но тогда добываемые пески должны быть предварительно оттаиваемы.

Для подземной разработки розсыпи опускаютъ въ нее вертикальный ходъ или шахту, и потомъ отъ этой шахты посрединѣ розсыпи проводятъ главный или такъ называемый откаточный штрекъ. Далѣе отъ этого штрека проводятъ на извѣстныхъ разстояніяхъ, поперечныя орты, а отъ нихъ новыя поперечныя, и образовавшіяся такимъ образомъ отдѣльныя части розсыпи (цѣлики) вынимаются и откатываются къ шахтѣ. Само собою разумѣется, что всѣ означенные ходы требуютъ весьма прочнаго крѣпленія.

Добытые пески промываютъ. Промывка золотоносныхъ песковъ имѣетъ цѣлью отдѣлить золото отъ всѣхъ обломковъ, мелкаго горнаго щебня, глины и другихъ минераловъ, съ которыми оно тутъ смѣшано. Операція эта основана на томъ, что золото тяжелѣ всѣхъ другихъ, смѣшанныхъ съ нимъ, минераловъ, и потому всего труднѣе уносится водою.

Самое простое устройство для промывки песковъ есть такъ называемый *плоскій ручной вашгердъ*. Это наклоненная плоскость, составленная изъ поперечныхъ досокъ, плотно пригнатыхъ одна къ другой и ограниченная съ трехъ сторонъ брусками. Верхняя часть этой плоскости называется *головкою*, а нижняя *хвостомъ*. Поперекъ вашгерда утверждаются еще три бруска или три невысокія перегородки. Самая верхняя изъ этихъ перегородокъ, вмѣстѣ съ головкою, образуетъ родъ ящика въ который пускается вода изъ трубы, либо изъ жолоба, и переливается на вашгердъ ровною струею. Два другія бруска устанавливаются на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго и задерживаютъ при промывкѣ болѣе тяжелыя части песка. Хвостъ описываемаго вашгерда лежитъ на головкѣ другаго небольшаго вашгерда, на которомъ улавливаются частицы золота, снесеннаго водою.

Самая промывка на вашгердѣ производится такъ: наваливаютъ на головку его отъ 2 до 3 п. цѣльнаго песку; пускаютъ воду, и деревяннымъ гребкомъ растираютъ песокъ, поднимая его безпрестанно къ головкѣ вашгерда, отчего землистыя и глинистыя части песка уносятся водою, а болѣе крупныя и

тяжелыя остаются на вашгердѣ; эти крупныя части, тщательно обмытыя, осторожно сгребаютъ. При неоднократномъ повтореніи такого дѣйствія, у головки вашгерда остается наконецъ почти однообразный и, бо́льшею частію, желѣзистый песокъ, разумѣется, вмѣстѣ съ золотомъ, содержащимся въ немъ. Тогда пріостанавливаются дальнѣйшимъ промываніемъ, а дѣлаютъ вторую и другія завалки, пока не промоютъ отъ 12 до 18 пудовъ песка, и не приведутъ его въ то равномѣрное состояніе, о которомъ мы говорили. Послѣ этого приступаютъ къ такъ называемой *смывкѣ* вашгерда, которая состоитъ въ слѣдующемъ: средній изъ брусковъ вынимаютъ, пускаютъ воду и противъ ея теченія нѣсколько разъ поднимаютъ гребкомъ массу равномѣрнаго желѣзистаго песка. Понятно, что при этомъ песокъ еще болѣе вымывается, и когда онъ получитъ довольно темно-сѣрый цвѣтъ, то его сгоняютъ съ вашгерда волосяною щеткою въ особое корыто. Песокъ, доведенный до этой степени промывки, называется *сѣрымъ шлихомъ*. Въ десяти-часовую смѣну дѣлаютъ отъ 5 до 8 смывокъ, изъ коихъ каждая предполагаетъ отъ 13 до 18 пуд. промытаго песка; слѣдовательно, одинъ промывальщикъ, находящійся при вашгердѣ, обрабатываетъ отъ 60 до 90 пуд. песку, смотря по количеству песка, старанію и искусству.

Сѣрые шлихи, для окончательнаго извлеченія изъ нихъ золота, подвергаются промывкѣ на *очистительномъ вашгердѣ*. Этотъ послѣдній отличается отъ обыкновеннаго вашгерда только нѣсколько ме́ньшими размѣрами и бо́льшимъ наклоненіемъ. Сѣрый шлихъ доводятъ тутъ до состоянія такъ называемаго *чернаго шлиха*. Извлеченіе золота изъ сего послѣдняго дѣлается такъ: массу чернаго шлиха разравниваютъ гребкомъ посрединѣ вашгерда, пускаютъ воду, и, посредствомъ волосяной щетки, поднимаютъ противъ воды. Это повторяется нѣсколько разъ, пока золото не отдѣлится довольно рѣзко отъ прочей массы шлиха. Тогда золото снимаютъ съ вашгерда желѣзною лопаточкою и кладутъ въ мѣдную чашечку, въ которой оно просушивается. Магнитный песокъ, примѣшавшійся къ золоту, оттягивается

отъ него магнитомъ. Очищенное такимъ образомъ золото взвѣшивается, и потомъ кладется въ мѣдную банку.

Изъ всѣхъ средствъ, служащихъ для механическаго отдѣленія золота изъ песковъ, промывка на плоскомъ вашгердѣ почитается самымъ лучшимъ, при надлежащемъ искусствѣ и стараніи промывальщика. Но для каловаго производства или производства въ большомъ видѣ, эта промывка неудобна, такъ какъ она требуетъ много рабочихъ рукъ, и, кромѣ того, завися отъ произвола промывальщиковъ, не можетъ подлежать строгому учету. При валовомъ производствѣ гораздо выгоднѣе извлекать золото изъ песковъ посредствомъ машинной обработки.

Устройство золотопромывальныхъ машинъ чрезвычайно разнообразно. Вообще онѣ представляютъ собою какъ бы сложный вашгердъ, и ими производятся тѣ же самыя операціи, какія мы видѣли выше, т. е.: а) протирка песковъ, б) отмывка ихъ до сѣраго шлиха, и в) наконецъ, отдѣленіе золота изъ шлиховъ. Машины для промывки золотыхъ песковъ доведены у насъ до большаго совершенства. Одна такая машина, въ двѣ десятичасовыя смѣны, въ состояніи промыть болѣе 15,000 п. песка.

3. Поѣздка въ Илецкую-Защиту.

(Магаз. Земл. и Пут., ст. Бабста.)

Изъ Казани выѣхали мы при самой неблагопріятной погодѣ; однако, не смотря на грязь и слякоть, татары везли отлично, такъ что въ седьмомъ часу вечера мы были уже въ Шуранѣ, большомъ селѣ на Камѣ, гдѣ слѣдовало черезъ нее переправляться. Шириною и полноводіемъ Кама далеко превосходитъ въ этомъ мѣстѣ Волгу подъ Симбирскомъ. Она очень быстра и во время переправы имѣла въ себѣ нѣчто внушающее; ея волны, сильно гонимыя вѣтромъ, съ шумомъ плескались о плохой досчаникъ, который стоналъ и скрипѣлъ самымъ пла-

чевнымъ и заунывнымъ образомъ, и бросали его изъ одной стороны въ другую. «Табань!» закричалъ рулевой, и мы вышли на берегъ, гдѣ горѣлъ привѣтливый огонекъ, около котораго сидѣли перевозчики и варили себѣ уху, отъ которой не отказались бы многіе изъ гастрономовъ.

При самомъ въѣздѣ въ Чистополь легко можно замѣтить, что здѣсь живетъ народъ промышленый и богатый. Много каменныхъ домовъ съ лавками бросаются въ глаза, но особенно оригинальный видъ придаютъ ему вѣтреныя мельницы, которыхъ здѣсь множество. Его положеніе на главномъ торговомъ пути къ сторонѣ Закамской и на большой Оренбургской дорогѣ много способствуетъ его процвѣтанію и богатству. Сюда привозятъ хлѣбъ изъ центральныхъ базаровъ уѣзда и потомъ уже сплавляютъ внизъ по Камѣ, поэтому сбытъ хлѣба составляетъ главную торговую промышленость Чистополя.

Отъ Чистополя до Оренбурга на пространствѣ почти 600 верстъ, Бугульма единственный городъ. Дорога скучна и пустынна; рѣдко встрѣтишь обозъ, еще рѣже проѣзжаго. Начиная отъ Бугульмы и вплоть до самаго Оренбурга, тянутся съ небольшими промежутками то съ одной, то съ другой стороны Камы отрасли Общаго Сырта; мѣстность имѣетъ исключительно степной характеръ. По широкой долинѣ течетъ рѣка Икъ, одна изъ самыхъ живописныхъ рѣкъ здѣшняго края, орошая эти плодоносныя степи. Многочисленныя стада овецъ, рогатаго скота, лошади, бродятъ косяками по степи. Глазъ, привыкшій въ Великороссійскихъ губерніяхъ къ болѣе густому народонаселенію, привыкшій часто встрѣчать на пути деревни, поражается гладкимъ, ровнымъ однообразіемъ степей.

Большая дорога населена татарами, за исключеніемъ нѣсколькихъ русскихъ и мордовскихъ деревень. Русскія деревни — это молодыя колоніи въ татарщинѣ. Островками выдаются онѣ среди татарскихъ деревень, сохраняя съ величайшею заботливостью старинные обычаи и повѣрья родины. Въ особенности это замѣтно на курскихъ переселенцахъ, которыхъ здѣсь болѣе чѣмъ другихъ, перенесшихъ сюда свои малороссійскія при-

вычки. Послѣ закоптѣлыхъ, сѣрыхъ татарскихъ деревень и монгольскихъ лицъ, глазъ пріятно поражается, встрѣчая бѣлыя и чистыя мазанки, передъ которыми сидитъ на завалинкѣ, въ бѣлой свиткѣ, хохолъ съ длинными усами и смуглымъ правильнымъ лицемъ, или когда вдругъ услышите не монотонную, напоминающую призывы къ молитвѣ татарскую пѣсню, но мелодическій напѣвъ пѣсни малороссійской.

За Оренбургомъ тянется необозримая Киргизъ-Кайсацкая степь, по которой разбросаны кое-гдѣ холмы, придающіе мѣстности волнистый видъ. На каждыхъ 10 или 12 верстахъ разставлены форпосты. Иногда попадаются кибитки киргизовъ, небольшіе выселки, избы изъ тонкаго лѣса, чаще изъ плетня, обмазанныя глиной и выбѣленныя.

Вотъ показалось вдали нѣсколько движущихся черныхъ точекъ, — онѣ приближаются, увеличиваются. Вы видите, что движется какая-то большая масса. Вотъ, наконецъ, онѣ, эти точки, передъ вами. Это верблюды, и на первомъ изъ нихъ раскачивается киргизъ въ своемъ малахаѣ. А вотъ ѣдетъ вѐрхомъ и киргизка въ высокой шапкѣ, обвернутой бѣлымъ полотномъ; у ней сзади за спиной торчитъ ребенокъ.

Наконецъ, вдали показалась Илецкая гипсовая гора, а за нею брустверъ крѣпостцы Илецкой Защиты — богатѣйшаго въ цѣломъ свѣтѣ мѣсторожденія каменной соли.

Стукъ топоровъ поражаетъ слухъ при самомъ въѣздѣ въ крѣпость, такъ какъ возлѣ нея настоящее мѣсто разработки. Эта маленькая крѣпостца обязана своимъ существованіемъ единственно соляному промыслу. Она состоитъ изъ землянаго вала, имѣющаго видъ неправильнаго четыреугольника. Въ крѣпость ведутъ двое воротъ: въ одни изъ нихъ въѣзжаютъ пустыя фуры для нагрузки соли, въ другія выѣзжаютъ нагруженныя; при послѣднихъ устроена контрольная застава съ вѣсами для взвѣшиванія возовъ съ солью, а снаружи гауптвахта. Въ крѣпости помѣщается соляное правленіе, лабораторія, магазины для складки соли и горная школа.

Наружный видъ мѣсторожденія илецкой каменной соли представляетъ волнообразную поверхность, происходящую отъ прежнихъ неправильныхъ работъ киргизовъ, башкирцевъ и мещеряковъ. Они добывали соль ямами и, не имѣя хорошихъ орудій, не зная правильныхъ работъ, мѣняли часто мѣста. Оттого произошли болѣе или менѣе значительныя углубленія, которыя, наполняясь дождевою и снѣжною водою, образовали маленькія озера.

Масса соли въ Илецкой-Защитѣ лежитъ въ видѣ огромной, неправильной глыбы, что въ горномъ дѣлѣ называется солянымъ *штокомъ* *). Штокъ этотъ покрытъ слоемъ земли не равной толщины, отъ нѣсколькихъ аршинъ до нѣсколькихъ саженъ; во всѣ стороны отъ него разстилается холмистая степь. На сѣверной сторонѣ возвышается гипсовая гора, оканчивающаяся на западѣ утесомъ. Она издали похожа на огромный, насыпной курганъ и служитъ до сихъ поръ маякомъ для каравановъ, идущихъ изъ Хивы въ Оренбургъ. Гора имѣетъ протяженіе на востокъ, здѣсь уже она не такъ высока и служитъ пристанищемъ, въ бурное зимнее время, киргизамъ, кочующимъ по берегамъ Илека. Гипсовая гора служитъ границею соляному штоку; за нею, по другую сторону идетъ почва плодоносная, въ которой незамѣтно никакихъ признаковъ соли. Верстахъ въ двухъ отъ Илецкой-Защиты есть источники прѣсной воды, которые, сливаясь, образуютъ Малую-Ельшанку, огибающую гору и юго-восточную часть штока. Съ западной стороны течетъ Большая-Ельшанка, которая, какъ всѣ степныя рѣчки, то исчезаетъ въ землѣ, то вновь появляется; приближаясь же къ соляному штоку, она расширяется здѣсь на плоской поверхности и ча-

*) Мѣста земной коры, въ которыхъ заключаются полезные минералы, иначе *мѣсторожденія* ихъ, чрезвычайно разнообразны по виду и называются, кромѣ штока: *пластами*, когда минералы лежатъ подъ землею слоями, *жилами*, когда они заключаются въ трещинѣ земной коры, и *розсыпями*, когда ихъ находятъ въ пескѣ и камняхъ по берегамъ рѣкъ и долинамъ.

стію проникаетъ въ него, а частію исчезаетъ въ топкомъ болотѣ.

Вся неправильная масса штока каменной соли имѣетъ площадь: по Мурчисону — 2 версты длины и болѣе $1^1/_2$ в. ширины, по Небольсину — отъ сѣвера къ югу, 982 сажени, отъ востока къ западу 609 саженъ. Глубина мѣсторожденія соли до сихъ поръ не изслѣдована. Соль образуетъ весьма плотную, чистую массу, въ которой очень рѣдко попадаются тонкіе слои гипса. Кристаллы соли, имѣющіе ромбическую форму, до того плотно соединены, что распиливаются, не разсыпаясь. На поверхности соляной массы кристаллизація крупнѣе, и нерѣдко попадаются кристаллы отъ 10 до 20 фунтовъ вѣсу, но въ углубленіи штока кристаллизація мельче, масса соли постепенно становится крѣпче, скрѣпленія между кристаллами уже незамѣтно, ударъ молота производитъ звенящій, металлическій звукъ. Здѣсь соль изъ цвѣта синевато-бѣлаго переходитъ въ свинцовый и лишена прозрачности. Верхніе же слои имѣютъ совершенно безцвѣтную прозрачность и, отполированные, не уступаютъ хрусталю. Куски такого кристалла съ правильной формой называются сердцевиной, они удобно скоблятся ножемъ, и, когда вся шероховатая поверхность очистится, ихъ полируютъ на камнѣ песчаникѣ. Камень надо часто поливать водою, иначе отъ тренія кристаллъ разогрѣется и растрескается. Изъ сердцевины выдѣлываютъ разныя вещицы: солонки, подсвѣчники, зажигательныя стекла и т. д. Нерѣдко въ кристаллахъ встрѣчаются небольшія скопленія воды около 3 — 6 капель. На пріискѣ показываютъ нѣсколько такихъ обточенныхъ шаровъ, гдѣ видно, какъ капли переливаются въ пустомъ пространствѣ. Илецкая соль, истолченная въ порошокъ, принимаетъ самый высокій бѣлый цвѣтъ, вкусъ имѣетъ пріятный; вдвое тяжелѣе воды и растворяется въ ней въ пропорціи 20 частей на 100 при обыкновенной температурѣ.

По изслѣдованіямъ 1851 года мѣсторожденіе Илецкой соли заключаетъ въ себѣ болѣе 74 милліардовъ пудовъ. Съ 1806 по 1852 годъ добыто всего 42,917,170 пудовъ, т. е., среднимъ

числомъ, добывалось около 960,000 пудовъ въ годъ. Илецкія копи могли бы снабжать всю Россію (полагая по 35 миллiоновъ въ годъ) своею солью въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій.

Способъ добыванія соли нынѣшняго столѣтія былъ въ высшей степени не раціоналенъ; но съ того времени, какъ мѣсторожденіе поступило въ горное вѣдомство (1817), учреждена правильная разработка, называемая *разносомъ*, или, какъ ее тамъ называютъ, *разваломъ*.

Эта разработка происходитъ слѣдующимъ образомъ: сначала копаютъ яму до той глубины, на которой лежитъ соль, и выравниваютъ въ ней поверхность штока. Потомъ на выровненной поверхности вырубаютъ топорами продольныя и поперечныя борозды, т. е. небольшіе рвы, глубиною въ аршинъ, а шириною въ 3 вершка. Разстояніе между продольными 1, а между поперечными бороздами 2—3 аршина. Къ концу этой операціи все соленое поле представляется разрѣзаннымъ на большія глыбы или, какъ ихъ называютъ, *косяки* соли, отдѣленные отъ штока со всѣхъ сторонъ, кромѣ нижней. Для того, чтобы отдѣлить косякъ и съ этой стороны, употребляютъ большое бревно, лежащее на двухъ козлахъ съ боку солянаго штока. Это бревно называется барсъ. Толстымъ концомъ барса, окованнымъ желѣзнымъ обручемъ, бьютъ сбоку въ косякъ, раскачивая барсъ взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока косякъ совершенно не собьютъ съ мѣста. Иногда косяки сбиваются желѣзными клиньями; для этого внизу его просверливаютъ отъ семи до десяти дырочекъ, въ которыя вбиваютъ желѣзные клинья. При каждомъ изъ клиньевъ стоитъ работникъ и бьетъ въ него полупудовымъ молотомъ; отъ напора клиньевъ косякъ отдѣляется отъ штока, сворачивается въ сторону во́ротами и разбивается на комки отъ 2 до 5 пудовъ вѣса тѣми же клиньями и молотками. При этомъ получаются осколки, называемые *щебнемъ*. Комковая соль составляетъ высшій сортъ, а щебневая цѣнится дешевле. Та и другая соль выносится изъ развала и складывается въ *бунты* и *шатры* при самой разработкѣ. Каждый

кубическій аршинъ той и другой соли принимается въ бунты, по разсчету, основанному на опытѣ, за 47 пудовъ. Бунты складываются наподобіе домовъ длиною въ 10 — 15, шириною въ 5, а вышиною въ 2 — 3 сажени. Стѣны бунтовъ укладываются правильными камнями и сверху покрываются лубкомъ.

По мѣрѣ того, какъ соль вынимается, углубляется и развалъ. Въ 1852 году онъ былъ глубиною отъ поверхности штока на 10 саженъ. Съ восточной стороны разносъ соединяется съ прежними неправильными разработками, болѣе или менѣе углубленными. Скопившаяся въ этихъ разработкахъ дождевая вода, проникая въ разносъ, вредно дѣйствуетъ на соль и мѣшаетъ работамъ. Для отлива воды устроена водокачальная машина.

Рабочіе при копяхъ состояли прежде изъ ссыльныхъ, обращенныхъ въ 1849 году въ горнозаводскихъ. Теперь сюда уже не ссылаютъ, а берутъ для работъ вольнонаемныхъ. Многіе изъ горнозаводскихъ, уволенные отъ работъ, живутъ, по старости и неспособности, въ богадѣльнѣ; другіе успѣли скопить себѣ небольшіе капиталы, живутъ на своемъ содержаніи, имѣютъ домы и населяютъ слободку, подлѣ Защиты. Многіе изъ нихъ нанимаются возить соль и торгуютъ ею. Вольнонаемные рабочіе получали, въ 1852 году, отъ 6 — 7 рублей въ мѣсяцъ; это, большею частью, татары. Каждый работникъ среднимъ числомъ обязанъ выработать 47 пудовъ соли въ день. Въ дурную погоду, морозы и жары работъ не производится.

Цѣна соли назначается ежегодно особымъ распоряженіемъ, (не свыше 30 коп. за пудъ); на выработку же соли, храненіе ея и другія издержки разработки ассигнуется ежегодно изъ казны сумма, которая, въ 1852 году, разсчитывалась по 2 коп. сереб. съ пуда. Какъ велики издержки на перевозку и доставку соли опредѣлить трудно; извѣстно только, что онѣ чрезвычайно увеличиваютъ цѣнность илецкой соли, заставляя предпочитать ей въ Россіи другія соли, далеко уступающія илецкой въ качествѣ. Постройка желѣзной дороги чрезвычайно облегчила бы доставку и тѣмъ удешевила бы цѣнность илецкой соли.

Время открытія илецкихъ копей неизвѣстно, но онѣ разработываются съ XI вѣка. До 1744 года соль ломалась всѣми безпрепятственно, но уже въ 1727 году была обложена 3-хъ-копѣечною пошлиною. Съ 1744 года копи эти были взяты въ казну, и съ слѣдующаго года начата казенная разработка. Въ 1753 году въ Оренбургѣ учреждено соляное правленіе, а при самыхъ копяхъ и въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ соляные магазины; при этомъ сотникъ оренбургскихъ казаковъ Углицкій, взявшійся поставлять соль въ Оренбургъ, устроилъ здѣсь на свой счетъ защиту или крѣпостцу, въ которую назначенъ гарнизонъ. Во время пугачевскаго бунта Защита была разорена. Съ 1810 года проложенъ соляной путь въ Самару, гдѣ, въ 1817 году, учреждено соляное правленіе, перенесенное въ 1828 году въ Илецкую-Защиту.

3. Рыболовство на Уралѣ.

(Изъ ст. Небольсина.)

Благосостояніе уральца зависитъ отъ рыболовства. Бакчи съ арбузами и дынями семьи не прокормятъ; добыча солодковаго корня — бабье дѣло; содержаніе садовъ обычно только у немногихъ казаковъ, да и то уже зажиточныхъ и имѣющихъ осѣдлость около самаго Уральска и выше по Уралу; обзаводиться наживнымъ дѣломъ, баранами, не всякому подъ силу; хлѣбъ сѣять почти негдѣ, особенно въ низовьяхъ рѣкъ; заниматься торговлей разными товарами—капитала не хватитъ. Конечно, рыболовство тоже много требуетъ денегъ, да за то коли чуть казаку не въ моготу быть главнымъ дѣйствующимъ и независимымъ лицомъ, онъ идетъ либо въ работники къ богатому товарищу рыбопромышленику, либо составляетъ компанію, «артель», изъ такихъ же, какъ и самъ, не сильныхъ средствами пайщиковъ. Уральцы имѣютъ право рыбачить на р. Уралѣ, въ сѣверной части Каспійскаго моря въ длину верстъ на 100 и въ ширину верстъ на 70, въ озерѣ Чалкаръ, лежащемъ уже

по ту сторону Урала, въ Киргизской степи, а также и въ совершенно противоположномъ краю своихъ владѣній, на рр. Узеняхъ, въ сосѣдствѣ Самарской губерніи. Въ этихъ водахъ уральцы рыбачатъ круглый годъ, подчиняясь строгимъ законамъ.

Подъ городомъ Уральскомъ съ весны устраивается во всю ширину рѣки «учугъ»—перегордка, составленная изъ толстыхъ жердей и кольевъ. Цѣль устройства этого учуга та, чтобы рыба, которая зашла изъ моря въ рѣку, не могла проникнуть дальше учугà, вверхъ по Уралу. Учугъ этотъ стоитъ нѣсколько ниже города Уральска, что и составитъ отъ взморья верстъ, примѣрно, пятьсотъ съ небольшимъ. Въ промежуткѣ этомъ ни одинъ казакъ не смѣетъ самовольно ловить снастями рыбу. — Рыболовство производится здѣсь всею массою войска, разомъ и въ опредѣленное время, на опредѣленномъ пространствѣ, извѣстными орудіями, — все это лежитъ на обязанности войсковой канцеляріи. Кромѣ того, по р. Уралу, отъ Гурьева-городка до города Уральска въ каждомъ форпостѣ *) и крѣпости, независимо отъ мѣстныхъ начальниковъ, обязанныхъ охранять р. Уралъ, какъ отъ лова въ ней рыбы въ неположенное время, такъ и отъ порчи ятовей **), избираются еще особые дозорщики, изъ отставныхъ казаковъ, вся обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы охранять тишину и устранять всѣ случаи, которые могли бы испугать, всполошить рыбу. Въ неурочное время, дозорщики эти никому не дадутъ въ рѣкѣ выкупаться, никому не дозволятъ выкупать тутъ лошадь, или перегнать скотъ, не дадутъ воды зачерпнуть около ятовей, не дадутъ никому быстро и съ грохотомъ прокатиться по пловучему мосту у Гурьева. Но такъ какъ отъ форпоста до форпоста велико разстояніе и за нѣсколько верстъ трудно усмотрѣть за нарушителями невозмутимой ти-

---

*) Форпостомъ въ землѣ уральскаго войска называются села, — то же, что въ другихъ казачьихъ земляхъ станица.

**) Ятовями называются тамъ логовища, въ которыхъ рыба собирается большими стадами.

шины береговъ, то между каждыми селеніями устраиваются три караульные пункта. Вотъ какъ казаки оберегаютъ свою рыбу. Но за учугомъ воленъ всякій хозяйничать какъ ему угодно.

Рыболовство въ уральскомъ войскѣ, естественно, раздѣляется на морское и рѣчное, и самая рыба на красную и черную. Къ первому отдѣлу принадлежатъ всѣ тѣ породы рыбы, у которыхъ спинную кость замѣняетъ хрящъ, вязига. Сюда, стало быть, принадлежатъ: бѣлуга, осетръ, шипъ, севрюга и стерлядь. Изъ породъ черной рыбы первое мѣсто занимаетъ сомъ, сазанъ, судакъ и лещъ; потомъ разная мелкая рыба — окунь, ершъ и др.

Уральцы, какъ исконные рыбаки, совершенно увѣрены въ томъ, что рыба родится и растетъ — красная въ Каспійскомъ морѣ, а черная и въ морѣ, и въ рѣкахъ, и въ озерахъ. Разгуливая въ морѣ, красная рыба, къ веснѣ подходитъ къ берегамъ и входитъ въ самую рѣку, вѣроятно для того, чтобы выпустить икру. Въ маѣ мѣсяцѣ, какъ только вода начнетъ теплѣть, рыба отъ прибрежій и изъ рѣки уходитъ въ глубь моря; потомъ, съ половины іюля, когда вода становится холоднѣе, рыба снова возвращается на прежнія мѣста, и на зиму избираетъ себѣ постоянныя логовища, которыя и называются ятовями. Зимой, подо льдомъ рыба не идетъ; развѣ только въ первые заморозки и по наступленіи оттепелей. Въ прежніе годы рыбы, какъ въ морѣ, такъ и въ рѣкѣ, было несмѣтное количество. Теперь ее гораздо меньше. Причины тому: во-первыхъ, увеличеніе войсковаго народонаселенія, и во-вторыхъ, обмелѣніе устьевъ Урала и каспійскихъ култуковъ *). Кто, напримѣръ, не слыхалъ названія «Богатый култукъ». Еще въ восьмисотыхъ годахъ въ немъ была такая бездна красной рыбы, что пловцы, проѣзжавшіе по немъ на лодкахъ, опасались, чтобы ихъ не опрокинуло осетрами и севрюгами: рыба кишмя-кишѣла тутъ и спиралась въ несмѣтномъ множествѣ, такъ что одинъ слой ея стада буквально давилъ другіе слои. Теперь култукъ

*) Култуками называются заливы Каспійскаго моря.

этотъ сухъ и безрыбенъ; надо ждать сильной моряны: тогда только развѣ нагонитъ въ него и воды, и рыбы. Другіе култуки заросли камышами. А что скажемъ про устья Урала. Лѣтъ за сорокъ назадъ, рѣка Уралъ вливалась въ море восемью рукавами, изъ которыхъ четыре были судоходны; теперь вливается она только тремя, и самое глубокое изъ нихъ во время сѣвернаго вѣтра дѣлается до того мелкимъ, что по немъ нельзя проѣхать изъ моря въ маленькой лодкѣ. Вслѣдствіе же обмелѣнія устьевъ и пониженія уровня водъ, противъ устьевъ Урала образовались небывалые прежде острова и подводныя мели: стало быть, рыбѣ нѣтъ возможности входить въ рѣку, по-прежнему, громадными и въ нѣсколько рядовъ расположенными стаями.

Не смотря, однако, на ничтожныя часто выгоды и даже убытки, уральцы все-таки любятъ свой рыбный промыселъ и не разстаются съ нимъ.

Какая причина этому: привычка ли или наторѣлость въ дѣлѣ, съ которыми народъ вѣками сроднился, или свѣтлыя, заманчивыя, никогда не покидающія надежды на авось и удачу, или закоренѣлое пристрастіе къ занятію, къ которому казакъ готовится точно къ празднику, разсчитывая пустить въ ходъ всю свою сметку и все молодечество, или, просто, крайность и настоятельность нуждъ, при неплодородіи почвы, на цѣлыя 400 верстъ, отъ Гурьева-городка вверхъ по Уралу, представляющей страшную пустыню, спаленную солнцемъ, изсушенную трещинами и богатую одними солончаками — трудно рѣшить. Смотря по времени года, рыболовство у казаковъ носитъ разныя названія; напр.: съ началомъ зимы производится такъ называемое *презентное багренье*, а послѣ него — *малое и большое багренье*. Презентное багренье или багренье на царскій-кусъ продолжается только одинъ день, очень рѣдко долѣе послѣ того, какъ только ледъ окрѣпнетъ, цѣлою массою войска и производится при самой первой отъ города Уральска ятови. Весь уловъ, кромѣ мелочи, и полученная отъ него икра тотчасъ укладываются въ повозки и, съ особенной депутаціей, везется на почтовыхъ въ Петербургъ. Тотчасъ послѣ новаго года начинается

«аханное» рыболовство на Каспійскомъ морѣ. Весной войско принимается за *вешнее* рыболовство въ рѣкѣ и морѣ. Съ 15 іюня по 15 августа всякая ловля, начиная съ Уральскаго учуга вплоть до самаго моря, строжайше запрещается всѣмъ и каждому. Въ августѣ начинается на Каспійскомъ морѣ такъ называемый жаркóй ловъ или *осенній курхай*. Въ сентябрѣ на Уралѣ производится *осеннее неводное рыболовство*. Въ глубокую осень уральцы охотятся по островамъ за лебедями, гусями и утками, останавливающимися тутъ на отдыхъ при отлетѣ своемъ на зиму въ теплые края.

Обыкновенныя орудія, употребляемыя при ловляхъ: невода, блеснá и строгà. Невода вяжутся изъ пеньковой пряжи и бываютъ сотъ по пяти саженъ. Къ верхнему канату привязываются поплавки, а къ нижнему глиняные подгрузки. Неводъ вещь дорогая, а потому рѣдкій казакъ имѣетъ его. Большею частію, къ такому счастливцу вступаютъ въ компанію пайщики. Блесной рыба удится, а строгой она колется. Блесна — удочка съ кованой, въ видѣ рыбки, пластинкой; на крючекъ для приманки насаживается кусочекъ рыбки, обыкновенно судака. Строга или острога—родъ двуконечной заостренной вилы, насаженной на древко въ сажень длины. На копейцахъ намѣчены жаберки, чтобы приколотая рыба держалась на строгѣ.

Познакомившись съ общими чертами уральскаго рыболовства, перейдемъ къ болѣе частному и подробному описанію нѣкоторыхъ его видовъ. Для этого возьмемъ рыболовство на Каспійскомъ морѣ.

Въ Каспійскомъ морѣ бываютъ три общественные лова: вешній курхай *), осенній курхай или жаркой ловъ и аханное рыболовство.

*) Курхайскимъ это рыболовство называется оттого, что въ стародавніе годы казаки рыбачили въ такъ называемомъ Курхайскомъ-морцѣ, заливѣ морскомъ, или, правильнѣе сказать, степномъ озерѣ, не прѣсномъ, а горько-солёномъ, соединенномъ съ Каспіемъ небольшою рѣчкою. Морцо это впослѣдствіи совершенно высохло, и казаки въ немъ не ловили уже рыбы; между тѣмъ, старинное названіе ловли на Курхаѣ осталось въ войскѣ и перенесено на морской промыселъ.

Морское рыболовство производится цѣлымъ обществомъ казаковъ на всемъ пространствѣ войсковыхъ водъ, и въ опредѣленныхъ лишь для того участкахъ, а именно: при обоихъ курхаяхъ рыбачатъ вдали отъ устьевъ, чтобы не помѣшать рыбѣ идти въ рѣку Уралъ, а въ аханномъ, то есть зимою,—какъ можно ближе къ устьямъ, въ томъ вниманіи, что зимой рыба находится постоянно на избранныхъ ею мѣстахъ и въ Уралъ уже не входитъ.

Передъ началомъ лова отъ берега вглубь моря проводятся прямыя линіи выставкою кольевъ и пловучихъ знаковъ на легко видимомъ одинъ отъ другаго пространствѣ: эти прямыя линіи называются *бакенами*. Въ первыхъ двухъ линіяхъ, какъ самыхъ отдаленныхъ отъ устьевъ, промышленики выкидываютъ свои сѣти по жеребью; но количество сѣтей ограничивается общимъ, между желающими тутъ рыбачить, опредѣленіемъ. Въ остальныхъ двухъ линіяхъ, право на выставку сѣтей, на основаніи давнихъ обычаевъ, опредѣляется войсковымъ начальствомъ, именно: каждый простой казакъ въ правѣ выставить шесть сѣтей, а урядникъ девять; чиновникъ оберъ-офицерскаго званія выставляетъ вдвое противъ простаго казака, полковникъ—втрое; а подполковникъ и войсковой старшина только въ два съ половиною раза противъ казака. Назначенное каждому количество сѣтей, промышленикъ обязанъ выставить въ три линіи, то есть, другими словами, каждому казаку отводится, по жеребью, такое пространство въ морѣ, чтобы въ ширину своего участка онъ могъ выставить въ одну линію третью часть, предоставленныхъ ему по чину, сѣтей, полагая каждую сѣть въ двѣнадцать саженъ; за этой первой линіей, онъ выставляетъ второй такой же рядъ сѣтей и, наконецъ, третій рядъ. Стало быть, напримѣръ, войсковой старшина занимаетъ своими орудіями доставшійся ему участокъ моря въ шестьдесятъ саженъ ширины и въ каждой изъ трехъ линій выставляетъ по пяти сѣтей; простой же казакъ располагается на пространствѣ двадцатати четырехъ саженъ и выставляетъ только по двѣ сѣти въ каждомъ изъ трехъ ихъ родовъ. За этими опредѣленными тремя линіями,

каждому казаку, какого бы онъ чина ни былъ, предоставляется полное право выставить сѣтей сколько ему заблагоразсудится, гдѣ ему угодно и сколько онъ это въ силахъ сдѣлать.

Но такъ какъ весь снарядъ для морскаго лова обходится чрезвычайно дорого, потому что мореходныя суда, принадлежащія къ нимъ лодки, оснастка, прислуга, ея содержаніе, двухъмѣсячный запасъ провіанта, соль для посола рыбы, сѣти и всѣ принадлежности къ нимъ стоятъ большихъ денегъ, то казаку, и не простому, а даже иному полковнику, нѣтъ никакой возможности довольствоваться только тѣмъ числомъ сѣтей (а стало быть, и улавливаемою посредствомъ ихъ добычею), какое ему предоставлено по общему обычному положенію. Между тѣмъ, усилить свои средства и занять большимъ количествомъ судовъ и лодокъ мѣста за линіями не всякому по силамъ и по карману. Чтобы облегчить себя въ этомъ отношеніи, у Уральцовъ и введено въ обычай составлять компаніи или, какъ на ихъ языкѣ говорится, — «артели». Но и въ этомъ случаѣ, чтобы предотвратить монополію и не дать какой-нибудь сильной артели захватывать море на большое пространство и въ лучшихъ притомъ для ловли рыбы мѣстахъ (а эти мѣста зависятъ отъ направленія вѣтра, въ данное время, и отъ сосѣдства съ устьями Урала)—войсковыми обычаями установлено: право каждой артели ограничивать только девяносто девятью сѣтями, по тридцати по три сѣти на каждую линію, или, круглымъ счетомъ, четырьмя стами саженями ширины морскаго участка, хотя по числу компаніоновъ артели, она имѣла бы право и на большее пространство.

Въ артели на каждую лодку, не на парусное судно, а на весельную лодку, полагается по двѣсти сѣтокъ, каждая въ двѣ сажени, при четырехъ рабочихъ, а на каждомъ суднѣ (морской расшивѣ или кусовой) круглымъ счетомъ полагается пять лодокъ. На лодкахъ заметываютъ сѣти; самое же судно служитъ «*становъ*», или «*кошемъ*», гдѣ сложены всѣ припасы и гдѣ наловленная рыба заготовляется и солится до отвоза на берегъ. Рыба складывается и солится рядами и ярусами въ трюмѣ.

Прежде еще чѣмъ рыболовство откроется, всѣ промышленики съѣзжаются въ Гурьевъ-городокъ и тамъ, по своему выбору и желанію, записываются у атамана, то есть начальника рыболовства, той или другой бакенной линіи. Предъ наступленіемъ срока окончательнаго выхода въ море, каждый атаманъ собираетъ всѣхъ казаковъ, изъявившихъ желаніе рыбачить во ввѣренномъ его надзору участкѣ, и, въ ихъ присутствіи, начинаетъ метать жеребій: кому именно, или какой именно артели, и гдѣ именно занимать въ морѣ мѣсто. Участники эти занумеровываются такимъ образомъ, что первый нумеръ считается съ трехчетвертной глубины отъ берега въ море; за нимъ идетъ второй нумеръ; тамъ третій, четвертый и такъ далѣе. Стало быть, первый нумеръ ближе къ берегу, второй дальше, третій еще дальше и такимъ образомъ все глубже и глубже въ море.

Когда дѣло съ жеребьями будетъ покончено, и мѣста, счастливыя и несчастливыя, удачныя и неудачныя, раздадутся, казаки выѣзжаютъ въ море, и тамъ атаманъ прежде всего выставляетъ бакены, а потомъ уже въ этой, обозначенной бакенами, чертѣ отмѣриваетъ каждому промышленику, или артели, слѣдующій имъ по жеребью участокъ. Самыми счастливыми и удачными мѣстами почитаются нумера седьмой, осьмой, девятый и десятый; въ остальныхъ все зависитъ отъ случая и удачи. Если вѣтеръ дуетъ съ моря, счастье клонится на сторону тѣхъ, которые расположились ближе къ берегу; перемѣнится вѣтеръ и подуетъ съ берега — счастье переходитъ къ тѣмъ, которые рыбачатъ дальше отъ береговъ. Выѣзжаютъ даже верстъ за восемьдесятъ отъ береговъ, бываетъ и ближе, но преимущественно собираются верстъ за сорокъ и за пятьдесятъ отъ прибрежій.

Каждый казакъ-рыбопромышленикъ на отведенномъ ему участкѣ тотчасъ же выставляетъ всѣ сѣти; при благополучной погодѣ ежедневно нѣсколько разъ, и обыкновенно раза два объѣзжаетъ свой участокъ, рѣдко самъ, больше дѣйствуетъ черезъ рабочихъ, «перебираетъ порядки», то есть осматриваетъ

сѣти, вынимаетъ попавшуюся рыбу, отмѣчаетъ въ кошъ, то есть на станъ; порванныя рыбою снаряды замѣняетъ новыми и распоряжаетъ всѣмъ, чтобы нигдѣ не упустить своихъ выгодъ. Разумѣется, чѣмъ больше попадаетъ въ сѣти рыбы, тѣмъ чаще перебираются сѣти, и, стало быть, тѣмъ выгоднѣе для казака хозяина, и тѣмъ больше хлопотъ его работникамъ; бываетъ и наоборотъ.

Вынутую изъ сѣтей рыбу везутъ на станъ и тамъ ее «раздѣлываютъ», то есть распластываютъ и превращаютъ въ товаръ. Распластанную рыбу солятъ, вынувъ предварительно изъ нея икру, внутренности, хрящъ и пузырь. Пузырь, или *клейну*, отмачиваютъ не менѣе сутокъ въ водѣ, чтобы кровь на немъ не засохла, иначе онъ будетъ никуда негоденъ. Клейны вынимаютъ изъ воды въ ясную погоду: каждый пузырь разрѣзывается и разстилается на доскѣ, клеиною вверхъ; когда она просушится, тотчасъ отдираютъ ее отъ пленки, называемой «сдиркомъ» и потомъ либо складываютъ клей въ пачки, то есть каждый листокъ ея закручиваютъ и свертываютъ въ такъ называемый «*кдрлухъ*», либо въ подковку.

Сдирки съ клею, вмѣстѣ съ внутренностями, т. е. съ по́трохомъ, идутъ въ пищу рабочимъ; потрохъ этотъ очень вкусенъ, но народъ имъ пренебрегаетъ, и питается охотнѣе маленькими бѣлужонками, которыя, по мелкотѣ, въ продажу не идутъ. Тутъ экономничать не любятъ.

Рыбій хрящъ то же сперва вымачиваютъ въ водѣ; потомъ изъ него вытягиваютъ, то есть извлекаютъ изъ средины его рукою, при помощи большаго пальца, жидкое вещество, называемое «скрыпъ», или спинной мозгъ, и такимъ образомъ превращаютъ хрящъ въ «вязигу»; потомъ вязигу сушатъ, вяжутъ ее въ пучки, большею частію по двадцати пяти прутьевъ на пучокъ, и въ этомъ видѣ, то есть пучками, продаютъ, но ужъ не счетомъ, а на вѣсъ.

Рыбу разрѣзываютъ ножемъ по самой серединѣ тешки и, распластавъ такимъ образомъ, солятъ пластами же, ярусъ на

ярусѣ. На сотню рыбъ, соли идетъ, глядя по обстоятельствамъ, восемь, десять и двѣнадцать пудовъ.

На Курхайскомъ рыболовствѣ, съ самаго начала лова, попадаетъ болѣе всего бѣлуга и, отчасти, осетры; но въ продолженіе самаго рыболовства ловится предпочтительно только одна севрюга, и самаго высокаго достоинства; другія породы не попадаются въ это время. Но какъ только начнутъ появляться сазанъ и севрюга съ выметанною икрою, а это бываетъ около первыхъ чиселъ мая, то это служитъ уже вѣрнымъ признакомъ того, что красная рыба скоро исчезнетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ покончится и вся добыча. Тогда ужъ начинаютъ казаки ловить чорную рыбу, но не всегда на продажу, а больше для собственнаго пропитанія. Въ старые годы, чорная рыба и провоза не стоила; но теперь, просоленная въ корень, она составляетъ замѣчательную статью торговли. Если сотня свѣжепосоленной рыбы вѣситъ, примѣрно, пятьдесятъ пудовъ, то пока ее довезутъ до Уральска, она успѣетъ уже повысохнуть и, стало быть, потерять часть своего вѣса, такъ что въ Уральскѣ, въ той же сотнѣ рыбъ, будетъ не 50, а только тридцать пудовъ вѣсу. Эта рыба не доходитъ до Москвы, а распродается по приволжскимъ губерніямъ и на нижегородской ярмаркѣ: въ жаркое лѣто, особенно къ концу, она совершенно высохнетъ и «*затолокнѣетъ*», а при неубережьѣ, отъ воздуха и зараждающагося червя, особенно если рыба была некруто посолена, приходитъ въ негодность.

Уральцы приготовляютъ превосходнаго качества балыки; но не въ очень большихъ запасахъ, такъ что они не составляютъ значительнаго предмета торговли; рыба продается преимущественно соленою и сушеною, слѣдовательно вяленою, подъ названіемъ «*коренной*» или «*жаркóй*». Послѣ этого товара, главныя статьи: икра, клей и вязига.

Обыкновенно на весеннемъ курхаѣ добывается одних только севрюгъ отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ штукъ: стало быть, по меньшей мѣрѣ, получается отъ этого, кромѣ коренной

рыбы, еще шесть тысячъ пудовъ икры, сто пудовъ клею и сто пудовъ вязиги.

Вотъ изъ этой-то, преимущественно севрюжьей, икры Уральцы и приготовляютъ такъ называемую «*паюсную*» икру (свѣжая, то есть малосольная, выдѣлывается изъ всѣхъ сортовъ красной рыбы). Считаю вовсе нелишнимъ изложить здѣсь уральскій способъ приготовленія икры.

Вынутая изъ рыбы икра кладется на грохотку (длинное четырехугольное рѣшето особаго устройства, съ скважинами въ величину зеренъ икры); грохотка эта накладывается на «*чуманъ*» (родъ большаго корыта не съ развалистыми, а довольно узкими краями), либо на «пересѣкъ» (т. е. лагунъ, или боченокъ, сдѣланный изъ липоваго дерева и распиленный на двѣ равныя части). Въ чуманъ, или въ пересѣкъ, наливается свѣжая вода и насыпается соль, сообразно съ пропорціей икры: эта посоленная вода называется «*тузлукъ*». Для такъ называемой свѣжей икры идетъ фунтъ соли на пудъ икры (при свѣжей икрѣ воды вовсе не употребляется), а при выдѣлкѣ паюсной икры разсчетъ совсѣмъ другой. Чѣмъ тузлукъ круче и солонѣе, тѣмъ лучше; но вся важность тутъ не столько въ количествѣ соли, сколько во времени, употребленномъ на посолъ, или, собственно говоря, въ продолжительности мѣшанія сырой икры въ тузлукѣ. Обыкновенно берется тузлуку въ полтора раза больше противъ пропорціи икры (именно на пудъ послѣдней нужно полтора пуда тузлуку): засольщики, уже по величинѣ зерна, дѣлаютъ свои соображенія о томъ: долго ли нужно мѣшать въ тузлукѣ икру, чтобы она совершенно просолилась? По окончаніи этой операціи, икра отливается въ рѣшета, тузлукъ отдѣляется и идетъ на новые запасы икры. Въ то время, когда икра, положенная на грохотку, протирается, зерна, падая сквозь отверстія рѣшета въ чуманъ, оставляютъ послѣ себя на грохотѣ слизи и жилы, или такъ называемую «*выбоину*»; ихъ употребляютъ въ пищу пока они еще свѣжи и вкусны; будучи же насыщены солью, онѣ горькнутъ и, какъ негодныя къ употребленію, бросаются. Когда вся икра проско-

читъ въ чуманъ, то грохотки снимаются и потомъ уже засольщики начинаютъ ее мѣшать въ тузлукѣ «*мѣшалками*», то есть шестами, длиною въ сажень, стесанными книзу лопаточкой. Когда икра «доспѣетъ», то есть осолится на столько, сколько нужно, и выльется на рѣшета, причемъ весь тузлукъ стечетъ въ особое помѣщеніе, въ новый чуманъ, то ее перекладываютъ въ «*пещерки*» (пещерокъ—небольшой рогоженный кулекъ) и кладутъ подъ «*жомъ*» (гнетъ, прессъ) такой тяжести и на такое время, чтобы изъ икры вся вода была выжата. Каждый пещерокъ можетъ вмѣщать въ себѣ 3—4 пуда икры. Когда наполнятъ съ десятокъ такихъ, прессованныхъ уже, пещерковъ, тогда икру окончательно перекладываютъ въ липовыя и, очень рѣдко, въ осиновыя бочки, изнутри обложен ныяхолстомъ, предварительно смоченномъ въ рыбьемъ жирѣ. Эта икра называется «*салфеточною*». А то и просто икру перекладываютъ въ бочки, безъ холщевой обложки.

Бочка икры вѣситъ съ тарою 27 пудовъ, а brutto 25 пудовъ. Точно такая же икра укладывается, вмѣсто бочекъ, въ холщевые мѣшки для розничной продажи и для «*презентовъ*» Высочайшему двору: эта икра называется «мѣшочною». Когда эта икра испортится, то есть совершенно высохнетъ, окрѣпнетъ и затолокнится, тогда она принимаетъ тотъ видъ, въ какомъ обыкновенно распродается въ мелочныхъ нашихъ лавкахъ, подъ исключительнымъ названіемъ паюсной икры, которую надо уже рубить хорошимъ ножомъ и жевать очень здоровыми зубами, чтобы переработать ее для принятія въ желудокъ. «*Садковая*» икра—это общее названіе всякаго рода свѣжей, то есть малосольной, икры; она укладывается въ такъ называемые садковые или липовые боченки. Чистый вѣсъ ихъ четыре и пять пудовъ; въ самомъ боченкѣ считается тары, т. е. дерева, 25 фунтовъ. Полусадковый боченокъ считается вполы; а малые боченки бываютъ отъ 10 до 18 фунтовъ чистаго вѣса. Стало быть, выраженіе настоящая садковая икра не имѣетъ ровно никакого значенія, кромѣ того, что это такъ называемая свѣжая икра.

Балыковъ у уральцовъ продается очень мало,—во всемъ войскѣ пудовъ пятьсотъ, можетъ быть и больше, но ужъ никакъ не болѣе тысячи пудовъ. Лучшіе балыки приготовляются изъ шиповъ и изъ осетровъ, а также изъ бѣлуги. Высшіе сорты выдѣлываются въ Уральскѣ (тамъ пудъ балыка продается по 40 руб. асс.), въ Гурьевѣ-городкѣ промышленость эта менѣе удачна (пудъ продается по 28 руб. ассиг.), потому что тамъ и слишкомъ жарко, и слишкомъ сыро; да и рыбы хорошей не остается, кромѣ бѣлуги, почти никакой никогда, а вся лучшая рыба везется на продажу въ Уральскъ: оттого всѣ балыки въ Гурьевѣ выходятъ не хороши.

Уральскіе балыки, безспорно, превосходны, но нельзя не замѣтить, что они уступаютъ въ своемъ достоинствѣ высшимъ сортамъ, то есть старательно приготовленнымъ, балыкамъ астраханскимъ и донскимъ. Уральцы отдаютъ даже предпочтеніе сальянской икрѣ передъ собственною своею, кромѣ багренной, и говорятъ, что причина этого заключается въ томъ, что ихъ, уральская икра, безпрестанно, во время пути отъ Гурьева и до Уральска, и отъ Уральска до обѣихъ столицъ, подвергается безперемежной трясkѣ, тогда какъ сальянская икра везется водою, постоянно, вслѣдствіе этого сохраняетъ въ себѣ надлежащую степень влажности, а отъ этого она и лучше, и мягче.

По окончаніи курхая, зажиточные промышленики весь товаръ, и рыбу, и клей, и вязигу, и икру, везутъ въ Уральскъ либо для продажи съѣхавшимся сюда иногороднымъ купцамъ, либо для отправленія собственными средствами во внутрь Россіи, по заказу, на ярмарки, особенно въ Нижній-Новгородъ. Менѣе состоятельные промышленики весь добытый ими рыбный товаръ продаютъ своимъ капитальнымъ собратамъ, икру и клей вѣсомъ, вязигу — пучками, а рыбу счетомъ, по-сотенно. При этомъ каждая, напримѣръ, севрюга, въ которой мѣры меньше аршина, считая отъ глаза до нароста, или до «*краснаго пера*», называется «*недомѣркомъ*»: два такихъ недомѣрка, или «чо̀лбыша», считаются за одну рыбу. Это правило, соблюдаемое еще въ строжайшей степени астрахан-

скими капиталистами, у которыхъ за одну рыбу берется три «*чолбыша*» — учрежденіе очень старое: на него есть много указаній въ актахъ историческихъ, относящихся еще къ началу XVII столѣтія. Эта продажа, близъ мѣстъ добычи, производится на пристани у Сухой-Подстёлки, въ 12 верстахъ отъ Гурьева-городка.

«*Аханное*», или зимнее, морское рыболовство производится тѣмъ же порядкомъ, съ тѣми же жеребьями, и съ тѣми же ограниченіями правъ рыбопромышлениковъ, какъ и на рыболовствѣ курхайскомъ, съ тою разницею, что казаки выѣзжаютъ въ море не на судахъ, а по льду, въсаняхъ. Называется же это рыболовство аханнымъ, потому что рыба тутъ ловится «*аханами*». Аханы — это такія же двѣ надцати-саженныя въ длину сѣти, какія употребляются и на курхаяхъ, съ тою разницею, что въ послѣднихъ сѣти имѣютъ по 18 ячей при двухъ-саженныхъ стѣнкахъ сѣти, у ахановъ считается тоже 18 ячей, но ячеи эти нѣсколько мельче, да и стѣнки, то есть ширина сѣти, бываютъ обыкновенно пятисаженной мѣры, или и глубже. Впрочемъ, обыкновенно бываетъ такъ, что чѣмъ дальше въ море, тѣмъ крупнѣе ячеи, потому что на глубинѣ и рыба крупнѣе водится.

Аханы употребляются такимъ образомъ, что сначала на льду пробиваютъ проруби прямыми линіями. Конецъ ахана привязывается къ длинному шесту, посредствомъ котораго сѣти эти и тянутся во всю линію, занимая каждая по двѣ проруби. Чтобы проще пояснить это, представимъ себѣ двѣ проруби, разстояніемъ одна отъ другой на двѣнадцать саженъ; одну прорубь отмѣтимъ буквою a, другую буквою b. Сначала аханъ просовывается въ прорубь a; одинъ его конецъ придерживается подворою на поверхности проруби, посредствомъ палки или доброй жерди; другой конецъ просовываетя «*прогономъ*», то есть шестомъ съ шишкой на концѣ, до проруби b; тамъ онъ вынимается посредствомъ багра на поверхность льда и опять нацѣпляется, надъ прорубью, на палку. Отъ нижней поверхности льдины до дна морскаго, глубина бываетъ различная, и семь саженъ, и мельче, и глубже; а глубина, или «стѣнь»

ахана имѣетъ пять, а если ячейки очень крупны, то и болѣе саженъ. Аханъ никогда не бываетъ крѣпко натянутъ — (иначе рыба будетъ понимать грозящую ей опасность), а держится на «слабкѣ», то есть въ водѣ играетъ; рыба на ходу тоже «суводитъ», то есть производитъ неравномѣрное колебаніе окружающей ее влаги: отъ этого она не замѣчаетъ ахана и запутывается въ немъ; да вообще ее загоняетъ, наталкиваетъ на аханъ теченіемъ, которымъ самое ее несетъ въ ту или другую сторону. Разумѣется, что въ сильные вѣтры рыбы не ловится, потому что бурнымъ теченіемъ поднимаетъ всѣ аханы, не смотря на пригрузки. Аханъ нижнею подвброю касается почти самаго дна морскаго; если глубина будетъ простираться даже до семи саженъ, то широкая «стѣнь» ахана, вымокшая и тяжелая, опускается ниже и ниже въ воду: а такъ какъ рыба идетъ почти у самаго дна, то ее на аханы и наноситъ. Аханы выставляются рабочими по указанію хозяевъ, которые сами ѣздятъ съ ними по морю и указываютъ гдѣ нужно «выставить мѣсто», то есть поставить аханъ. Рабочая артель (уже не въ смыслѣ компаніи) состоитъ изъ четырехъ, а двойная изъ осьми работниковъ. На обязанности этихъ рабочихъ лежитъ нѣсколько разъ въ день «наслушивать» аханы, то есть взяться рукой за конецъ ахана и, по тяжести его, сообразить попала ли въ него добыча. «Наслушавъ», что въ аханѣ есть что-то, работникъ вытаскиваетъ его изъ проруби (спустивъ, разумѣется, одинъ конецъ и вытягивая вонъ изъ проруби за другой) и вынимаетъ изъ него либо осетра, либо севрюгу, либо шипа, либо бѣлугу, а не то и просто большущую льдину. Опорожнивъ аханъ, работникъ снова опускаетъ его въ воду. На аханное рыболовство выѣзжаетъ казаковъ гораздо меньше, чѣмъ на прочіе морскіе промыслы. Причина та, что обзаведеніе аханщика стоитъ очень дорого, а это не всякому уральцу съ руки и возможно только людямъ зажиточнымъ, а зажиточностью славятся, большою частью, одни гурьевцы. Изъ нихъ выдаются такіе богачи, что выѣзжаютъ подводахъ на пятидесяти, то есть имѣютъ до пятидесяти человѣкъ работниковъ. Всякому казаку на каждый

возъ необходимо имѣть: работника, лошадь съ сбруею и попоною, сани со всѣмъ приборомъ, пятьдесятъ штукъ ахановъ, а каждый аханъ стоитъ отъ рубля до полутора рублей серебромъ: это ужъ одно составляетъ значительный капиталъ, если присовокупить къ тому двухъ-мѣсячный запасъ провіанта и фуража. Кромѣ того, на каждый аханъ нужно имѣть достаточный запасъ дубильной травы (кермека), на каждый аханъ нуженъ камень, фунтовъ 7 или 8, да конецъ веревки, сажени въ $3^1/_2$ или въ четыре, да шесты для прогоновъ, да жерди для кольевъ, на которыхъ аханъ придерживается у проруби: мелочей, хотя и ничтожныхъ, но все имѣющихъ цѣнность, тутъ множество; стало быть, и одинокому казаку-небогачу, на свой единственный пай, расходовъ приходится очень много.

На аханномъ рыболовствѣ ловится предпочтительно бѣлуга; очень мало бываетъ осетровъ. Старики разсказываютъ, что въ давнія времена въ аханы попадались бѣлуги пудовъ въ двадцать, даже въ сорокъ и больше, а осетры пудовъ въ восемь и въ девять; но теперь считается большою рѣдкостью поймать двадцати-пудовую бѣлугу или семи-пудоваго осетра. Севрюги въ аханы попадается довольно; порядочно бываетъ и шипа и бѣлорыбицы.

Рыба здѣсь не раздѣлывается, то есть не распластывается и не солится; вообще у нея распарывается одна только тешка и выдѣлывается клей и икра, но уже не вязига: она, вмѣстѣ съ внутренностями, остается въ рыбѣ, которая и продается цѣльною, то есть «колодкой». Икра приготовляется въ началѣ лова малосольною, то есть, что мы называемъ, свѣжею, а подъ конецъ лова — паюсною, извѣстными уже намъ изъ предъидущаго, способами.

Аханная рыба, замороженная на мѣстѣ лова, и икра раскупаются въ Гурьевѣ поджидающими уже тамъ ловцовъ скупщиками этого товара, и потомъ вывозится въ Россію черезъ Уральскъ, гдѣ со всей добытой аханами свѣжепросольной икры, при вывозѣ изъ войсковыхъ предѣловъ, взимается по $^1/_2$ коп. сер. съ пуда пошлины въ войсковую казну.

Если ахо́нная рыба последняго лова прибудетъ въ Уральскъ уже во время оттепелей, и если не станетъ возможности отправить ее безъ поврежденія внутрь Россіи, то она упадаетъ въ цѣнѣ и распродается весьма дешево: изъ этихъ-то большею частію остатковъ уральцы и заготовляютъ балыки, которые, въ свое время, отправляются на нижегородскую ярмарку.

Каждая артель размѣщается особымъ станомъ, становищемъ, кошемъ; это — кошары, войлочные шатры, наподобіе киргизскихъ джуламеекъ, въ видѣ усѣченнаго конуса. Внутри кошаро́въ, на снѣгу, разложены пучки камыша и подстилки изъ сѣна, замѣняющіе всякую мебель, диваны и кровати; въ самой срединѣ расчищено мѣсто для огня. Вокругъ кошаро́въ разставлены сани, къ которымъ привязаны лошади, защищаемыя отъ холода и урановъ (снѣжныхъ мятелей) длинными и широкими войлочными попонами. Лошади сберегаются за изгородью, устроиваемою изъ заготовленнаго для топлива камыша, мѣшковъ съ овсомъ, иногда сѣна и прочаго. По мѣрѣ того какъ измѣняется направленіе вѣтра, и изгородь переносится на другую сторону кошаро́въ. Надобно замѣтить еще и то, что когда море покрывается льдомъ, то ледъ этотъ время отъ времени понемножку ломаетъ и крошитъ. Отъ этого на льду образуются ледяные бугры и кочки — это «храпы». Тутъ льдины, нагроможденныя одна на другую въ безпорядкѣ, подвергаются постоянному вывѣтриванію; если ихъ растопить въ котлѣ, то соляныя частицы выпариваются, и остается чистая вода: эту-то воду и пьютъ люди, а самъ по себѣ ледъ и солонъ и горекъ. Но, чтобы поить лошадей, къ этой операціи прибѣгать невозможно: топлива мало, его надо беречь; лошадямъ задаютъ толченые храпы, и если случится, то онѣ ѣдятъ и снѣгъ. Конечно, отъ этихъ лишеній лошади очень худѣютъ, но за то весной онѣ отъѣдаются въ волю.

Недавно мы имѣли случай читать описаніе бѣдствій, претерпѣваемыхъ оханщиками на морѣ (въ Москвитянинѣ, за 1854 годъ). Авторъ, самъ казакъ и самъ, какъ видно, на дѣлѣ знакомый съ оханнымъ рыболовствомъ, чрезвычайно картинно

и съ сочувствіемъ изобразилъ бѣдствія своихъ товарищей по промыслу. Вотъ, въ краткихъ словахъ, смыслъ его разсказа, въ связи съ переданными мнѣ въ Уральскѣ свѣдѣніями.

Непривычному къ морю человѣку очень трудно сначала догадаться, что онъ находится «въ относѣ». Отломленныя льдины бываютъ иногда длиною верстъ въ тридцать, въ сорокъ и даже пятьдесятъ. Если промышленикъ находится въ срединѣ такой льдины, то ему и въ умъ не придетъ, что его несетъ по морю: этого незнакомый съ дѣломъ человѣкъ ни по чему примѣтить не можетъ: льдина движется тихо, и народъ, на ней находящійся, рѣшительно не чувствуетъ этого движенія. Отломъ льдины, конечно, сопровождается трескомъ, но случается такъ, что или люди проспятъ этотъ трескъ, или трескъ, раздавшійся вдали, не донесется до ихъ слуха. Они узнаютъ объ этомъ либо по пугливымъ движеніямъ лошадей, либо по киданію лота, либо по солнцестоянію. Они помнятъ, что легли спать головой къ востоку, а теперь, проснувшись, видятъ, что изголовья ихъ очутились на западъ: вѣрный признакъ, что льдину оторвало и перевернуло въ сторону. Ни мало не медля, они опускаютъ лотъ, то есть канатъ съ привязаннымъ къ нему камнемъ, и еще вѣрнѣе убѣждаются, что находятся не на стоячей, а на пловучей льдинѣ. Этотъ же самый лотъ указываетъ и на теперешнюю ихъ глубину и на качество морскаго дна: мягкое ли оно, или песчаное, или илистое. Промышленики не теряютъ присутствія духа и довольно спокойно продолжаютъ рыбачить, потому что знаютъ по опыту, что разстояніе между ихъ льдиной и «чернями», то есть взморьемъ, Богъ дастъ, скоро занесетъ молодымъ льдомъ и скуетъ морозомъ, тогда можно будетъ убраться домой по-добру, по-здорову. Не занесетъ полыньи морозами и не свяжетъ оторванной льдины съ твердыми льдами въ черняхъ — такъ и это не бѣда: рано ли, поздно ли — все же ее припретъ легонечко къ новой сплошной массѣ льда, не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ на *Кіянь-морѣ* (такъ уральцы зовутъ Каспій), либо у *Марышлака* (такъ уральцы называютъ

полуостровъ Мангышлакъ), либо у *Колпиннаго-Кряжа* (окраины полуострова Бузачи).

Когда «*зярыкъ*», то есть разсѣлина между льдинами, полынья, подмерзнетъ, хоть на полтора или на два вершка толщины, уралецъ преспокойно перебирается на крѣпкій ледъ; но такъ какъ тутъ очень легко случиться, что сани его будутъ проваливаться, то смѣтливый казакъ подвязываетъ къ ихъ задку арканъ, а конецъ его затыкаетъ себѣ за кушакъ. Чуть только ледъ хрустнулъ, подломился, и сани окунулись въ волны, казакъ выскакиваетъ изъ нихъ на ледъ, тянетъ сани изъ провала за арканъ, облегчаетъ ихъ отъ излишней тяготы и груза, выбрасывая рыба-по-рыбѣ добытую поклажу, и опять ѣдетъ себѣ впередъ. Если разсѣлины не широки, не шире, по крайней мѣрѣ, полутора аршинъ, то казакъ, въ крайнихъ случаяхъ, спасается, перескакивая съ льдины на льдину; на такомъ пространствѣ и лошадь, безъ особыхъ понужденій, духомъ перемахнетъ черезъ щель вмѣстѣ съ санями. Но если пространство между пловучей льдиной и стоячимъ крѣпкимъ льдомъ очень широко и долго не замерзаетъ — такъ ужъ тутъ казаку плохо приходится. Но русская натура — чудная натура! Казакъ и тутъ не впадаетъ въ уныніе, не повѣситъ носъ, не прійдетъ въ отчаяніе, не скорчитъ безнадежной гримасы: онъ только лишній разъ-другой почешетъ въ затылкѣ, раскинетъ умомъ-разумомъ и, благословясь, принимается «мостить мостъ» изъ льдинъ.

Мостъ мостятъ вотъ какимъ манеромъ. Съ одного конца пловучей льдины, на которой стоитъ народъ, выкалываютъ пешнями (небольшими желѣзными ломами) длинный кабанъ льду и, на арканахъ, которыми его опутываютъ, подталкиваютъ его къ разсѣлинѣ шестами и баграми приставляютъ его къ своей пловучей льдинѣ, у окраины которой вбиваютъ пешни и къ нимъ прикрѣпляютъ первый кабанъ. Потомъ идетъ въ дѣло второй кабанъ, тамъ третій, и такимъ образомъ мостъ изъ льдинъ готовъ. Разумѣется, такіе мосты нельзя мостить при значительной ширинѣ разсѣлины. Въ такихъ случаяхъ казаку

остается одно средство: махнуть по-морю, аки по-суху, просто на саняхъ. Казакъ рѣжетъ лошадь, дѣлаетъ изъ шкуры два бурдюка, надуваетъ ихъ воздухомъ, подвязываетъ по бурдюку къ каждому полозу и, употребивъ, вмѣсто веселъ, оглобли, садится въ сани и ввѣряетъ себя веленіямъ судьбы. Онъ только жизнь спасаетъ, а вовсе уже не заботится о покинутой добычѣ и цѣнныхъ снарядахъ. Онъ знаетъ, что Богъ дастъ день, дастъ Богъ и пищу: а впрочемъ, что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ: Его святая воля!

Но вотъ, не дай Боже, когда льдина шибко сойдется съ другою льдиною, когда начнется «ломъ»; раздается страшный шумъ; трескъ и стукъ ужасный, льдины ползутъ на льдины, огромные обломки ихъ трутся одни объ другіе, вертятся, одна на другую напираетъ, подпираетъ и вздымаетъ ее горой, громоздится еще выше и уничтожаетъ все въ своемъ стремленіи, — тутъ совершаются едва вообразимыя уму сумятица и хаосъ. Отъ этого такъ называемаго «лома», въ разныхъ мѣстахъ моря, вздымаются цѣлыя гряды высокихъ бугровъ, называемыхъ «шиханами».

Уральцы, еще издали заслышавъ ломъ, начинаютъ чутко прислушиваться къ далекому стону и шуму и торопливо готовятъ лошадей. Если ломъ, сколько можно положиться на чувство слуха, приближается къ нимъ, то промышленики кидаются искать спасенія, предоставляя себя инстинкту лошадей, которыя скачутъ въ противоположную сторону отъ лома. Если ломъ близко отъ кошаровъ, казаки бросаютъ все, и рыбу, и «сбрую», то есть снасти, и ужъ не думаютъ ни о «выдираніи» разставленныхъ въ морѣ ахановъ, ни о сбереженіи товара, ни о чемъ, а только, второпяхъ, захватываютъ за пазуху, сколько попадется, хлѣба, садятся на лошадей, запряженныхъ въ пустыя сани, и мчатся, куда вынесетъ ихъ вѣрный конь. Но скоро ихъ встрѣчаетъ новое бѣдствіе; ледъ не сдерживаетъ, сани проваливаются, впереди страшныя полыньи, передъ глазами ходенемъ-ходящія волны; съ каждымъ шагомъ ледъ становится тоньше и тоньше; у окраинъ его появляется «саушъ», то же что

сибирская «шуга́»—мелкія, жидкія, въ родѣ каши сгустившіяся льдинки; казаку, повидимому, нѣтъ ужъ никакого спасенія — и онъ, опять уже при послѣдней крайности, начинаетъ готовить «пузыри», т. е. бурдюки.

Участь бѣдныхъ животныхъ, не менѣе того, очень жалка. Когда казакъ былъ еще не въ явной опасности, и тогда ихъ, бѣдняжекъ, плохо кормили: вмѣсто воды, ихъ поили толченымъ льдомъ; овса въ запасѣ было мало: въ кормъ лошади подмѣшивали собственный ея навозъ. Но наступала пора, что казаку и самому ѣсть было нечего: онъ рѣзалъ лишнюю лошадь и питался ея «маханиной» (мясомъ); оставшіяся въ живыхъ животныя были безгласными зрителями ея мученій и издыханія, предчувствуя участь, имъ самимъ грозящую. Теперь, когда уральцу надо думать только о самомъ себѣ, надо спасаться отъ бѣды, спасаться отъ товарищества привычной къ нему скотины, могущей присутствіемъ своимъ затруднить его избавленіе отъ видимой смерти, ему ужъ некогда, ему нельзя милосердствовать къ безсловеснымъ; онъ прикалываетъ ихъ одну за другою или, связавъ имъ ноги, сталкиваетъ ихъ съ льдины въ море; несчастный конь бьется подъ ножемъ, захлебывается въ волнахъ, старается какъ-нибудь зацѣпиться за окраины и выползть, выскочить оттуда, — но и послѣднія силы его оставляютъ: онъ гибнетъ и срывается подъ льдины.

Случалось, хотя и рѣдко, что и человѣкъ гибъ, потонувъ въ морскихъ пучинахъ, либо замерзнувъ во время блужданія по неизмѣримому пространству покрытаго льдомъ моря. Случалось, что астраханскіе ловцы спасали отъ близкой смерти уральца, безнадежно отнесеннаго въ морскую даль пловучими льдами, на которые ловецкое судно нечаянно наносило погодою или приманкою добычи тюленя-бѣлячка. Случалось и то, что на Уралъ возвращался, едва волоча ноги, одинъ конь казачій, впряженный въ пустыя сани, въ которыхъ сѣдокомъ сидѣлъ лишь обледенѣлый трупъ хозяина, погибшаго голодною смертью: и не одно когда-то близкое ему сердце трепетно сжималось въ груди родныхъ и товарищей, которые набожно кре-

стились объ упокоеніи души бездольнаго оханщика и тихо приговаривали: «царство ему небесное — не ной его косточки на томъ свѣту!»

5. Очеркъ изъ быта уральскихъ казаковъ.

(Изъ ст. Желѣзнова.)

Между Красноярскимъ и Харкинскимъ форпостами, на правомъ, нѣсколько отлогомъ, берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ *Яикъ-Горынычъ* (Уралъ), упираясь въ высокій, обрывистый яръ, дѣлаетъ крутой поворотъ налѣво, отдыхали рыболовы-*севрюжники*. Это были рыболовы *отсталые*, или такъ называемые *зады*. Главная же масса казаковъ-рыболововъ, или такъ называемое *войско*, ушла въ то время далеко впередъ, внизъ по теченію Урала, и располагалась рубежемъ между Гребенщиковскимъ форпостомъ и Кулагиной крѣпостью, что будетъ отъ Красноярскаго форпоста верстахъ въ 50-ти или около того.

Въ тотъ годъ, къ которому относится разсказъ, весна была поздняя и неудачная. Водоразлитіе было малое или почти его и вовсе не было. Уралъ немного поднялся или, какъ говорятъ казаки, вздулся, запѣнился, покрылъ только однѣ *косы* (низкіе песчаные острова), да слишкомъ низкіе берега, потомъ кое-гдѣ, чрезъ рытвины, ерики и старички, успѣлъ прорваться въ луга, залилъ кое-какія впадины, лощины, суходолы и тому подобныя низменности, соединенныя между собою сѣтью ериковъ; но на возвышенности, или на такъ называемыя *гривы*, взойти не смогъ. Хотѣлось почтенному старику, Яику Горынычу, послѣ пяти-мѣсячнаго оцѣпенѣнія, вздохнуть и раскинуться во всю ширину займища, по которому идетъ его ложе, отъ кряжа до кряжа, — хотѣлось побурлить и порыться на-просторѣ, хотѣлось поразгуляться и вмѣстѣ съ тѣмъ обмыть, напоить и освѣжить землю, попираемую почти въ теченіе цѣлаго года ногами всякаго рода животныхъ, хотѣлось удаль свою показать,

хотѣлось отъ сосѣдки своей, матушки Волги, не отстать, хотѣлось.... но силъ нехватило, воды недостало, а съ чертями или по крайней мѣрѣ съ «чертистыми» мельниками, видно, не былъ знакомъ, пособить, значитъ, некому было. Разсердился старикъ, нахмурился какъ курунъ (индѣйскій пѣтухъ), пуще прежняго запѣнился и, пристыженный, побѣжалъ къ морю по всегдашнему, не очень-то широкому, своему ложу, между всегдашними и на этотъ разъ непокорными берегами, не дозволившими ему вырваться на-просторъ... Это значитъ, по выраженію казаковъ, *Яикъ въ трубѣ.*

Если весной «Яикъ въ трубѣ», т. е. въ обыкновенныхъ своихъ берегахъ, это значитъ истинная благодать для «севрюжниковъ». Вся рыба, разумѣется, красная, какъ-то: бѣлуга, осетръ, севрюга, преимущественно послѣдняя, вся рыба, какая только войдетъ изъ моря въ рѣку, сжатую берегами, по необходимости тѣснится и держится густо въ узкомъ пространствѣ, и въ большомъ количествѣ, цѣлыми иногда косяками, попадается въ длинныя сѣти, охватывающія Уралъ чуть не черезъ всю его ширину. Тутъ казакъ успѣвай только выбирать сѣть и *чекушить* или *глушить* севрюгъ — добыча будетъ, и добыча славная: будетъ на что купить для себя шелковый халатъ и козловые сапоги, а для жены или дочери штофный или левантиновый сарафанъ; на все, на все достанетъ.

Напротивъ, въ большую полую воду, когда Уралъ разольется во всю ширину долины, отъ кряжа до кряжа, на разстояніи семи, восьми и больше верстъ, рыбу не такъ-то легко поймать, ей есть гдѣ разгуляться, разсѣяться и попрятаться. Пожалуй, разметай и распусти во сто саженъ сѣть, плыви съ ней по теченію воды, скоро ли еще запутается въ нее севрюжка, другая, неизвѣстно, но скорѣе всего — это не подлежитъ сомнѣнію — скорѣе всего нанесетъ тебя съ сѣтью или на *каршу* (коряга), или на цѣлое дерево, залитое водою; тогда поклонись, по выраженію казаковъ, веселой сѣточкѣ, достань изъ-подъ ногъ другую, запасную, а севрюжку ищи гдѣ хочешь,

гдѣ знаешь, но все-таки съ оглядкой, да съ опаской, чтобы и запасную сѣточку не посѣять на каршѣ.

Въ большое половодье нужно отыскать или, правильнѣе, случайно напасть на *наборъ*, а это счастье дается не многимъ и не всегда. Но что такое «наборъ»? сейчасъ объяснимъ.

Когда Уралъ выйдетъ изъ береговъ и покроетъ луга сплошною массою воды, глубиной отъ одной до нѣсколькихъ саженъ, тогда рыба оставляетъ главное рѣчное русло, которое въ то время превращается чуть-чуть не въ *кіянь-море* и котораго, конечно, тогда и не сыщешь, и расходится по всему водному пространству. Выбравъ удобное мѣсто, преимущественно въ затишьѣ, за какимъ-нибудь *отрогомъ*, или кряжнымъ мысомъ, въ луга вдающимся, севрюга собирается или набирается въ кучи, или, такъ сказать, свертывается въ клубы и остается по нѣскольку дней на одномъ мѣстѣ: тутъ она мечетъ икру. Вотъ это-то сборище севрюгъ и называется *наборъ*. Попавъ случайно или неслучайно на «наборъ», рыболовъ съ одного *обмета*, т. е. съ одного пріема, столько можетъ заворотить сѣтью севрюгъ, что буквально загружаетъ бударку и все-таки не умѣститъ въ нее всей добычи; тогда часть добычи рыболовъ сажаетъ на *куканъ*, т. е. на веревку. Ясно, что въ большое половодье, на «наборахъ» больше можно поймать рыбы, чѣмъ тогда, когда Уралъ въ «трубѣ». Но, повторимъ, «наборъ», какъ кладъ, не всегда и не всякому дается; отыскать «наборъ» на такомъ, чуть не на безбрежномъ, водномъ пространствѣ то же, что, по пословицѣ, попасть въ серебряную копѣечку. По этому севрюжье рыболовство, говоря вообще, добычливѣе бываетъ въ то время, когда «Уралъ въ трубѣ», а не тогда, когда онъ принимаетъ на себя образъ «синя-моря Хвалынскаго».

Мы говоримъ, что тогда-то рыболовство бываетъ добычливѣе, чѣмъ тогда-то. Это въ настоящее время слѣдуетъ понимать относительно, потому что нынѣшняя добыча равняется старинной недобычѣ.

Еще говоримъ, что тогда-то, напримѣръ, когда «Яикъ въ трубѣ», казакъ цѣлыми косяками ловитъ севрюгъ, а тогда-то,

напримѣръ, на «наборахъ», казакъ заворачиваетъ сѣтью съ одного пріема столько рыбы, что загружаетъ бударку. Это къ теперешнему, т. е. къ современному, быту уральцевъ и относительно не слѣдуетъ понимать. Молодое поколѣніе казаковъ лишь отъ стариковъ слышитъ о такой давно минувшей благодати, но само не пользуется ею и, конечно, никогда не будетъ пользоваться, потому что Яикъ-Горынычъ истощился, оскудѣлъ и отъ вѣрной службы отказался — хоть въ штрафной журналъ заноси, или изъ службы вонъ гони, все равно — ни легче, ни тяжеле не будетъ. Въ старину онъ дѣйствительно давалъ средства казакамъ одѣваться въ шелкъ и носить козловые сапоги, а нынче?... что и говорить! не до козловыхъ уже сапогъ, — избавилъ бы Господь Богъ отъ лаптей: лапотникъ-казакъ — какой уже казакъ! не лучше, ежели еще не хуже, высиженнаго паромъ цыпленка...

Итакъ все, что сказано выше о большой добычѣ севрюжнаго рыболовства, отнесемъ къ давно минувшимъ, напримѣръ, двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, когда Уралъ слылъ еще не даромъ золотымъ дномъ.

По случаю праздника, рыболовы, о которыхъ начата рѣчь въ началѣ этого очерка, отдыхали. Они располагались артелями по песку, т. е. по самому берегу Урала, а телѣги ихъ стояли поодаль отъ нихъ, по косогору. Сѣти у рыболововъ просушивались; у иныхъ онѣ были развѣшаны на шестахъ и жердочкахъ, а у иныхъ просто-на-просто разостланы по песку. Лошади казачьи гуляли въ лугахъ, по «гривамъ», безъ *косяшника* (пастуха). За лошадей казаки не боялись; лошадямъ некуда было уйдти: кругомъ «гривъ» вода, а о киргизахъ-ворахъ казаки не думали, полагаясь на казачьи пикеты, разставленные и каждый годъ, во время «севрюжнаго» (весенняго) и «плавеннаго» (осенняго) рыболовства, разставляемые, за Ураломъ, отъ линейной казачьей же стражи.

Во многихъ мѣстахъ курились и пылали костры. Казаки готовили обѣдъ. Кто варилъ изъ налимовъ уху, кто стряпалъ съ осетриной пельмени, кто жарилъ въ котлахъ севрюжину, изрѣ-

занную въ мелкіе кусочки, кто прихотливѣе другихъ, или кому и уха, и пельмени, и жаркое надоѣли, пріѣлись — пекъ въ горячей золѣ, для разнообразія, цѣлыхъ осетрятъ и севрюжатъ, а кто, уже отвѣдавъ дó-сыта, или, какъ говорится, до отвала, того, другаго, третьяго, лежалъ, пригрѣвшись на майскомъ солнышкѣ; словомъ, отдыхали казаки-братцы послѣ трудовъ праведныхъ.

Изъ числа молодежи, одинъ, записной гуляка, или, какъ выражаются казачата, гуляжка, и первый, можно сказать, артистъ балалаечникъ, съ повязкой на одномъ глазѣ и съ бисернымъ черезъ плечо гайтаномъ — подаркомъ, разумѣется, возлюбленной — досталъ изъ *тагарки* (повозка) балалайку и сталъ наигрывать или, по выраженію казачатъ, «отчабачивать» залихвацкаго *казыньку*, съ «приговорцемъ», разумѣется, т. е. съ «припѣвцемъ».

Какъ слѣдуетъ, около Матьки Гутарева собрался порядочный кружекъ «храброй братьи». Матька вошелъ въ себя, или, какъ говорится, на Матьку на самого нашелъ такой счастливый стихъ, что онъ въ «приговорцы», всѣмъ и каждому изъ слушающей его братьи извѣстные, сталъ мало-по-малу вклеивать слова собственнаго изобрѣтенія, а наконецъ, увлекаясь болѣе и болѣе, словно импровизаторъ какой, прищелкивая пальцами и подмигивая единственнымъ глазомъ — другой былъ завязанъ — началъ сыпать цѣлыми фразами, но такими, по словамъ казаковъ, забористыми, огневыми, что не только молодежь, но и солидные, или такъ называемые степенные казаки, до слуха которыхъ волей-неволей долетали Матькины прибаутки, часто подхватывали животы, чтобы не умереть со смѣха.

— Ну васъ къ «шишигамъ», — сказалъ пожилой казакъ, сидѣвшій недалеко отъ молодежи: — совсѣмъ уморили, грѣховодники, оставьте. А вы лучше спойте-ка что-нибудь хорошенькое, и мы, старики, подтянемъ вамъ.

Казачата не заставили долго упрашивать себя. Они и безъ того скоро бы запѣли хвалебный гимнъ Горынычу; но когда услыхали желаніе стариковъ, тотчасъ же разсѣлись, по воз-

можности, по «голосамъ», и, дирижируемые запѣвалой, — а запѣвало былъ не кто другой, какъ балалаечникъ Матька, запѣли унылымъ мелодическимъ голосомъ:

Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ, сынъ Горыновичъ,
Про тебя, про Яикушку,
Идетъ слава добрая.
Про тебя, про Горыныча,
Идетъ рѣчь хорошая:
Золочено у Яикушки
Его было донышко,
Серебрено у Яикушки
Его была покрышечка.
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки.
Мутнехонекъ нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты быстрехонекъ.
Прорылъ, протекъ нашъ Яикушка
Всѣ горушки, всѣ долушки.
Выметывалъ нашъ Яикушка
Посередь себя часты острова.
Съ вершинъ взялся нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты вплоть до низу,
До славнаго ты до моря,
До моря до Каспицкаго.
Какъ до славнаго города,
До города до Гурьева.
За Гурьевымъ выпадаешь ты
Во батюшку сине-море.
Какъ до славнаго острова,
До острова Камынина.
На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ,
Старики, братцы, старожилые —
Они по девяносту лѣтъ.
Съ покоренною Золотой Ордой
Старики, братцы, по ладу живутъ.

Казачата не пропѣли еще и половины этой пѣсни, какъ изъ обоза раздался голосъ казака. Стоя на возу и махая руками, казакъ кричалъ:

— Ай! ай! Киргизы! Киргизы!.... Лошадей нашихъ киргизы гонятъ!...

И всѣ рыболовы пришли въ смятеніе, засуетились и кинулись — кто къ ружью, у кого было ружье, кто къ веслу, у кого ружья не было, кто схватилъ «чекушку», кто топоръ; словомъ, заварилась каша, поднялась ужасная суматоха, или, какъ выражаются казаки, «*ватарба*».

Но отчего случилась такая бѣда? Откуда взялись киргизы, да еще среди бѣлаго дня, когда за Ураломъ разставлены казачьи пикеты? Въ томъ-то и сила, что казаковъ за Ураломъ въ тотъ день уже не было: они еще наканунѣ, съ вечера, оставили посты и пріютились въ своихъ теплыхъ хатахъ. Пикетнымъ казакамъ слѣдовало пробыть на постахъ еще дня два, пока «войско» ушло бы внизъ за Кулагинскую крѣпость; но они соскучились о блинахъ и лепешкахъ, да о молодыхъ женушкахъ, а главное, понадѣялись на Яикушку, что вотъ-де онъ, батюшка, разольется какъ кіянъ-море, что тогда-де черезъ него не только поганому киргизишкѣ переплыть, но и птицѣ въ чередъ перелетѣть; понадѣялись такъ-то на Яикушку и, не дождавшись урочнаго времени, съѣхали съ постовъ безъ спроса и позволенія приказнаго, Ефремова, распоряжавшагося всѣмъ форпостомъ. Пріѣхавъ въ тихомолку на форпостъ, они разбрелись по домамъ и не показались приказному, зная, что онъ прогналъ бы ихъ опять за Уралъ или, по-крайней-мѣрѣ, разослалъ бы по обыкновеннымъ пикетамъ, такъ называемымъ «*реданкамъ*» и «*третямъ*», устроеннымъ на правомъ берегу Урала; а имъ хотѣлось попраздновать дома... Глядя на красноярскихъ, то же самое сдѣлали и харкинскіе казаки, занимавшіе пикеты ниже пикетовъ красноярскихъ, т. е. противу дачъ своего форпоста. Такимъ образомъ цѣлые два промежутка, отъ верхней межи Красноярскаго до нижней межи Харкинскаго форпоста, остались открытыми, т. е. на этомъ протяженіи не осталось ни одного поста ни на правой (внутренней или самарской), ни на лѣвой (зауральской или бухарской) сторонѣ Урала. Уралъ же, мы видѣли, только поманилъ, только подумалъ взыграть да разлиться, но не взыгралъ и не разлился, а это киргизамъ и на руку. Пользуясь кустарникомъ да перелѣсками, они подкрались къ берегу, пере-

плыли, человѣкъ до 20-ти, рѣку повыше того мѣста, гдѣ располагались рыболовы-севрюжники, да и кинулись къ ихъ лошадямъ, съ цѣлью, разумѣется, угнать ихъ за Уралъ. Но какъ ни ловки, какъ ни проворны киргизы въ подобнаго рода продѣлкахъ, однакожъ предпріятіе это имъ не удалось; ухватки и увертки ихъ на этотъ разъ позамедлились оттого, что казачьи лошади паслись не всѣ вмѣстѣ, а бродили врознь, гдѣ двѣ, гдѣ три лошади, по «гривамъ», раздѣленнымъ одна отъ другой водою. Для того, чтобы согнать лошадей въ одинъ «косякъ» и потомъ удобнѣе, за одинъ пріемъ, переплавить ихъ за Уралъ, киргизамъ нужно было въ иныхъ мѣстахъ безпрестанно переѣзжать съ «гривы» на «гриву» черезъ воду, а это не то, конечно, что скакать по чистому полю; въ иныхъ же мѣстахъ доводилось обскакивать кругомъ болѣе глубокіе заливы и лощины, и такимъ образомъ колесить на одномъ мѣстѣ въ ущербъ времени. Къ тому же, большая часть казачьихъ лошадей была спутана, а съ спутанными лошадьми возиться не ловко и не легко. Все это замедлило дѣйствія киргизовъ и дало рыболовамъ время оправиться, обсудить и сообразить степень опасности и съ толкомъ пуститься отстаивать свою собственность отъ непрошеныхъ гостей.

Часть казаковъ, человѣкъ до десяти, съ винтовками въ рукахъ, бросилась въ луга, гдѣ работали киргизы около лошадей. Нѣсколько человѣкъ безъ ружей, съ одними шестами да чекушками, сѣли въ бударки и пустились, что было силы-мочи, плыть вверхъ по Уралу, къ тому мѣсту, гдѣ, по соображенію казаковъ, киргизы должны были обратно переплывать рѣку. Тѣ же, которые остались на стану, преимущественно старики, начали на всякій случай огораживаться телѣгами — предосторожность необходимая; ибо вскорѣ послѣ того, какъ завязалась у казаковъ съ киргизами драка на этой, т. е. на правой сторонѣ Урала, показалась на лѣвомъ берегу другая партія киргизовъ, человѣкъ до сорока или больше; даже было пущено оттуда нѣсколько стрѣлъ въ казачій станъ, но стрѣлы не долетали и падали на серединѣ Урала.

Казаки, побѣжавшіе въ луга, увидали, что имъ «пѣшимъ боемъ» не угоняться за конными киргизами, а потому сочли за полезное разсыпаться по берегу и засѣсть въ кустахъ, съ цѣлію, отрѣзать киргизамъ путь къ отступленію или, по крайней мѣрѣ, встрѣтить и проводить ихъ огнемъ, когда они пойдутъ наутекъ, въ чемъ казаки не сомнѣвались; но маневръ этотъ не удался. Киргизы почуяли тревогу въ станѣ рыболововъ и, лишь только завидѣли казаковъ съ винтовками, тотчасъ же бросили казачьихъ лошадей, и давай, какъ говорится, Богъ ноги. Натурально, пѣшіе казаки не успѣли забѣжать впередъ и преградить дорогу коннымъ киргизамъ. Послѣдніе хотя и проскакали подъ выстрѣлами казаковъ, но на столь далекомъ разстояніи, что выстрѣлы не сдѣлали бѣглецамъ никакого вреда, а только напугали ихъ вдосталь. Какъ угорѣлые, киргизы кинулись въ Уралъ и поплыли на зауральскую, или бухарскую сторону, держась, какъ обыкновенно водится при подобнаго рода переправахъ, кто за гриву, кто за хвостъ лошади. Со страха киргизы не оглядѣли мѣстность и попались въ просакъ. Противоположный берегъ, гдѣ имъ доводилось приставать, будто въ наказанье воришкамъ, оказался довольно-таки крутъ, а подъ самымъ яромъ было топко, или вязко, такъ что лошади ихъ, утопая и вязня въ илѣ, не могли выпрыгнуть изъ воды. По необходимости киргизы должны были спуститься по водѣ внизъ по теченію; они какъ разъ наткнулись на казаковъ, плывшихъ въ бударкахъ. И тутъ-то вотъ пошла потѣха, потѣха славная, по замѣчанію казаковъ. «Идно», — разсказывали старики, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, — «идно Яикушка застоналъ, какъ пошли наши глушить нехристей, словно бѣлугъ». Въ самомъ дѣлѣ, будто осетровъ или бѣлугъ казаки принялись тузить воришекъ шестами и чекушками. Человѣкъ съ десять киргизовъ пошло ко дну, остальные кое-какъ вскарабкались на берегъ и бросились подъ защиту своихъ сообщниковъ, оставшихся на бухарской сторонѣ и прискакавшихъ къ мѣсту драки. Киргизы отбили казаковъ отъ бухарскаго берега, выпустивъ въ нихъ десятка два стрѣлъ. Не имѣя ружей, казаки отплыли къ са-

марскому берегу, взяли на бударки своихъ товарищей, у которыхъ были ружья, и снова перекинулись на бухарскій берегъ; но киргизы отступили и удалились въ степь.

Послѣ этого подвига казаки собрали своихъ разсѣянныхъ по лугамъ лошадей, захватили часть киргизскихъ выплывшихъ послѣ убіенія хозяевъ на самарскій берегъ, и стали собираться въ путь-дорогу. Они рѣшили уѣхать по-добру-по-здорову съ этого мѣста и присоединиться къ «войску». Но между тѣмъ послали двоихъ гонцевъ въ Красноярскій форпостъ сказать, что-де неблагополучно на Яикѣ, что-де такъ и такъ: киргизы обижаютъ.

— Ахъ, мошенники! ахъ, варвары! что надѣлали, каторжные. Подумать страшно! Шутка ли! Бросить пикеты — а! Что это такое? На что это похоже? Ужъ не съ ума ли я спятилъ? Не во снѣ-ли мнѣ это мерещится? Охъ, Господи ты мой Боже! За чьи грѣхи така бѣда на меня накачалась! А что теперича «войско» скажетъ? Срамъ! срамъ! срамъ!... А все, вы, подлецы, виноваты — издохнуть бы вамъ! вы всему причиною, каторжные!

Такъ, бѣгая по форпосту, кричалъ Кузьма Семенычъ Ефремовъ на казаковъ, которые самовольно оставили пикеты за Ураломъ, — о чемъ сказано было выше. Между тѣмъ, всѣ казаки, сколько ихъ было въ наличности, сѣдлали лошадей, вооружались и готовились въ погоню за киргизами.

Правда, не для чего было бы пускаться за Уралъ.

Киргизы, нарушивъ покой казаковъ, поплатились уже за то: мы знаемъ, что человѣкъ десять изъ нихъ отправились на дно рѣки. Кромѣ того, ни одной казачьей лошади киргизы не угнали, а напротивъ, своихъ нѣсколько лошадей оставили въ добычу казакамъ; слѣдовательно, послѣднимъ не предстояло особенной нужды скакать за Уралъ, тѣмъ болѣе не нужно было попусту рыцарствовать, что киргизы удалились въ степь. Довольно было разставить по-прежнему пикеты. .

Такъ думали, и отчасти справедливо, нѣкоторые старики. Но приказный Ефремовъ думалъ иначе. Гордый своею репутаціею, онъ не хотѣлъ запятнать себя ни однимъ недостойнымъ

дѣломъ; пуще Богъ знаетъ чего онъ боялся, чтобы въ «войскѣ» не сказали про него, что онъ «саныга» (соня), что киргизы подъ носомъ, въ глазахъ у него, врываются на самарскую сторону, что команда не слушаетъ его (послѣдняя мысль кидала его и въ жаръ и въ ознобъ). Вотъ эта-то причина и побудила Ефремова пуститься въ погоню за киргизами и, во что бы то ни стало, нагнать и хорошенько пощипать хищную птицу, какъ звалъ онъ киргизовъ.

— Мало съ насъ одного срама, что киргизовъ проспали, прозѣвали,—говорилъ онъ: — видно еще надо, видно желательно вамъ, чтобы про насъ сказали, что мы, трусы, киргизовъ боимся.

Говоря это, Ефремовъ скрипѣлъ зубами и торопилъ казаковъ.

Скоро вокругъ него собралось человѣкъ до тридцати «храброй братьи», почти весь наличный комплектъ служащихъ казаковъ. Съ ними Ефремовъ махнулъ за Уралъ, оставивъ при будкѣ, т. е. при караульномъ домѣ, на часахъ человѣкъ пять— шесть.

Въ торопяхъ Ефремовъ забылъ послать гонцовъ или вѣстниковъ въ сосѣдственныя станицы: въ Калмыковскую крѣпость и въ Харкинскій форпостъ, извѣстить тамошнихъ казаковъ, дабы они, въ силу существующаго на Уралѣ обычая, или постановленія, выѣзжали за Уралъ, на помощь Ефремову и его командѣ. Уже съ бухарской стороны онъ прокричалъ оставшимся на самарскомъ берегу казакамъ, чтобы они сами распорядились этимъ дѣломъ.

Выбравшись изъ луговъ на степь, Ефремовъ сдѣлалъ смотръ командѣ; на форпостѣ съ горячности онъ этого не успѣлъ сдѣлать. Оказалось, что всѣ казаки, кромѣ одного, были въ исправности, на хорошихъ скаковыхъ лошадяхъ. Только Нефедъ Ж...нъ оказался неисправнымъ; лошадь подъ нимъ была не хороша, тяжела набѣгу, просто-на-просто маштакъ, у котораго нѣтъ ни рыси, ни скачи, и который годенъ только для воза, но не для верховой ѣзды, особенно для такой, которая предстояла Ефремову съ командой. Нефеда забраковали и велѣли

вернуться назадъ. Стыда ради, онъ началъ-было доказывать, что не отстанетъ отъ другихъ, но его не слушали, да и слушать не слѣдовало: улика была налицо.

— Ступай домой, тебѣ говорятъ! сказалъ Ефремовъ Нефеду:— Рази не знаешь, что пѣшій конному не товарищъ. Ступай домой!

— Молись, ребята! сказалъ Ефремовъ, и, снявъ шапку перекрестился. Команда сдѣлала то же.

— Съ Богомъ! сказалъ Ефремовъ.

И, припавъ къ лукѣ, съ пиками на перевѣсъ, понеслись казаки на облако пыли.

Пристыженный и сконфуженный Нефедъ Ж...нъ остался и поворотилъ пѣгаго маштачка къ Уралу.

Казаки скакали молча; кругомъ ихъ была глушь и тишь страшная, — только конскій топотъ отъ песчанаго грунта, по которому скакали казаки, какъ-то глухо отдавался въ ушахъ, но и тотъ оставался позади и замиралъ въ воздухѣ, да по временамъ Кузьма Семенычъ тихо, чуть не шопотомъ, проговаривалъ: «сдержи»! когда считалъ нужнымъ придержать лошадей, чтобы дать имъ перевести духъ, или: «припусти!» когда находилъ возможнымъ прибавить бѣга.

Скачутъ казаки не версту, не двѣ, а скачутъ казаки десять, скачутъ пятнадцать, двадцать верстъ. Вотъ облако пыли стало рѣдѣть, вотъ въ серединѣ его, какъ въ туманѣ, показалась черная точка; точка эта растетъ. увеличивается; изъ точки образуется большое пятно, огромная масса; вотъ наконецъ черная масса распадается на отдѣльныя движущіяся точки, каждая точка обозначается, обрисовывается ясно: это киргизскіе наѣздники, бѣгущіе отъ казаковъ. Вотъ они, эти бѣглецы, близко, близко; вотъ какихъ-нибудь полверсты осталось до нихъ.

Дотолѣ казаки, сдерживая, по приказу Ефремова, лошадей, скакали всѣ вмѣстѣ, кучкой, но, при послѣднихъ словахъ приказнаго, каждый казакъ, закричавъ и загайкавъ, далъ волю своей лошади; и тогда, въ нѣсколько секундъ, казаки развернулись и вытянулись въ одну линію, и тѣ изъ нихъ, у кого

лошади были рѣзвѣе, стали настигать киргизовъ и неслись, какъ говорится, на хвостахъ киргизскихъ лошадей.

Впереди всѣхъ скакали два казака, оба молодые ребята, въ первый разъ попавшіе на ратное дѣло. Подобрались казачата къ заднимъ киргизамъ близко; вотъ-вотъ, сейчасъ, сію минуту, того гляди, ударятъ по спинѣ непріятеля, но со стороны послѣдняго есть отпоръ: два наѣздника, два храбрые батыря, на легкихъ туркменскихъ аргамакахъ, словно гонные волки отъ собакъ отгрызаются отъ казачатъ. Отдѣлясь отъ своей партіи одинъ вправо, другой влѣво, эти наѣздники, время отъ времени, оборачиваются и сбоку, описывая дугу, быстро, съ пронзительнымъ гикомъ и воплемъ, наскакиваютъ на казачатъ; бить не бьютъ, а длинными-предлинными пиками задаютъ казачатамъ немалую острастку. Казачата невольно придержатъ лошадей, укрѣпятся на стременахъ и обернутся лицомъ къ нападающимъ, чтобы не прозѣвать и смѣлѣе встрѣтить ихъ пиками; но киргизскіе смѣльчаки, подскакавъ къ казачатамъ на близкое разстояніе, круто и мгновенно поворачиваютъ назадъ и летятъ прочь.

Повидимому, въ этомъ маневрѣ ничего нѣтъ важнаго, но въ сущности онъ много приноситъ пользы бѣгущимъ киргизамъ. При столкновеніи киргизскихъ наѣздниковъ съ казачатами, послѣдніе, по чувству самохраненія, хоть на нѣсколько секундъ, умѣрятъ, укоротятъ бѣгъ своихъ лошадей, иногда вовсе пріостановятся, чтобы безопаснѣе принять и ловче отвести непріятельскіе удары, а этимъ самымъ временемъ бѣгущая киргизская партія, нѣсколькими лишними скачками, подвинется впередъ и выйдетъ изъ-подъ казачьихъ пикъ.

Кузьма Семенычъ, скакавшій за казачатами, не спускалъ съ нихъ глазъ и время отъ времени ободрялъ ихъ своими кликами.

— Вправо забирайте, ребятушки! кричалъ онъ казачатамъ, когда замѣчалъ, что они, какъ новички въ дѣлѣ ратномъ, поступали не такъ, какъ бы слѣдовало, и тѣмъ подвергали себя опасности быть проколотыми.

«Забирать вправо», т. е. держаться самому правой стороны, а преслѣдуемаго непріятеля оставлять въ лѣвой сторонѣ, значитъ выигрывать перевѣсъ надъ непріятелемъ по самой простой, физической причинѣ: справа влѣво ловко бить пикой, стоитъ только размахнуть рукой, а для этого достаточно момента. Слѣва же вправо бить пикой не только неловко, но и совсѣмъ неудобно; для этого приведется изгибаться на лошади, но какъ ни изгибайся, ударъ не ловокъ, слѣдовательно и невѣренъ будетъ; для этого приведется поворачивать самую лошадь, а непріятель ждать не будетъ: пока ты будешь поворачивать лошадь, и лошадь, слѣдуетъ замѣтить, поворачивается вправо не такъ легко и скоро, какъ влѣво; пока ты поворачиваешь лошадь, непріятель, сдѣлавъ только полоборотъ налѣво на сѣдлѣ, взмахомъ руки можетъ сколоть тебя. Киргизы, между тѣмъ, употребляли все возможныя уловки, чтобы ускакать отъ казаковъ. Многіе изъ нихъ, для облегченія лошадей, сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выбрасывали изъ-подъ себя сѣдельныя подушки, наметы, а иные, отстегнувъ на всемъ скаку подпруги, скидывали и самыя сѣдла. Но ни что не помогало. Съ каждымъ моментомъ казаки подбирались къ киргизамъ ближе и ближе.

Два киргизскіе наѣздника, о которыхъ сказано выше, видя, что къ безбородымъ казачатамъ подвигаются казаки бородатые, стали рѣже и рѣже наскакивать на нихъ, а наконецъ и сами пошли на-утекъ.

Кузьма Семенычъ съ радостію сталъ замѣчать, что аргамаки подъ киргизскими батырями, отъ безпрестанныхъ и быстрыхъ круженій, видимо утомлялись, а его доморощенный бурый конь чѣмъ дальше скакалъ, тѣмъ больше и больше прибавлялъ бѣгу. Немного погодя, Кузьма Семенычъ сверстался съ казачатами; еще немного погодя, онъ опередилъ ихъ и сталъ помышлять о томъ, за котораго изъ батырей приняться прежде.

Кузьма Семенычъ оглянулся вокругъ себя, ища на всякій случай опоры: на казачатъ, какъ на людей неопытныхъ, онъ много не надѣялся, а одному на двоихъ пускаться все-таки

опасно. Явилась Кузьмѣ Семенычу и опора: рядомъ съ нимъ, почти стремя въ стремя, ухо въ ухо, скакалъ еще казакъ, Семенъ Азовсковъ, у котораго игреній конь также сталъ размицаться и скакать быстрѣе и быстрѣе.

— Теперь нашъ чередъ! сказалъ Ефремовъ Азовскову.—Ты, Сема, бери себѣ голубаго, а я возьму краснаго.

Слова: голубаго и краснаго относились къ киргизскимъ наѣздникамъ, которые были одѣты — одинъ въ голубой чапанъ, а другой въ красный халатъ.

Азовсковъ, рослый и сильный, вмѣсто всякаго отвѣта, кивнулъ головой, поникъ на сѣдлѣ, припалъ почти къ самой гривѣ игреняго, какъ мѣхами потянулъ въ себя воздухъ, и потомъ, испуская его, словно изъ трубы, ринулся на голубаго всадника. Кузьма Семенычъ припустилъ на краснаго. Загайкали, залюлюкали казаки вслѣдъ Ефремову и Азовскову.

— Туту его! возьми его! кричали иные казаки въ шутку, будучи увѣрены, что Ефремовъ и Азовсковъ сейчасъ, сію минуту — благо лошади бѣгутъ, что эти казаки сейчасъ какъ съ полки сдунутъ смѣлыхъ батырей, но не тутъ-то было: дѣло приняло оборотъ не совсѣмъ-то благопріятный. Батырь, въ голубомъ чапанѣ, улепетывая отъ Азовскова и безпрестанно оглядываясь назадъ, смѣтилъ, вѣроятно, что не уйдти ему отъ казака, и потому рѣшился на богатырскій, отчаянный подвигъ: онъ круто повернулъ аргамака назадъ и со всѣмъ отчаяніемъ, испуская пронзительный гикъ, устремился на Азовскова.

— Ловокъ, бестія!.. — успѣлъ только подумать Азовсковъ, какъ батырь налетѣлъ на него, и, обливаясь кровью, казакъ опрокинулся назадъ.... Отчего это такъ случилось? А вотъ отчего.

У киргизовъ вообще пики длинныя, длиннѣе казачьихъ раза вполтора, если не больше. При нападеніи, киргизъ держитъ пику за самый почти конецъ, упирая его подъ мышку или, покрайней мѣрѣ, прижимая его подъ мышкой, и напрягая притомъ всю силу, чтобы по возможности соблюсти равновѣсіе и удержать другой, острый, конецъ, т. е. лезвее пики, въ го-

ризонтальномъ положеніи. Эту манеру или этотъ пріемъ держанія пики киргизы основываютъ на томъ, что дальше можно достать непріятеля. Конечно, это нелѣпость, и пусть киргизы остаются при этой нелѣпости, намъ же, русскимъ, лучше; это нелѣпо потому, что пика, когда ее такимъ образомъ держатъ, какой бы силачъ ею ни владѣлъ, все-таки гнется и жиблется, и острый конецъ ея, отъ давленія воздуха, все-таки клонится долу и ставитъ киргиза въ неловкое положеніе.

У казаковъ, напротивъ, пики короткія, и казаки держатъ пики не за конецъ, какъ толковые и предусмотрительные киргизы, а поперекъ или, какъ говорится, на перевѣсъ. У казака, когда онъ идетъ въ атаку или когда бросается одинъ-на-одинъ на непріятеля, положимъ, на киргиза, у казака въ это время лезвее пики впередъ отъ лошадиной головы высовывается только на полъ-аршина или немного больше, потому, во-первыхъ, что пика у казака, какъ сказано, короче, а во-вторыхъ потому, что казакъ относитъ руку немного назадъ, чтобы при ударѣ былъ размахъ; но, не смотря на то, это лезвее скорѣе и вѣрнѣе достигаетъ цѣли.

При столкновеніи съ киргизомъ, казакъ ударяетъ сверху внизъ концемъ своей пики по концу киргизской пики, послѣдняя и безъ того книзу клонящаяся, отъ удара мгновенно ныряетъ и утыкается въ землю. Тогда казаку остается только подставить свою пику и киргизъ грудью или животомъ самъ налетитъ на нее. Разумѣется, все это дѣлается далеко скорѣе, нежели мы разсказываемъ, все это совершается въ одно мгновеніе — не больше.

При столкновеніи же съ такимъ непріятелемъ, у котораго пика не длиннѣе казацкой, или который держитъ не по-киргизски, то есть, не за самый тупой конецъ, а на перевѣсъ— казакъ отводитъ непріятельскій ударъ, то есть непріятельскую пику, инымъ маневромъ: онъ ударяетъ по ней не сверху внизъ, а уже снизу вверхъ, такъ, чтобы непріятельская пика взвивалась вверхъ и проносилась мимо казака, или черезъ голову или черезъ плечо. Но эта уловка, эта сноровка, слѣдуетъ замѣ-

тить, трудновата: тутъ нужна ловкость, ловкость, да и ловкость, а главное — безстрашіе, безстрашіе, да и безстрашіе! Вотъ и Семенъ Азовсковъ, мы видѣли, попался въ просакъ, и онъ куда былъ ловокъ и безстрашенъ; онъ такъ искусно владѣлъ пикой, какъ только можно владѣть ею ловкому и безстрашному казаку.

Киргизъ, устремившійся на него, нечаянно ли, безъ сознанія, или сознательно, съ обдуманной цѣлью — неизвѣстно, держалъ пику на перевѣсъ; казакъ замѣтилъ это уже тогда, когда врагъ висѣлъ, что называется, у него на носу, оттого-то онъ и не успѣлъ изловчиться и отвести, какъ слѣдуетъ, киргизскую пику. Правда, онъ ударить—ударилъ по ней снизу вверхъ, но неловко; правда, пика киргиза взвиться-взвилась вверхъ, но не высоко, и въ самую, какъ выражаются казаки, «припорцію»: киргизская пика ударила Азовскову въ лобъ, надъ лѣвой бровью.

Азовсковъ опрокинулся назадъ, но удержался, съ лошади не упалъ. Хотя пику свою онъ уронилъ, поводья изъ рукъ выпустилъ, но за то обѣими руками ухватился за киргизскую пику.

Повернулись они съ киргизомъ на мѣстѣ разъ, два: киргизская пика изломилась.

Сцѣпились они съ киргизомъ, какъ Ермакъ съ Махметъ Куломъ, крутились, крутились и, не одинъ, а оба на полъ свалились.

Тутъ, какъ орлы, налетѣли казаки и прикололи голубаго. А что красный? Красный бросился было на помощь къ голубому, когда тотъ катался съ Азовсковымъ по землѣ, но Ефремовъ не допустилъ: онъ пронизалъ его пикой, и успѣлъ еще подскакать къ голубому и, за компанію съ другими, кольнуть разъ другой и этого.

Пріостановились казаки, подосадовали, поскрипѣли зубами на киргизовъ, перевязали Азовскову рану платкомъ (рана сначала казалась не опасной, но впослѣдствіи была смертельной), дали немного вздохнуть и оправиться раненому, поймали лошадь его, и снова поскакали за киргизами, а киргизы, между тѣмъ, умчались далеко.

Была пора казакамъ остановиться; они, вопреки войсковымъ постановленіямъ, слишкомъ уже далеко увлеклись, но казаки не думали останавливаться и возвращаться домой, не пощипавъ хорошенько ордынцевъ. Казаки надѣялись, что къ нимъ можетъ подоспѣть которая-нибудь изъ командъ, харкинская или калмыковская, извѣщенныя гонцами, ибо, мы слышали, Кузьма Семенычъ, отправляясь въ погоню за киргизами, велѣлъ послать вѣстниковъ и въ Харкинскій форпостъ и въ Калмыковскую крѣпость. Кромѣ того, казаки озлобились на киргизовъ, что они одного изъ нихъ, что ни лучшаго молодца, ранили, а ужъ одно это обстоятельство могло разгорячить воображеніе и отуманить всякое мышленіе у казаковъ: они рѣшили гнаться за киргизами, на сколько хватитъ силы въ лошадяхъ.

Между тѣмъ, киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія, человѣкъ изъ 20-ти, направилась на юго-востокъ, а другая, человѣкъ изъ 30-ти, на сѣверо-востокъ. Цѣль у киргизовъ была разъединить силы казаковъ, но казаки обману не поддались: они всей командой пустились за одной, пошедшей на сѣверо-востокъ, партіей.

Снова гонятъ казаки киргизовъ, и начинаютъ нагонять. «Вотъ скоро, думаютъ казаки, будетъ опять работа.» Но киргизы вдругъ спустились въ лощину и скрылись изъ глазъ казаковъ.

Казаки подскакиваютъ къ лощинѣ, гдѣ скрылись киргизы, и видятъ чудеса: вся лощина занята огромнымъ лагеремъ и усѣяна киргизами. «Чтобы не солгать,—говорили старики, участвовавшіе въ этой погонѣ, — ихъ, тоись, басурмановъ, было видимо невидимо, большое собранье, человѣкъ ста четыре, ильбо и больше, да все со значками: что ни кучка, то на пикѣ значки».

— Плохо, подумали казаки.

— Слѣзай, ребята! закричалъ Кузьма Семенычъ.

И въ одно мгновеніе казаки попадали съ лошадей. Назадъ скакать и думать нельзя было, это бы значило гибнуть навѣрное. У казаковъ, проскакавшихъ до 50-ти верстъ, разумѣется, не все въ скачь, а гдѣ и рысью, гдѣ и грунью, у казаковъ,

проскакавшихъ такое разстоянiе, лошади были сильно истомлены, а у киргизовъ, отдыхавшихъ на мѣстѣ, лошади были съ свѣжими силами. Слѣдовательно, ускакать казакамъ отъ киргизовъ не было никакой возможности, и киргизы, пустившись всею массою за казаками, могли всѣхъ ихъ поодиночкѣ переколоть пиками. Казаки чуяли эту невыгоду, и потому спѣшились, сомкнули лошадей въ кучку и переплели ихъ поводьями, чтобы онѣ, при натискѣ киргизовъ, не разбились и не разбѣжались, а сами прижались со всѣхъ сторонъ къ лошадямъ и взялись за винтовки.

Попались, добрые молодцы, въ осаду.

Какъ море заволновалось киргизское скопище, какъ волны нахлынули ордынцы со всѣхъ сторонъ на казаковъ, и какъ волны же, столкнувшись со скалой, отхлынули назадъ.

Казаки прижавшись къ лошадямъ и припавъ на колѣни, встрѣтили киргизовъ выстрѣлами, но не залпомъ (къ этому они прiучены не были), а въ перемежку, или, какъ говорится, черезъ ружье (этому ихъ опытъ и практика научили) и человѣкъ десять киргизскихъ наѣздниковъ свалились съ лошадей. Этого весьма достаточно было для того, чтобы охладитъ жаръ нападающихъ. Киргизы, какъ и всѣ вообще азiятцы, только съ перваго раза, такъ сказать, сгоряча, нападаютъ храбро и стремительно, но если первая попытка не увѣнчается успѣхомъ, особенно если они замѣтятъ на комъ-либо изъ своихъ кровь,—а ужъ объ убитыхъ и говорить нечего,—храбрость ихъ колеблется, слабѣетъ и пропадаетъ: тогда самими ими овладѣваетъ страхъ и ужасъ.

Такъ было и теперь при нападенiи на горсть красноярскихъ казаковъ. Сначала, поднявъ страшный, неумолкаемый крикъ и гикъ, ордынцы, по выраженiю казаковъ, такъ зажгли, т. е. такъ горячо и стремительно атаковали русскихъ, что у иныхъ казаковъ, надо правду сказать, волосъ сталъ дыбомъ.

Но когда казаки, благодаря своей находчивости и опытности, благодаря хладнокровiю и сознанiю своего достоинства, выдержали натискъ ордынцевъ, когда, сверхъ этого, нѣсколько

человѣкъ ордынцевъ попадало съ лошадей, кто убитый, кто раненый, тогда киргизы отхлынули назадъ и, какъ обваренные кипяткомъ, остановились. Значитъ, спѣсь съ нихъ была сбита.

Немного погодя, киргизы опять закричали, опять загайкали неистовымъ голосомъ, и въ другой разъ пытались-было всей массой атаковать русскихъ, но только пытались, а не пускались. Правда, являлись смѣльчаки, напускались на казаковъ, взывали къ своимъ, чтобы тѣ слѣдовали за ними, но масса только шумѣла, неистово кричала, да кружилась около казаковъ, а въ атаку не шла.

Казаки вздохнули свободнѣе, ободрились, «отудобили» казаки. Припадая на ражки, они не торопясь стали отстрѣливаться, выбирая цѣлью тѣхъ ордынцевъ, которые казались имъ вожаками, предводителями.

Казакамъ посчастливилось убить нѣсколько человѣкъ изъ среды послѣднихъ, т. е. изъ среды предводителей, и между прочими одного, что ни самаго батыря, который, какъ злая и неотвязчивая оса, надоѣдалъ казакамъ.

Этотъ батырь, подъ защитой панцыря, прикрытаго халатомъ, безпрестанно лѣзъ въ глаза казакамъ, помахивая длинной пикой. Казаки нѣсколько разъ стрѣляли по немъ, но не убивали, хотя и попадали. Дивились казаки этому чуду. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, отличный стрѣлокъ, Трифонъ Махакинъ, разгадалъ причину неуязвимости батыря, изловчился, выстрѣлилъ и попалъ батырю въ лобъ, — батырь не дохнулъ.

Послѣ этого киргизы присмирѣли, нападенія прекратили и отступили, какъ говорится, на благородную дистанцію. Но, не легче того, они окружили казаковъ густой стѣной, преградили имъ дорогу и отняли у нихъ всякую возможность къ отступленію, а потомъ стали безпокоить казаковъ стрѣльбой изъ луковъ и изъ ружей: у иныхъ изъ киргизовъ были и ружья, хоть сами собой плохія, съ фитилемъ, но все-таки ружья.

Правда, казаки не боялись, собственно за себя, ни стрѣлъ, ни пуль киргизскихъ: и стрѣлы и пули киргизскія, за дальностію разстоянія (киргизы держались далеко, чтобы самимъ

быть внѣ казачьихъ выстрѣловъ) не могли быть ни вѣрны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Стрѣлы рѣдко долетали, но и долетая, падали въ казачій кружокъ съ навѣса тихо. Казакамъ видно было, какъ спускались на нихъ стрѣлы, слѣдовательно казаки легко успѣвали отъ нихъ увертываться и увертывались. Только одинъ Осинька Вертячкинъ какъ-то сплоховалъ, и то оттого, что былъ нѣсколько косоватъ, и стрѣла ранила его въ плечо, но легко и не опасно. Пули киргизскія не опаснѣе были стрѣлъ. Кромѣ того, что киргизы стрѣляли издалека, выстрѣлы ихъ не могли равняться съ выстрѣлами казачьими еще и потому, что и ружья ихъ противу казачьихъ были плохія, и заряды скудные — порохомъ киргизы бѣдны — и пули не такія, какъ казачьи: киргизская пуля не иное что, какъ округленный камешекъ или галька, облитая свинцомъ или даже не облитая, а просто-на-просто обернутая листочкомъ изъ свинца. Натурально, такія пули не могли быть ни вѣрны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Изъ всѣхъ одна только пуля, поувѣсистѣе другихъ, попала Ивану Метлину въ бокъ, такъ что казакъ свалился съ ногъ, но дѣло кончилось одной контузіей. Если и былъ вредъ отъ киргизскихъ пуль и стрѣлъ, особенно отъ стрѣлъ, такъ это былъ вредъ иного рода: пули и стрѣлы попадали иногда въ казачьихъ лошадей, и лошади, служившія нѣкотораго рода защитой или, такъ сказать, оплотомъ казакамъ, бѣсились, рвались и грозили выйдти изъ послушанія, разстроить и смять самихъ казаковъ.

Положеніе казаковъ было незавидное, выйдти имъ изъ этого положенія не легко было безъ помощи командъ сосѣдственныхъ станицъ: Харкиной и Калмыковой. Но команды эти не являлись на выручку, хотя и давно настала пора имъ явиться. Атакованные красноярцы часовъ пять, шесть толкутся на одномъ мѣстѣ, вотъ уже вечеръ насталъ, скоро солнышко зайдетъ, а помощи все-таки нѣтъ.

Ждали, ждали красноярцы подмоги, но не дождались, смотрѣли, смотрѣли въ ту сторону, откуда сами прискакали, и откуда ждали помощи, но ничего, кромѣ неба да земли, не

видали, наконецъ—перестали ждать, перестали и смотрѣть. Нечего было попусту тратить время, уже и солнце закатилось. Такъ-ли, сякъ-ли, нужно было спасаться, пока не совсѣмъ еще стемнѣло: ночью опасность могла увеличиться. Рѣшились они тѣсной толпой, какъ стояли, подвигаться къ Уралу, идя шагъ за шагомъ, время отъ времени отстрѣливаясь отъ непріятеля и ведя за собою лошадей, большею частію скошеванныхъ, т. е. связанныхъ по шеямъ поводьями. По мѣрѣ того, какъ казаки подвигались, киргизы отступали передъ ними, а наконецъ разступились и открыли казакамъ дорогу, слѣдуя однакожъ по ихъ пятамъ и по сторонамъ, какъ будто тѣлохранители какіе. Киргизы, разступившись передъ казаками, вѣроятно надѣялись, что казаки, увидавъ открытое поле, сядутъ на лошадей и поскачутъ. Сдѣлай это казаки, т. е. сядь только на лошадей, пропали-бъ они; но казаки, наученные опытомъ, обману не поддались.

Прошли или нѣтъ такимъ образомъ казаки съ версту, какъ со стороны Урала показался всадникъ.

— Наши, наши! закричало нѣсколько голосовъ, когда вершникъ приблизился на такое разстояніе, что можно было узнать въ немъ казака.

Красноярцы запрыгали отъ радости и громко, громко прокричали: «ура!» такъ что озадачили киргизовъ, тѣ даже остановились, думая, что казаки рѣшились идти на нихъ въ атаку.

— Постойте, постойте, братцы, радоваться, — сказалъ не веселымъ тономъ Ефремовъ, пристально глядя на приближавшагося всадника: — всмотритесь-ка хорошенько, кто это?

Казаки устремили глаза на всадника и ахнули отъ удивленія. Казакъ, котораго они приняли за передоваго вспомогательныхъ командъ, былъ, кто бы вы думали? — Неѳедъ Ж....нъ!

Какимъ образомъ, или какимъ чудомъ онъ, этотъ несчастный Неѳедъ, явился тутъ, когда товарищи оставили его близъ Урала въ виду форпоста, и велѣли ему вернуться домой? Это осталось отчасти тайной. Впрочемъ, казаки тайну эту весьма легко разгадали. И догадка или разгадка казаковъ въ этомъ случаѣ достойна всякаго вѣроятія. Неѳедъ—иной причины не могло быть—

Нефедъ не вернулся на форпостъ, а рѣшился тащиться по слѣдамъ товарищей по весьма простой и естественной причинѣ: ему, извольте знать, какъ забракованному, стало быть (по казачьей логикѣ) ледащему казаку, стыдно было глаза показать домой; вѣдь ему не дали бы прохода, засмѣяли бы товарищи, вѣдь на него стали бы пальцами указывать; вѣдь ему, чего добраго, дали бы кличку, напримѣръ: «бракованный» или въ родѣ того, а эта кличка осталась бы за нимъ на всю жизнь; мало того, эта кличка могла бы перейдти и на дѣтей его, словомъ на все потомство, до седьмаго колѣна или дальше; все это въ характерѣ казаковъ: не любятъ они давать пощады ничему и никому. Зная это, могъ ли несчастный Нефедъ не бояться стыда и поношенья.

— Ну! конченъ балъ! сказалъ кто-то изъ казаковъ, и не безъ причины.

Въ эту самую минуту человѣкъ пятнадцать киргизовъ отдѣлилось отъ толпы и понеслось навстрѣчу Нефеду. Нефедъ бросился было въ сторону, но напрасно. Лошадь подъ нимъ едва-едва переваливалась, или, по выраженію казаковъ, только-только что ковыляла. Бѣдняжка спрыгнулъ съ лошади, палъ на колѣни, выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ киргизовъ, но другіе мгновенно окружили его и плѣнили. Все это свершилось такъ быстро, что казаки не могли опомниться. Впрочемъ, казаки ничего не могли сдѣлать въ пользу Нефеда; выручить его они ни коимъ образомъ не могли: для того казакамъ слѣдовало бы сѣсть на лошадей и скакать къ Нефеду, но сѣсть на лошадей, значило бы самимъ всѣмъ погибнуть. Связали киргизы Нефеду руки назадъ, посадили его на его же лошадь и повлекли къ своему сборищу. Бѣдный Нефедъ видѣлъ своихъ, кивалъ имъ головой, кричалъ что-то, но за шумомъ и крикомъ казаки не слыхали его словъ. Замѣтно, что онъ прощался съ ними.

— Прощай, прощай, товарищъ! кричали казаки Нефеду..

Между тѣмъ, киргизы, плѣнившіе Нефеда, подъѣхали къ своимъ и смѣшались съ толпой. Нефедъ пропалъ, и его никто уже больше не видалъ, по крайней мѣрѣ, живаго.

Вскорѣ все киргизское собраніе столпилось въ одну кучу, потомъ раздѣлилось на нѣсколько отрядовъ и отхлынуло отъ казаковъ въ разныя стороны. Казаки дивились и радовались такому обороту дѣла. Впослѣдствіи, по показанію мирныхъ киргизовъ, объяснилось, что Нефедъ назвался передовымъ командъ другихъ казачьихъ станицъ, и объявилъ киргизамъ, что команды тѣ сейчасъ, сію минуту должны прискакать съ Урала на выручку своихъ товарищей. Киргизы, не могшіе справиться съ одной командой, натурально боялись встрѣтиться еще съ нѣсколькими, и удалились въ степь, держась разныхъ направленій.

А гдѣ вспомогательныя команды Харкинская и Калмыковская?—Дома. Онѣ и не думали ѣхать на выручку Красноярской.—Почему? Да потому, что и въ Харкиномъ и въ Калмыковой узнали про погоню красноярскихъ казаковъ слишкомъ поздно, уже ночью, когда красноярцы возвращались на Уралъ.

Башкиры.

(Изъ ст. Назарова.)

Откуда произошло названіе башкировъ — положительно неизвѣстно; объ этомъ сохранилось слѣдующее преданіе:

Когда-то изъ Бухары вышли миссіонеры для распространенія мусульманской вѣры. Они были въ недоумѣніи — въ какую страну отправиться, потому что вездѣ, куда ни оглянись, были кафры (невѣрные). Тутъ имъ явился волкъ и повелъ ихъ на уральскія горы, гдѣ жили предки башкировъ, находившіеся въ язычествѣ. Оттого и получили они названіе *башкуртъ* или *волчья голова*.

Другое преданіе, еще сохранившееся въ памяти стариковъ, говоритъ о богатствѣ, несмѣтныхъ стадахъ скота и привольѣ, съ какимъ жили дѣды и даже отцы теперешнихъ башкировъ. Между ними тѣ, которые имѣли сотни головъ скота, считались бѣдня-

ками. А теперь? Теперь богачами считаются тѣ, у кого сотни головъ, да и такихъ счастливцевъ очень мало. Немного и такихъ, у кого десятки и единицы головъ скота; большинство же вовсе ничего не имѣетъ; сплошь и рядомъ на десятокъ дворовъ приходится одна кляченка. Рядомъ съ преданіемъ о богатствѣ, есть еще преданіе о высокой честности и другихъ добродѣтеляхъ дѣдовъ и отцовъ. А теперь?

Тяжела, жалка и однообразна жизнь башкировъ зимою. Нѣтъ у нихъ порядочныхъ избъ, не смотря на изобиліе собственныхъ лѣсовъ, и живутъ они такъ же грязно, какъ жили «*отисъ и дидъ*» т. е. отецъ и дѣдъ. Взгляните на любую башкирскую деревню: лачужки едва-едва держатся, какъ въ сказкѣ избы на курьихъ ножкахъ, ничѣмъ почти не покрыты, а если и крыты, то кое-какъ. Нѣтъ пріюта для скота: лошади, коровы, овцы и пр. находятся почти всегда подъ открытымъ небомъ, потому что дворы только съ боковъ защищены отъ зимнихъ вьюгъ кое-какими плетенками. Зиму проводятъ башкиры въ холодѣ, голодѣ и нуждѣ; нечѣмъ покрыть свою наготу; нѣтъ порядочной теплой одежонки. Въ зимніе длинные вечера сидятъ у чувала (нѣчто въ родѣ камина), и какой-нибудь краснобай-старикъ разсказываетъ о прежнихъ золотыхъ временахъ, когда были въ Башкиріи другіе порядки. Хлѣба башкиры сѣютъ очень мало; урожая не хватаетъ даже до половины зимы; а другую половину зимы маются бѣдняги кое-какъ; забираютъ хлѣбъ въ три и даже въ четыре раза дороже противъ того, за сколько сами продали осенью; перепродаютъ нѣсколько разъ свои луга за пустяки, обманываютъ другъ друга изъ-за куска хлѣба самымъ наглымъ образомъ; нанимаются въ работники безъ платы только бы кормили; не заботятся о завтрашнемъ днѣ, когда сегодня сыты; ходятъ изъ дома въ домъ, только чтобъ кто-нибудь покормилъ. Богатые башкиры (ихъ теперь немного у насъ) знаютъ только распивать чай, пить медъ или бузу, и дѣла имъ нѣтъ до остальнаго народа: такъ жили ихніе «*отисъ и дидъ*». Нѣкоторые ловкіе, богатые башкирцы даже пользуются такимъ положеніемъ дѣлъ: зимою нанимаютъ работниковъ на все лѣто, за какіе-ни-

будь пустяки, тогда какъ даже посредственный работникъ лѣтомъ, въ особенности въ страдное время, стоитъ въ мѣсяцъ 6—7 р. сер. Они заранѣе заключаютъ уговоры, и обыкновенно плата состоитъ въ хлѣбѣ. Вотъ жизнь башкира зимою.

Съ началомъ зимы начинаются у нихъ свадьбы *(туй)* и тутъ-то башкирецъ является въ своемъ національномъ видѣ. Онъ знаетъ, напримѣръ, что у такого-то башкира есть дочь, или у него самого дочь, а у другаго сынъ, шлютъ другъ къ другу посланниковъ *(ильчи, чакруйчи)* съ предложеніемъ породниться. Обыкновенно посланникъ ѣдетъ со стороны жениха въ домъ отца невѣсты. Принимаютъ его хорошо или дурно, смотря потому, согласны или не согласны родители невѣсты отдать свою дочь. Положимъ, что согласны. Посланникъ входитъ въ домъ, снимаетъ свое верхнее платье, остается въ щегольскомъ чекменѣ (кафтанъ) и садится на самое видное мѣсто. Онъ обращается къ хозяевамъ съ разспросами о ихъ здоровьѣ, о здоровьѣ деревенскихъ стариковъ и т. д. Послѣ разспросовъ о здоровьѣ подаютъ чай, до котораго башкиры большіе охотники. Пьютъ чай почти всѣ башкиры, такъ что даже и бѣднякъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ угостить чаемъ пріятеля и знакомаго, не смотря на то, что у него кучи другихъ надобностей самыхъ вопіющихъ, хоть бы напримѣръ, сорочку купить для своего дитяти, которое ходитъ нагое. Но пусть лучше дитя ходитъ безъ сорочки, нежели башкиръ откажетъ себѣ въ удовольствіи напиться чаю. Двѣ, три чашки пьютъ крѣпкаго чаю, кто съ сахаромъ, кто съ медомъ, кто просто со сливками или молокомъ, смотря по достатку; дальше пьютъ уже чистѣйшую воду, до тѣхъ поръ, пока въ самоварѣ не останется ни капли. Зажиточные башкиры пьютъ чай разъ по десяти въ день· всякому самоваръ, кого онъ любитъ, съ кѣмъ родня или пріятель, въ особенности же тому, кого онъ боится; а башкиръ боится только своихъ начальниковъ. Я знаю одного башкира, который никому не откажетъ въ чаѣ, хотя самъ сидитъ безъ рубахи. И такихъ много. Но возвратимся къ нашему посланнику. Угостивши чаемъ, ему подаютъ *бишбармакъ* (національное кушанье),

который обыкновенно приготовляется слѣдующимъ образомъ: берутъ нѣсколько фунтовъ говядины или баранины, иногда и цѣлаго барана, смотря по количеству гостей; кладутъ въ котелъ, гдѣ обыкновенно моютъ домашнюю посуду, кипятятъ молоко, моютъ бѣлье и проч.; потомъ, когда поспѣетъ говядина, ее вынимаютъ изъ котла и разрѣзываютъ на мелкіе кусочки, а въ котелъ спускаютъ салму (родъ лапши). Когда поспѣетъ въ свою очередь салма, опускаютъ въ котелъ искрошенную говядину; затѣмъ уже все вмѣстѣ наливаютъ въ огромную чашку, изъ которой и начинается ѣда пятью пальцами. Потому-то это кушанье называется бишбармакъ, т. е. пять пальцевъ. Во время ѣды, недостаточно самому угощаться своими пальцами, но непремѣнно должно и сосѣда или кого другаго угощать изъ руки, втискивая ему въ ротъ сколько войдетъ. Угощаемый вынимаетъ кушанье изо рта и, положивъ себѣ на ладонь, начинаетъ ѣсть, такъ требуетъ хорошій тонъ. Такимъ образомъ человѣкъ пять или шесть съѣдаютъ цѣлаго барана. Послѣ бишбармака опять чай. Потомъ приглашаютъ посланника и другіе однодеревенцы, и угощаютъ, кто чѣмъ богатъ. Наконецъ, посланникъ, наѣвшись досыта, объявляетъ причину своего пріѣзда, расхваливаетъ достоинства жениха, не смотря на то, что прославляемый женихъ, можетъ быть, еще въ пеленкахъ: это все равно. Обыкновенно, когда у богатаго башкира рождается дочь или сынъ, онъ уже ищетъ для своего ребенка приличную партію по семьямъ пріятелей. Если посланникъ исполнилъ свое порученіе съ успѣхомъ, то ѣдетъ домой, къ отцу жениха, который уже сзываетъ родныхъ невѣсты, для совѣщанія о калымѣ (выкупъ за невѣсту). Калымъ выдаютъ обыкновенно, смотря по богатству жениха и невѣсты. Доходитъ онъ отъ воза дровъ или сѣна до 3,000 р. сер. и болѣе. Послѣ совѣщанія о калымѣ, идетъ пиръ горою, при чемъ дѣлаютъ другъ другу подарки. Если нареченные очень молоды, то вѣнчанье *(никахъ)* совершается по достиженіи ими совершеннолѣтія. До никаха женихъ не видитъ своей невѣсты; ее старательно прячутъ отъ него. Очень интересны бываютъ разочарованія жениха, когда онъ, вмѣсто предполагаемой кра-

савицы, увидитъ свою дражайшую половину кривою или хромою. Тогда онъ начинаетъ ее колотить и, наконецъ, даетъ разводную. А до разводной сколько она, бѣдняжка, натерпится горя!.. Такимъ образомъ среди нуждъ, хлопотъ о кускѣ хлѣба, среди всякихъ лишеній, проходитъ зима, унося съ собою всѣ невзгоды. Зимою башкирецъ почти ничѣмъ не занимается. Въ самомъ дѣлѣ, какъ и заниматься ему чѣмъ-нибудь зимою, когда вьюга и морозъ не даютъ ему выходить изъ дому? Притомъ же такъ жили его «отисъ и дидъ». Если вблизи есть какой-нибудь желѣзный заводъ, то достаточные башкиры возятъ руду, беря съ пуда 30 к. асс. за 100 верстъ. Нѣкоторые же занимаются звѣроловствомъ, впрочемъ очень немногіе.

Съ наступленіемъ весны оживаетъ и башкирецъ. Онъ отъ души убѣжденъ, что зимой онъ *трудился;* стало быть, весной онъ имѣетъ право отдохнуть. Вотъ онъ и *отдыхаетъ.* Ужъ русскіе мужички начали распахивать свою земельку; уже у нихъ и посѣвъ давно кончился; они начали думать о другихъ работахъ, а башкирецъ все отдыхаетъ да отдыхаетъ. Наконецъ, какой-нибудь старикъ-башкирецъ вызовется и скажетъ: «а что, ребята, пора и намъ приняться за посѣвъ хлѣба, вонъ русскіе и татары давно ужъ кончили?» Тутъ начинается суета. У кого нѣтъ плуга, у кого нѣтъ сохи, у кого нѣтъ бороны, у кого нѣтъ лошадей!... Да и бѣда вѣдь, коли подумать! Тутъ на дворѣ весна и все Божіе твореніе веселится, а башкирцу нужно работать. Вотъ онъ и начинаетъ тужить о старинѣ; тогда дескать, не сѣяли и не пахали, а жили-то получше нашего. А время все не ждетъ башкира, все идетъ да идетъ впередъ. Наконецъ башкирецъ кое-какъ собрался съ силою, распахалъ землю, посѣвъ конченъ; совершенъ великій подвигъ, и онъ говоритъ: «уфъ, усталъ». А спросите его, сколько онъ посѣялъ десятинъ?—«Хе, бачка, развѣ моя русакъ—сѣять десятина; моя сѣятъ пуды!»—«Сколько же пудовъ?»—«Пудъ пять, шесть, чай, будетъ!!..»—«На сколько же времени это тебѣ достанетъ?»—«Хе, бачка, зима достанетъ, да еще въ магазей кладемъ, прудаемъ (продаемъ), чай беремъ; на все хватаетъ!...»—А другіе и вовсе не сѣютъ, и на

вопросъ: какъ же проживешь зиму? отвѣчаютъ: «хе, бачка, какъ-какъ?... зима жили же, будемъ жить опять; Богъ даетъ, не оставляетъ; а посѣешь, Богъ не даетъ, такъ опять же хлѣбъ не родится. Вотъ и будемъ жить, бачка, какъ нашъ отисъ и дидъ, хлѣбъ не сѣялъ, а все зимою не умиралъ, а умиралъ такъ, Богъ такъ велѣлъ.... Теперь нужно отдыхать».

Вотъ онъ отдыхаетъ, и не одинъ, а вмѣстѣ со своимъ скотомъ: ѣдетъ на кочевку. Тутъ-то раздолье башкирцу: пей кумысъ, кушай баранину, ничего не дѣлай и гуляй. Церемоніалъ отправленія на кочевку походитъ точь-въ-точь на то, какъ мыши кота хоронятъ. Опять бѣда: нужно чинить телѣги, нѣтъ колесъ, нѣтъ постромокъ для лошадей (а лѣсъ подъ бокомъ). Ну, слава Богу, кое-какъ исправили все это. Нагружаютъ телѣги разными домашними принадлежностями: одна или двѣ подушки, грязная ковренка или черная кошма, для мужа и жены двѣ пары сорочекъ, для дѣтей иногда бываетъ, иногда и нѣтъ; чекмень для мужа, изъ китайки халатъ для жены, одна деревянная чашка, одна или двѣ ложки, кунякъ (въ родѣ ведра). Потомъ ѣдутъ уже непремѣнно на извѣстное мѣсто, потому что тутъ кочевалъ «мой отисъ и дидъ», не смотря на то, что есть мѣста гораздо лучшія. Молодые башкиры и башкирки одѣваются въ самое лучшее платье и гонятъ, всѣ верхами, табунъ лошадей, стадо коровъ, овецъ впереди телѣгъ, нагруженныхъ вещами, стариками, старухами, дѣтьми и бабами. Тутъ шумъ, хохотъ, говоръ людей, мычанье коровъ, ржаніе лошадей, скрипъ неподмазанныхъ колесъ,—все это сливается въ какой-то дикій хоръ, пріятно звучащій въ ушахъ истаго башкира. Тутъ онъ въ своей сферѣ: онъ на свободѣ, у него богатырски поднимается грудь, расширяются ноздри и, не помня себя отъ радости, онъ готовъ поклясться всѣми святыми, что онъ самый умный, храбрый, сильный и свободный народъ въ свѣтѣ. Другіе народы ему трынь-трава! Онъ все знаетъ, все понимаетъ, все предвидитъ, потому что все зналъ, все нонималъ, все предвидѣлъ его «отисъ и дидъ».

Но вотъ пріѣхали на какую-нибудь поляну, на мѣсто ко-

чевки; выстроили бѣдные башкиры шалаши, а богатые раскинули свои кибитки и покрыли ихъ кошмою. Привязали жеребятъ, начали доить кобылъ, пустили лошадей на волю; сами расположились на чистомъ мѣстѣ. Вокругъ тѣнь и прохлада, впереди кибитокъ журчитъ ручей, откуда башкирки берутъ воду; на солнцѣ грѣются мальчишки, и не могутъ нагрѣться, имъ памятна зимняя стужа. Наступаетъ ночь. Какъ сладко спятъ башкиры! Многіе бы позавидовали, смотря на ихъ мирный сонъ, на спокойствіе и тишину вокругъ. Съ восходомъ солнца пробуждаются башкирки, доятъ коровъ, моютъ разную домашнюю утварь; потомъ уже просыпаются и самые башкиры, выходятъ изъ шалашей или кибитокъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Потомъ собираются у какого-нибудь богатаго башкира попить кумысу, безъ котораго башкиру кочевка не въ кочевку, жизнь не въ жизнь. Попивши у одного, идутъ къ другому и т. д. Такъ проходитъ день, проходитъ другой, а башкирецъ все пьетъ кумысъ и слушаетъ, какъ другой его собратъ играетъ на кураѣ (дудкѣ), про дѣла минувшихъ дней. Но вотъ, однакожъ, и башкиру это однообразіе надоѣдаетъ; сговорившись между собою, они приглашаютъ жителей другихъ деревень на зіинъ (собраніе). Нѣсколько деревень соглашаются между собою, чтобы пригласить другія деревни и шлютъ посланнаго. Онъ ѣдетъ со свитою, въ праздничныхъ платьяхъ; назначаютъ мѣсто, гдѣ должны сбираться для общаго увеселенія. Этимъ мѣстомъ выбираютъ обыкновенно большую ровную степь, гдѣ можно разгуляться. Вотъ съѣхались гости, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; ихъ встрѣчаютъ верстъ за пять отъ мѣста, назначеннаго для зіина. Угощаютъ сначала чаемъ, потомъ кумысомъ, бараниной или кониной. За угощеніями слѣдуютъ увеселенія: игра на кураѣ, игра горломъ, борьба, скачки и однообразныя, грустныя пѣсни. Попировавши такимъ образомъ до вечера, гости уѣзжаютъ во-свояси, и черезъ нѣсколько дней призываютъ тѣхъ, которые ихъ угостили. Въ прежнія времена на такія собранія стекалось до 5,000 человѣкъ; нынѣ уже онѣ бываютъ рѣдки и малочислены.

Такъ идетъ лѣто. Наступаетъ іюль; пора косить сѣно, а тамъ убирать хлѣбъ. Башкирецъ все это знаетъ; но ему жалко разстаться съ кочевкою, и потому онъ медлитъ. А время все не ждетъ башкира. Уже наступаетъ 20 іюля, а тамъ съ августа мѣсяца пойдутъ и морозики, смотря потому, какой годъ. Башкирецъ видитъ, что и въ самомъ дѣлѣ пора уже приняться за сѣнокосъ, а то, пожалуй и трава потеряетъ свою сочность. Онъ опять начинаетъ тужить о старинѣ, что, дескать, тогда не косили, а были сыты лошади, коровы, овцы и проч., а нынѣ времена трудныя: *трава не родится.* Подумавъ - подумавъ, башкирецъ принимается наконецъ за сѣнокосъ, и попрежнему накоситъ мало. А спросите его, отчего онъ мало накосилъ? «Какъ мало, бачка, зима достанетъ; увидимъ — не достаетъ, такъ лошадь, кобыла, жеребятъ пускамъ на тибинь; тамъ онъ своя кормитъ и ашатъ (кушаетъ); тибинь трава много». Пускать на тибинь, значитъ пускать въ степь, гдѣ лошади сами добываютъ кормъ, выкапывая изъ-подъ снѣгу мерзлую траву. Оттого лошади у башкирцевъ бываютъ такъ худы, что еле-еле выносятъ зимнюю вьюгу. Въ степи ихъ ѣдятъ волки; иногда лошадь проваливается въ какую-нибудь пропасть или яму. На это башкирецъ смотритъ какъ на наказаніе Божіе и, погоревавъ, перестаетъ думать о постигшемъ его несчастіи. А иные башкиры и вовсе не косятъ, ибо у нихъ нѣтъ ни лошадей, ни коровъ, ни овецъ; для нихъ однимъ трудомъ меньше. Кончили кое-какъ сѣнокосъ, нужно приняться за жатву хлѣба. Это, какъ кажется, всего труднѣе,—нужно нагибать спины, до чего башкиры не охотники. Впрочемъ, жатва оканчивается въ какихъ-нибудь 10 или много 15 дней. Хлѣбъ у башкировъ родится непремѣнно плохой, не смотря на хорошую и свѣжую землю. Досадно смотрѣть, какъ у башкира весь хлѣбъ пошибла трава, такъ что только тамъ и сямъ виднѣются колосья; а между тѣмъ, рядомъ съ нимъ посѣетъ русскій или татаринъ тотъ же хлѣбъ, и у нихъ отличный урожай. Башкиры распахиваютъ землю кое-какъ, боронятъ еще хуже, а когда хлѣбъ не родится, то гово-

рятъ: «хлѣбъ Богъ не даетъ, потому что мы забылъ Его; не исполняемъ, что написано въ Коранѣ».

Жатва кончена. Осень на дворѣ. Нужно оставитъ кочевки. Нужно поправить въ избахъ крыши, заборы. Башкирецъ возвращается съ кочевки, проклиная осень. Онъ кое-какъ поправляетъ крыши и заборы, и снова живетъ прежнею жизнiю, въ холодѣ, голодѣ, ничѣмъ не покрытый.

Башкирецъ не позволитъ себѣ надѣть лапти,—онъ гнушается ими, а между тѣмъ, сапоги его чуть-чуть держатся, пальцы такъ и просятся на показъ любопытнымъ. На головѣ у башкира повязанъ платокъ или надѣта остроконечная шапка, кругомъ обшитая разными болѣе или менѣе драгоцѣнными мѣхами, смотря по богатству. На себя башкирецъ надѣваетъ чекмень (кафтанъ) изъ овечьей шерсти, а богатые изъ чернаго сукна, кругомъ обшитый галуномъ. Рубашки холщевыя и ситцевыя. Подвязывается башкирецъ кушакомъ или каптыргой (поясъ изъ ремня, на правой сторонѣ котораго довольно большая сумка, для клади разныхъ вещей, на лѣвой сторонѣ маленькая сумка для ножа). Зимою башкирецъ надѣваетъ полушубокъ изъ овчинной или лисьей шкуры, смотря тоже по богатству, а на головѣ *куланчикъ* (въ родѣ теплаго колпака). У башкирокъ слѣдующiй костюмъ: на головѣ у замужнихъ *кашмау* (головной уборъ, унизанный бисеромъ, а сверхъ бисера серебряныя или золотыя монеты, или просто оловянные кружки, смотря по богатству); сзади кашмау вдоль по спинѣ идетъ какая-нибудь матерiя, унизанная тоже бисеромъ и монетами. Сверхъ кашмау *калапишъ*, остроконечная шапочка, тоже унизанная бисеромъ или деньгами. У незамужнихъ кашмау или калапишъ не бываетъ; голову онѣ покрываютъ платкомъ. Халатъ изъ китайки или изъ краснаго сукна, смотря тоже по богатству. Холщевыя или ситцевыя рубашки; впрочемъ, первыя, даже и между бѣдными, рѣдко въ употребленiи. На ногахъ сапоги, съ подборами у щеголихъ. Старухи накрываютъ голову *тастаромъ* (длинный или узкiй въ одинъ или два аршина бѣлый платокъ изъ миткаля).

Башкирецъ, когда онъ дома, то считаетъ себя господиномъ

въ полномъ значеніи этого слова. Онъ не терпитъ, чтобы кто-нибудь посторонній вмѣшался въ его семейную жизнь. Жены боятся мужей, какъ огня. Онѣ, когда остаются однѣ, ссорятся, даже иногда и дерутся, но пріѣзжаетъ мужъ, и всѣ ссоры покончены, не смѣютъ даже и взглянуть косо другъ на друга. Бываетъ иногда и такъ, что любимая жена одерживаетъ верхъ надъ другой; но это очень рѣдко. Жена во всемъ прислуживаетъ мужу: раздѣваетъ его, снимаетъ сапоги, сѣдлаетъ для него лошадь, подаетъ ему умыться, а мужъ, лежа на боку, приказываетъ ей, что дѣлать. Жена же должна сходить за водою, истопить печку; однимъ словомъ, она отправляетъ всѣ домашнія услуги. Въ случаѣ неповиновенія, мужъ колотитъ ее, и, наконецъ, даетъ разводную. Она не имѣетъ въ домѣ никакого вѣса, потому что она раба, а мужъ господинъ. Это происходитъ вовсе не оттого, что башкирецъ жестокъ; но отъ дикаго понятія, развитаго вообще у всѣхъ восточныхъ народовъ, что жена ничего не стоитъ; не нравится одна, можно купить другую, третью, четвертую и т. д.

Башкирецъ гостепріименъ. Пріѣзжайте къ любому башкиру, онъ васъ приметъ съ радушіемъ, угоститъ васъ всѣмъ, что у него есть, не требуя за это платы. Если онъ зарѣзалъ барана, то варитъ его непремѣнно за одинъ разъ, потому что знаетъ, что другіе къ нему придутъ, чтобы поѣсть; онъ знаетъ, что самъ пойдетъ къ другимъ. Потому, кто бы ни приходилъ къ нему, онъ угощаетъ всѣхъ, не разбирая, богатъ ли, бѣденъ, простой ли башкирецъ, или чиновникъ: въ этомъ случаѣ всѣ равны. Потому онъ, приходя къ кантонному, или къ помощнику его, или къ старшинѣ, не снимаетъ передъ ними шапку, не цѣлуетъ ихъ руки; а здоровается, какъ съ равнымъ себѣ. Башкирецъ добръ, снисходителенъ къ другимъ и не помнитъ нанесенной ему обиды. Я говорю о тѣхъ башкирахъ, которые удалены отъ городовъ, которые гордятся тѣмъ, что они башкиры. Они-то и составляютъ цвѣтъ Башкиріи. Они не будутъ отказываться отъ службы, выискивая для этого разные предлоги, и отправляютъ ее всегда съ честью и добросовѣстно.

Приближаясь къ городамъ, замѣчаешь перемѣну въ характерѣ башкира. Онъ становится развязнѣе, хитрѣе; не прочь украсть что-нибудь, а обмануть ему ничего не стоитъ.

У башкировъ, какъ и вообще во всѣхъ мусульманскихъ обществахъ, духовенство имѣетъ сильное вліяніе на умы народа. Вліяніе это сильно, потому что у мусульманъ одно только духовное образованіе, и у нихъ считается за грѣхъ перевести Алкоранъ съ непонятнаго для нихъ арабскаго языка на свой природный. Слѣдовательно, толкованіе Алкорана зависитъ отъ степени образованія самихъ муллъ; что они скажутъ, то и свято.

Башкирскіе муллы воспитываются въ медрессе (духовное магометанское училище), гдѣ ихъ сперва учатъ читатъ и писать по-татарски, потомъ заставляютъ заучивать голословно автіакъ (собраніе молитвъ на арабскомъ языкѣ). Такимъ образомъ проходитъ года три. Въ это время ученикъ только успѣваетъ выучиться порядочно, ознакомиться кое-какъ съ арабскимъ языкомъ и писать по-татарски.

Если родители богаты, то ученикъ можетъ продолжать свое образованіе; если же они бѣдны, то, пробывъ годъ-другой въ медрессе ученикъ возвращается домой, гдѣ онъ нуженъ въ хозяйствѣ. Къ тому же, въ медрессе всѣ ученики должны содержать себя сами. Учитель-мулла также не получаетъ вознагражденія за трудъ, и потому онъ учитъ и ходитъ въ медрессе, когда у него есть свободное время, за нимъ никто не смотритъ, какъ онъ учитъ и какъ обходится съ своими учениками. Отъ этого знающихъ муллъ у башкиръ совсѣмъ нѣтъ. А если и есть муллы, вполнѣ понимающіе горькое положеніе башкирскаго духовенства, то они не находятъ сочувствія между своими единоплеменниками. Правда, такихъ муллъ мало, но они все-таки есть.

Теперь положимъ, что кто-нибудь, поучившись нѣсколько лѣтъ въ медрессе, желаетъ получить званіе муллы. Онъ сначала долженъ угостить и расположить въ свою пользу жителей тѣхъ деревень, гдѣ онъ желаетъ быть муллою, потомъ задобрить всѣхъ служащихъ, начиная отъ муфтія, секретаря, казы (экземенатора) и писарей. И тогда только, когда онъ угодилъ всѣмъ сильнымъ

магометанскаго духовнаго собранія, ему даютъ указъ на званіе муллы. Башкиры привыкли смотрѣть на своихъ муллъ какъ на блюстителей общественнаго образованія. Мнѣнія муллъ имѣютъ большой вѣсъ въ глазахъ всѣхъ башкировъ. Если мулла честенъ и трудолюбивъ, башкиры считаютъ его святымъ.

Духовенство въ Башкиріи избавлено отъ всѣхъ государственныхъ повинностей; оно не получаетъ жалованья отъ правительства, а живетъ доходами съ своихъ приходовъ.

Самый главный доходъ башкирскаго духовенства во время праздниковъ Рамазанъ-байрамъ и Курбанъ-байрамъ, когда каждый башкирецъ даетъ муллѣ отъ 1 коп. до 3 руб. и болѣе. Притомъ, во время послѣдняго праздника, каждый башкирецъ приноситъ Богу жертву, состоящую изъ овецъ, коровъ и быковъ, шкуры которыхъ отдаютъ мулламъ. Сверхъ того, достаточные башкиры дарятъ имъ лошадей, халаты, хлѣбъ и проч.

Чтобы развить сколько-нибудь образованіе между башкирами и въ особенности дать имъ честныхъ, образованныхъ правителей и ремесленниковъ, русское правительство уже съ давнихъ временъ посылало башкирскихъ дѣтей воспитываться на казенный счетъ въ Оренбургскій корпусъ, въ Казанскую гимназію и тамошній университетъ исключительно по медицинскому факультету, въ фельдшерскую школу и бывшій баталіонъ военныхъ кантонистовъ—теперь военное училище. Да еще до 300 дѣтей посылали учиться въ столицы разнымъ ремесламъ. Въ недавнее время также стали учить башкировъ въ общественныхъ, приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Начинаютъ даже соглашаться, что магометанская религія нисколько не препятствуетъ учрежденію женскихъ училищъ.

Кончившіе курсъ въ упомянутыхъ выше учебныхъ заведеніяхъ возвращались на родину, занимали тамъ мѣста чиновниковъ, доходя мало-по-малу до званія кантонныхъ начальниковъ.

Попечителей избирали обыкновенно изъ русскихъ. Обязанность попечителя заключалась въ надзорѣ за дѣйствіями кантонныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ и старшинъ. Но онъ

почти не выѣзжалъ изъ города гдѣ жилъ; только осенью ѣздилъ вмѣстѣ съ лекаремъ осматривать неспособныхъ къ службѣ.

Вообще, башкиры, мещеряки и тептяри, обитающіе на востокѣ Россіи, въ губерніяхъ Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской, въ числѣ болѣе 1,000,000 душъ обоего пола, донынѣ имѣли военное устройство, въ видѣ особаго башкирскаго войска. Служебныя обязанности войска главнѣйшимъ образомъ заключались въ выставленіи особыхъ командъ, посылаемыхъ для работъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ Оренбургскаго края; во время же большихъ войнъ, изъ башкиръ формировались полки. Такъ, въ послѣднюю восточную войну изъ нихъ было сформировано даже четыре пятисотенныхъ казачьихъ полка, которые и были высланы на внѣшнюю службу. Но, при малой воинственности башкиръ, существованіе миліоннаго поселенія, преимущественно магометанъ и язычниковъ, въ составѣ особаго военнаго сословія, очевидно, не приносило никакой пользы; вслѣдствіе чего, еще въ 1832 году, правительство выразило мысль о необходимости постепенно обратить башкиръ въ податное состояніе. Не смотря на то, цѣль эта, до настоящаго времени не была приведена въ исполненіе. Наконецъ, 14 мая 1863 г. Высочайше утверждено положеніе объ обращеніи башкирскаго войска въ гражданское вѣдомство.

Права ихъ уравнены съ прочими свободными сельскими обывателями и образовано общественное управленіе на основаніи Положенія 19 февраля 1861 г., конечно съ нѣкоторыми только измѣненіями, вслѣдствіе особеннаго положенія инородцевъ. Также какъ и у всѣхъ русскихъ крестьянъ мѣстное управленіе образуютъ волостной и сельскіе сходы, волостные старшины, волостные суды и сельскіе старосты; всѣ должности общественнаго управленія замѣщаются по выборамъ. Всѣхъ кантоновъ образовано 11, причемъ за основаніе принято уѣздное раздѣленіе, а именно, кантоны: оренбургскій, верхнеуральскій, троицкій, челябинскій, красноуфимскій, бирскій, мензелинскій, бугурусланскій, белебеевскій, уфимскій и стерлитамакскій.

Лѣтнія кочевья киргизовъ.

(Изъ Пут. Сиверса, по Риттеру.)

Для праздника, по случаю возвращенія путешественниковъ Сиверса и его спутниковъ, въ аулѣ мирнаго племени горныхъ киргизовъ былъ приготовленъ кумысъ и баранъ. Юрта на первой горѣ была уже наполнена мужчинами и женщинами. Гости были радушно угощаемы вареною и жареною бараниною, безъ хлѣба и соли и, конечно, безъ ложекъ и вилокъ; кушанье запивали крѣпкимъ кумысомъ. Двое мужчинъ играли довольно монотонно на сувусагѣ и кобызѣ; одинъ изъ этихъ инструментовъ есть родъ свирѣли; другой родъ балалайки. Мужчины кололи барановъ и готовили кушанье; женщины не принимали участія въ пиршествѣ и занимались въ юртѣ другимъ дѣломъ: однѣ пряли веретеномъ и крутили руками верблюжью шерсть въ нити, между тѣмъ какъ другія были заняты убираніемъ своей головы, заплетали косы и украшали ихъ съ большимъ тщаніемъ. Незанятые мужчины щипали себѣ волосы изъ бороды. Киргизки, обыкновенно разодѣтыя и разукрашенныя, носятъ всегда кольца на трехъ первыхъ пальцахъ и постоянно находятся за домашней работой, какъ невольницы мужей своихъ. Онѣ доятъ стада, приготовляютъ масло, сыръ и кумысъ; онѣ же сѣдлаютъ и кормятъ лошадей, строятъ юрты при перекочевкахъ, шьютъ мужчинамъ одежды, даже сапоги, и очень искусно вяжутъ и плетутъ тесьмы изъ верблюжьей шерсти, киргизъ же, между тѣмъ,—пьетъ, ѣстъ, спитъ, куритъ, загоняетъ стада, ѣздитъ на охоту и на грабежъ.

При вступленіи Сиверса въ аулъ, только что возвратились съ пастбищъ многочисленныя стада козъ, барановъ, лошадей, рогатаго скота и до 500 верблюдовъ; дѣвушки тотчасъ отправились доить ихъ. Гости (числомъ 36) были приглашены на вечерній пиръ. Слѣдующій день прошелъ также въ веселомъ

пиршествѣ; было впрочемъ сдѣлано нѣсколько ботаническихъ прогулокъ и приготовленъ провіантъ для новаго путешествія на Зайссанъ. Сиверсъ приказалъ посолить нѣсколько пудовъ сыраго козьяго и бараньяго мяса, и потомъ разрѣзать его на тонкіе ломтики и повѣсить на солнце для сушенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ на свой счетъ праздничное угощеніе киргизамъ и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ, какъ самъ утверждаетъ, любовь всего семейства своего хозяина, Сарембета. Въ аулъ прибыла толпа незнакомыхъ киргизовъ для полученія *калыма* за молоденькую дѣвушку, высватанную одному изъ внуковъ Сарембета, 12-ти-лѣтнему мальчику. У киргизовъ родители уже заранѣе сговариваютъ своихъ дѣтей, принимая въ разсчётъ взаимное богатство; если случится, что женихъ умретъ, право его переходитъ на ближайшаго его родственника, если же и этотъ умретъ, то *калымъ* возвращается назадъ. *Калымъ* этотъ, исключая самыхъ бѣдныхъ, равняется обыкновенно отъ 150 до 1,000 р. асс. и состоитъ изъ нѣкотораго числа кобылъ и другихъ животныхъ. Невѣста взамѣнъ того выноситъ за собою въ приданое полную войлочную юрту, также постели, платья, ящики, золотыя и серебряныя украшенія, кораллы, жемчугъ и т. п., на сумму часто равную самому *калыму*. Женихъ и невѣста не видятся предварительно, и все ихъ счастіе зависитъ отъ сватовъ; не смотря на то, супружества ихъ бываютъ вообще довольно счастливы. Ссоры между мужемъ и женой очень рѣдки, но происходятъ часто при многоженствѣ между женами. Вдова сохраняетъ по мужѣ трауръ цѣлый годъ. 16 іюля, султанъ Сарембетъ перекочевалъ на два часа пути далѣе на злачную долину р. Бугаса съ 40 навьюченными верблюдами и тысячами головъ разнаго скота. Мужчины, женщины, дѣвушки, дѣти, ѣхали верхомъ въ праздничной одеждѣ. Даже верховыя лошади были наряжены по праздничному, вьючные верблюды были обвѣшаны бухарскими коврами, или пестрыми киргизскими войлоками; на нихъ лежали небольшія перекладины съ позвонками. Весь этотъ веселый поѣздъ, двигавшійся по зеленому и мѣстами скалистому скату, представлялъ очень жи-

вую картину. Одна богатая вдова, бывшая уже четыре мѣсяца въ трaурѣ, слѣдовала за поѣздомъ также въ пышномъ убранствѣ, но вся она была закутана въ длинный, черный, бархатный плащъ; подлѣ нея ѣхалъ мальчикъ, державшій въ рукахъ маленькое треугольное черное знамя. Въ продолженіе дороги она нараспѣвъ говорила надгробную рѣчь, которой вторили сопутствовавшія ей и окружавшія ее три подруги. Поѣздъ достигъ до новой горы; мгновенно отдѣлилось каждое семейство другъ отъ друга и черезъ полтора часа было поставлено полукругомъ десять юртъ, въ срединѣ которыхъ находились палатки Сарембета и Сиверса. Мужчины заботились о стадахъ своихъ, собирая и раздѣляя ихъ по принадлежности, связывая жеребятъ въ ряды, одною длинною веревкой. Женщины, между тѣмъ, строили юрты, сначала скрѣпивъ старательно плетенки изъ тонкихъ прутьевъ (тереги), ставили, укрѣпляли ихъ и обвѣшивали войлокомъ. Вслѣдъ за постройкой юртъ одна женщина родила ребенка; черезъ два дня Сиверсъ видѣлъ ее уже за работою; она получила въ подарокъ: отъ проводника три куска бархату, отъ Сиверса фунтъ табаку. Въ благодарность за то принесла она въ палатку путешественнику свѣжее козье масло и *еремчикъ*—родъ сладкаго творога, мѣстное лакомство, подаваемое изъ вѣжливости исключительно гостямъ. Кислый сыръ (куртъ) составляетъ главную пищу киргизовъ. На верховьѣ Бугаса было приготовлено большое угощеніе для сватовъ. Къ обѣду (18 іюля) были заколоты жеребенокъ и два барана на 60 гостей, которые, расположившись вокругъ, курили табакъ, пили кумысъ и громко болтали. Посреди юрты патріарха Сарембета поставленъ былъ напитокъ въ четыреугольномъ деревянномъ чанѣ, украшенномъ сверху, подобно цвѣточному горшку, пластинками лосиннаго рога, прибитыми гвоздиками изъ желтой мѣди. Двое молодыхъ людей разносили гостямъ опьяняющее питье въ деревянныхъ чашахъ. Одинъ изъ домашнихъ наполнялъ чаши до краевъ; у дверей юрты стояла тетка хозяина, и полными руками бросала гостямъ куски еремчика во всѣ стороны, съ большою ловкостію. Даже и малѣйшій кусокъ не былъ поте-

рянъ. Только черезъ полтора часа было принесено приготовленное кушанье. Сначала подали разрѣзанную лошадиную голову на деревянномъ блюдѣ: это было почетное кушанье, приготовленное только на долю старшихъ и знатныхъ. Затѣмъ послѣдовали остальныя части лошади. Женщинамъ, сидѣвшимъ передъ юртою, было посылаемо кушанье; только 80-лѣтняя жена Сарембета сидѣла позади своего господина и ѣла вмѣстѣ съ нимъ въ одной юртѣ; подлѣ нея сидѣла еще одна родственница. Что же касается до мужчинъ, то они обѣдали въ юртѣ всѣ вмѣстѣ, т. е. хозяева, слуги и невольники; и только женихъ, слѣдуя принятому обычаю, не показывался. Послѣ обѣда всѣ умылись, пробормотали молитву (по-магометански) и закурили трубки. Вечеромъ собралась въ одной юртѣ вокругъ огня толпа дѣвушекъ и женщинъ; онѣ пѣли хвалебную пѣсню въ честь жениха, а пятнадцать мужчинъ такую же въ честь невѣсты и супружества, въ продолженіе чего одинъ изъ присутствовавшихъ неутомимо проповѣдовалъ нараспѣвъ о вѣчной жизни. Одна изъ дѣвушекъ представляла невѣсту, а одинъ изъ молодыхъ людей—жениха. Въ юртѣ не должно было быть ни одного посторонняго мужчины, а потому Сиверсъ съ своими товарищами принужденъ былъ выйти вонъ, иначе бы дѣвушки разсѣялись и церемонія разстроилась. Пѣсни продолжались цѣлую ночь и тѣмъ заключилось пиршество того дня. На слѣдующій день (19 іюля) происходилъ уговоръ сватовъ; послѣ многихъ споровъ, отецъ жениха обязался дать за невѣсту 70 лошадей, цѣною на 600 рублей; 20 іюля сваты удалились, оставя 30 кобылъ до совершенія настоящей свадьбы. Это празднество, съ огнями и пѣснями, напоминало древніе патріархальные нравы, а не было слѣдствіемъ магометанскаго ученія; оно доказывало, что и киргизы, извѣстные на границахъ за дикарей и разбойниковъ, въ своемъ отечествѣ имѣютъ священные обряды, и жизнь ихъ не лишена поэтическихъ минутъ. Слѣдующія черты взяты изъ ихъ вседневной жизни. Въ каждую киргизскую юрту можетъ войти гость и распоряжаться какъ въ своей собственной; если онъ попотчуетъ киргизовъ табакомъ, то считается превосходнымъ

человѣкомъ и можетъ пить кумысъ сколько ему угодно. Если гость ѣстъ вмѣстѣ съ киргизами безъ ложекъ и вилокъ, по ихъ обычаю и сверхъ того платитъ: за барана какое-нибудь зеркальце, или пару бритвъ и т. п., то его повсюду называютъ *тюре* (т. е. султанъ), или *башлыкъ* (т. е. владѣтель); его подхватываютъ, по обычаю страны, подъ руки, когда онъ хочетъ садиться на лошадь или слѣзать съ нее. Даже дикій и хищный киргизъ китайско-русскихъ границъ, какъ замѣчаетъ Сиверсъ, дѣлается здѣсь подобнымъ послушному ребенку, и у него проявляются многія трогательныя черты глубокаго чувства. Но, конечно, киргизъ, подобно дикимъ звѣрямъ, съ которыми онъ живетъ въ степи, всегда слѣдуетъ своему природному инстинкту. Какъ они, хочетъ онъ быть свободнымъ; съ собственнымъ *тюре* (султаномъ) бѣднѣйшій изъ нихъ мало церемонится; садится спокойно подлѣ него, куря свою трубку. Если тотъ получаетъ подарокъ, этотъ требуетъ также своей части и вырываетъ ее у него изъ рукъ. Если встрѣтитъ сопротивленіе, то приходитъ въ бѣшенство, но черезъ минуту опять становится лучшимъ другомъ. Кротостью и подарками можно пріобрѣсти въ нихъ вѣрнѣйшихъ слугъ; справедливымъ обхожденіемъ—лучшихъ защитниковъ въ величайшей нуждѣ. Многочисленныя стада составляютъ ихъ благосостояніе: для пріобрѣтенія ихъ выходитъ киргизъ, не задумавшись, на грабежъ; для защиты ихъ собираетъ онъ на каждый вечеръ стада около своей юрты и объѣзжаетъ ихъ съ пикою въ рукѣ, заботясь цѣлую ночь въ сопровожденіи своихъ собакъ о безопасности стада. Нерѣдко приходится ему поднимать крикъ для устрашенія волковъ, не смотря на то, что овцы часто бываютъ похищены. Потерю вознаграждаетъ онъ охотно грабежемъ, а потому сосѣди не имѣютъ къ киргизу никакого довѣрія, и русскіе постоянно повторяютъ: «берегись киргизовъ!» Китайцамъ же всегда приходится поплачиваться передъ киргизами, для того, чтобы удержать ихъ за собою и чтобы хвастать своимъ владычествомъ надъ ними. Киргизъ очень суевѣренъ въ болѣзняхъ; привлекательнѣйшая же сторона его есть любовь къ своему семейству,

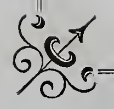
доброжелательство къ родственникамъ и радушный пріемъ ихъ при свиданіи, при чемъ нерѣдко чувство выражается радостными слезами. Это добродушіе дикаго сына природы и его грубое вѣрованіе въ невидимую силу, его рвеніе въ исполненіи молитвы, предписываемой заповѣдью ислама, хотя она совершается только при восходѣ и закатѣ солнца, или на могилахъ предковъ въ пустынной степи, выражаясь тихимъ шопотомъ, складываніемъ рукъ, глаженіемъ бороды и пр.; присоединеніе нынѣшнихъ могилъ къ древнимъ чудскимъ могиламъ, поминки по покойникамъ (называемые *ашъ*) и т. д. показываютъ, вмѣстѣ съ туземнымъ патріархальнымъ родомъ жизни и началами земледѣлія, способность этихъ необузданныхъ дикарей къ цивилизаціи. Киргизы, по замѣчанію Сиверса, по крайней мѣрѣ здѣсь, еще не пристрастились къ водкѣ и вину, которымъ предалась большая часть туземцевъ, находящихся въ сношеніяхъ съ русскими сибирякамн. Также и ужасныя послѣдствія, сопровождающія невоздержаніе и влекущія за собою порчу туземцевъ, каковы напр. чахотка, оспа и др., до сихъ поръ еще не показывались здѣсь. Киргизы имѣютъ страсть только къ кумысу; но, при простомъ приготовленіи этого цѣлебнаго и холоднаго, хотя опьяняющаго напитка изъ кобыльяго молока, онъ мало раздражаетъ и слабѣе дѣйствуетъ на ихъ организмъ. Торговыя сношенія ихъ съ сосѣдями до сихъ поръ ограничиваются мѣною; монеты у нихъ нѣтъ и торговые ихъ обороты походятъ болѣе на хитрое и недовѣрчивое пріобрѣтеніе, нежели на честное занятіе; при этомъ нерѣдко европеецъ теряетъ всякое терпѣніе отъ постоянныхъ перемѣнъ въ результатѣ. Страсть къ воровству, т. е. преимущественно къ конокрадству, имѣютъ всѣ киргизы, а потому эти самыя гостепріимныя племена грабятъ караваны (особенно около Бухтарминска, Аблайкита и еще болѣе въ земляхъ Большой и Малой Орды, нежели Средней). Роздыхи каравановъ и безпрестанныя перекочевки облегчаютъ имъ это ремесло, тѣмъ болѣе, что они часто переходятъ въ подданство то одного, то другаго изъ своихъ сосѣдей. Но нынѣ уже приближается эпоха ихъ ослабленія и переходы къ осѣдлости.

Такъ изъ свѣдѣній, собранныхъ Мейеромъ, слѣдуетъ, что нынѣ, когда въ китайскихъ областяхъ между киргизами еще сохранилась древняя хищническая жизнь, многія свободныя племена добровольно покорились русскому владычеству. Вѣроятно, этому примѣру послѣдуютъ и другія киргизскія племена; до сихъ же поръ главнымъ препятствіемъ къ образованію киргизовъ была зависть китайскаго правительства къ взаимнымъ отношеніямъ пограничныхъ народовъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Цѣна первому тому 75 к., второму 1 р., третьему 75 к. Четвертый и пятый томы будутъ въ скоромъ времени изданы.

LIBRARY OF CONGRESS
0 030 006 092 4